

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

65

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

4504

13(7)

45 т. 13(7)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

65

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корреспондент АН СССР — *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,
А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Е. И. ГОРЮНОВА

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
БЕРЕЗНЯКОВСКОГО ГОРОДИЩА*(Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета ИИМК 9 июня 1955 г.)*

Березняковское городище — памятник середины I тысячелетия н. э. — приобрело достаточную популярность в нашей исторической литературе¹. Материалы, полученные в результате широко поставленных раскопочных работ 1934—1935 гг., служат важным источником для изучения культуры и этнической истории племен Верхнего Поволжья.

П. Н. Третьяков, проводивший раскопки, изучил план поселения, его отдельные жилые, хозяйственные и культовые сооружения, что позволило исследователю не только определить хронологические рамки жизни поселка, но и дать живую и убедительную характеристику быта, хозяйства и экономики его обитателей. По признанию самого автора, материалы Березняковского городища так велики и многообразны и настолько четко отражают жизнь древних обитателей Верхнего Поволжья, что к ним еще не раз придется возвращаться.

Случай вернуться к этому материалу представился нам в связи с изучением племенного состава населения Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. В опубликованной работе П. Н. Третьякова² почти не уделяется внимания вопросам этнического состава населения городища. Развернутый и глубокий анализ вещественного материала используется автором преимущественно для обоснования даты поселения и характеристики его хозяйственного облика. Лишь в конце своей большой работы, суммируя выводы, П. Н. Третьяков пишет: «Обитатели верхнего течения Волги, без сомнения, принадлежат к группе северных восточнославянских племен, являясь, по-видимому, наиболее восточной ветвью племени кривичей»³.

С этим связан и другой, более общий вывод автора, что Верхнее Поволжье «входило в пределы той территории, на которой складывались восточнославянские племена и развивалась древняя славянская культура»⁴. (Подчеркнуто нами. — Е. Г.).

Мы знаем, что район ярославского Поволжья, где находится Березняковское городище, входит в обширную территорию распространения так назы-

¹ Березняковское городище находится на правом берегу Волги, в 20 км ниже устья р. Шексны. В 1903 г. оно было частично исследовано А. А. Спицыным, а в 1934—1935 гг. полностью раскопано П. Н. Третьяковым. См. А. А. Спицын. Поездка на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска 1903 г. ИАК, вып. 6, СПб., 1904, стр. 74—77; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941.

² П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 51—68.

³ Там же, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 89.

ваемой дьяковской культуры, которая единодушно связывается археологами с финно-угорскими племенами. Изложенная выше концепция могла возникнуть лишь в тот период, когда господствовавшая в археологической науке марровская теория стадильности допускала происхождение на базе одной культурной (в данном случае дьяковской) основы различных по своей природе культурно-этнических общностей, когда самое понятие «дьяковская культура» рассматривалось как некая питательная среда, из которой путем непонятного стадильного скачка появились и славянские, и финно-угорские племена. Порочная в своей основе теория стадильности, искажавшая конкретную историческую действительность, была археологами отвергнута. Порожденные ею ошибочные концепции, имевшие место в нашей научной популярной и учебной литературе, требуют критического рассмотрения.

Березняковское городище принадлежит к памятникам поздней поры дьяковской культуры. Именно так оно рассматривается и П. Н. Третьяковым¹.

Время жизни поселения относится к тому периоду (середина I тысячелетия н. э.), когда на территории Восточной Европы, повидимому, сложились не только культурные, но и этнические общности. Под этим углом зрения мы и должны пересмотреть материалы Березняковского городища.

Для полной характеристики памятника нам пришлось бы привлечь всю совокупность полученных при раскопках данных, касающихся материальной и духовной жизни обитателей поселения. Мы ограничимся рассмотрением лишь тех элементов культуры, которые в той или иной мере отражают племенные особенности населения; остановимся на характеристике жилищ, украшений, керамики и погребального обряда. Хозяйственной деятельности и общественных отношений, получивших достаточно полное освещение в работе П. Н. Третьякова, мы касаться не будем.

Напомним топографию Березняковского городища. Оно расположено на невысоком всхолмлении, огибаемом руслом р. Сонохты, в 250 м от ее устья. Высота площадки, на которой размещался поселок, не превышает 4—5 м над уровнем поймы. Весной, в полоую воду, городище превращается в небольшой островок, возвышающийся над водой всего на 1,5—2 м. В «большую воду» затапливается и перемычка, соединяющая площадку с напольным плато. Этим, видимо, объясняется расположение жилых построек, которые группируются в более возвышенной части, близ вала.

1

Типы жилищ создаются в соответствии с уровнем развития производительных сил, характером хозяйства и общественного строя. Важнейшими факторами в развитии тех или иных типов жилищ являются климат, географическая среда, характер грунта и другие условия данного района или области. С изменением условий меняются и отдельные черты сложившегося типа. Поэтому попытки связать типы жилищ, как это делают некоторые исследователи, с племенными культурами не имеют достаточных оснований.

Этническая традиция только закрепляет на более или менее длительный срок тот или иной тип жилищ, созданный под воздействием указанных выше факторов. С этой точки зрения мы и рассмотрим березняковские жилища.

Раскопками на городище открыто 11 построек различных форм, размеров и назначения; шесть из них — жилые дома. Их взаимное расположение, т. е. планировка поселка, позволило П. Н. Третьякову провести очень убедитель-

¹ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 58 и др.

тельное сравнение его со старой большесемейной удмуртской усадьбой. Здесь был большой общественный дом, аналогичный удмуртскому «корка», несколько небольших построек для отдельных брачных пар — «кеносы» и, наконец, культовый домик «куала»¹. Такую же планировку имели древние муромская² и мокшанская усадьбы³ и старый марийский двор.

Рассмотрим, что собой представляла каждая из жилых построек в отдельности.

Ввиду того, что приведенные в работе П. Н. Третьякова реконструкция и описание отдельных жилищ находятся в некотором противоречии с наблюдениями автора, зафиксированными в дневниках, мы обратимся к первоисточнику, т. е. полевым дневникам⁴.

Каждому жилому дому соответствовало небольшое углубление в материке, иногда еле заметное, но в большинстве случаев достигавшее 25 см и более. Из-за отсутствия при планах необходимых разрезов мы вынуждены привести несколько выдержек из дневника.

Стр. 28: «Прямоугольное углубление, глуб. 0,3 м ниже горизонта, уходящее в раскоп 2». Стр. 31: Сооружение 4. «Овальное неправильное углубление с пологими стенками. . .». «В средней части углубление ниже уровня материка на 25 см» (в публикации указано — 10—15 см. — Е. Г.)⁵. «На квадратах 195—196, 198—199 обнаружены следы такого же углубления, уходящего под стены раскопа». Стр. 34: Сооружение 5. «Обнаруженные остатки жилого сооружения. Они представляют собой остатки западины 4,5 × 4,5 м неправильной формы, углубленной в средней части на 0,3 [м]». «Западина заполнена была интенсивным культурным слоем». Стр. 34—35: Сооружение 6. «Оно представляет собой западину подпрямоугольной формы с пологими стенками, углубленную в средней части на 0,35 [м] (в публикации — 0,25 м. — Е. Г.)⁶ ниже среднего уровня материка. По западной и восточной стенкам сохранились остатки бревен, особенно по западной, где части бревен лежат на всем протяжении края западины».

В связи с сооружением 1, имевшим незначительное углубление, на стр. 23 дневника отмечены углубления, идущие вне стен жилища и параллельно им. Канавки углублялись в грунт на 4—5 см, т. е. глубина их от горизонта древней почвы была 0,25—0,30 м. С очертаниями канавки или углубления, заполненного гумусом, совпадает расположение ряда ям от столбов, которые «шли по краям черной земли».

Суммируя данные о глубине ям в основании жилых построек, мы должны учесть толщину слоя ископаемой почвы в среднем не менее 0,2 м. С этой поправкой углубление уровня пола по отношению к дневной поверхности для постройки 1 было 0,25 м, постройки 2 — 0,35—0,40 м, постройки 3 — 0,55 м, постройки 4 — 0,30—0,35 м (по дневниковым данным — 0,45 м), постройки 5 — 0,50 м, постройки 6 — 0,45 м (по дневниковым данным — 0,55 м), постройки 7 — 0,5 м; постройке 8 соответствовало углубление всего 0,25 м; сооружение 9, по описанию, было легким в виде навеса с облегченной конструкцией стен, возможно, плетневых; углубление для постройки 10 — 0,25—0,30 м и для постройки 11 — 0,23—0,28 м⁷. Таким образом, мы видим, что в основании каждой постройки имелось небольшое углубление; размеры его, несомненно, были связаны с почвенными условиями,

¹ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 61.

² Е. И. Горюнова. Тумовское селище. (Архив ИИМК).

³ Е. И. Горюнова. Селище Полянки. КСИИМК, XV, 1947, стр. 106—110.

⁴ Архив ЛОИИМК, д. № 168, 1934 г.; д. № 187, 1934 г.; д. № 135, 1935 г.

⁵ П. Н. Третьяков. Указ. соч., Приложение, стр. 116.

⁶ Там же, стр. 117.

⁷ Там же, стр. 114—120; Архив ЛОИИМК, д. № 168, 1934 г.

в частности с уровнем грунтовых вод, который, судя по топографии местности, должен был периодически подниматься.

Нам кажется, не будет ошибкой назвать березняковские постройки наземными, подчеркнув, что характерным их признаком является пониженный уровень земляного пола.

По краям ямы возводились деревянные стены в виде сруба, рубленного «в чашу», в 4—6 венцов, т. е. высотой от 0,8 до 1,6 м¹. В центре жилых домов или ближе к задней стене помещались открытые очаги; остатки их сохранились в виде груды растрескавшихся камней. Не касаясь пока характера кровельных перекрытий, реконструкция которых представляет наибольшие трудности, попытаемся найти для описанных жилищ археологические аналогии. Вследствие слабой изученности мест поселений этой эпохи аналогии будут немногочисленны, но достаточно убедительны.

В 1935 г. П. Н. Третьяковым было открыто совершенно аналогичное березняковским жилое сооружение на одном из Бологовских городищ. Приведем его описание: «Прямоугольная западина 4 × 6 м, углубленная в материк на 10—15 см. Внутри этой ямы, имеющей относительно крутые стенки, в середине, и особенно по краям, обнаружено большое число ям от столбов. В северной части углубления находился открытый каменный очаг. С южной стороны, вне сооружения, открыт ряд ям, расположенных полукругом»². Аналогичная полукруглая пристройка обнаружена у задней, также южной стены постройки 3 Березняковского городища³. Следы двух наземных жилищ встречены П. Н. Третьяковым и при раскопках территориально близкого к Березнякам Попадьянского селища (V—VI вв.), которое, по определению автора, «целиком отвечает поздним дьяковским» памятникам Верхнего Поволжья⁴, а по характеру керамики, «идентичной» березняковской, сближается им с этим городищем⁵. Жилой дом того же типа открыт на Барвихинском городище (VI—VII вв. н. э.). Жилище представляло собой четырехугольную деревянную наземную конструкцию размером 2,15 × 1,80 м с углубленным в материк (на 0,23 м) полом. Остатки дерева в заполнении ямы позволяют предположить наличие деревянного же перекрытия⁶.

Еще более яркую аналогию березняковскому типу построек дают реконструкции жилых домов Родановского городища на Каме, раскопанного М. В. Талицким в 1936—1937 гг.⁷ Учитывая позднюю дату Родановского городища, нижние слои которого относятся к концу I тысячелетия н. э., можно рассматривать родановские жилища как «этнографический пережиток». Впрочем, по наблюдениям М. В. Талицкого, широко распространенный в Прикамье родановский тип жилищ известен на этой территории, начиная с 1-й половины I тысячелетия н. э. Наблюдения эти подтвердились раскопками Камской экспедиции последних лет⁸. В болгарский период такие жилища уже постепенно сменялись более солидными высокими срубными постройками⁹.

Сравнивая березняковские жилища с родановскими, мы должны также иметь в виду территориальную отдаленность Родановского городища и связанные с этим локальные особенности его жилищ, проявляющиеся, однако,

¹ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 54.

² Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 69, 70.

³ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 56 и Приложение, стр. 116, 117.

⁴ Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I, Изв. ГАИМК, вып. 109, М.—Л., 1935, стр. 114; П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 71.

⁵ Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I, стр. 120. Раскопками 1955 г. на селище были открыты остатки большого жилого дома 18 кв. м с пониженным уровнем (типа березняковских).

⁶ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 114, 116.

⁷ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951.

⁸ Архив Отдела полевых исследований ИИМК, д. № 966, 1954 г.

⁹ М. В. Талицкий. Указ. соч., стр. 87, 88.

лишь в деталях внутренней конструкции. Основной тип этих жилищ, отраженный в плане постройки в целом, чрезвычайно близок к березняковскому типу¹. Прослеженные М. В. Талицким в процессе раскопок некоторые детали позволяют внести коррективы и в реконструкцию кровельных перекрытий, которые в родановском варианте больше соответствуют представлению о реальном жилом доме. Опорой для реконструкции жилищ Родановского городища служили М. В. Талицкому близкие этнографические параллели из строительной техники манси.

Малое родановское жилище по площади не превышало 20 кв. м. Незначительная высота бревчатых стен в несколько венцов (около 1—1,2 м) требовала увеличения внутреннего пространства жилого дома за счет повышения кровли, и, следовательно, нужно было создать дополнительные точки опоры для нее. М. В. Талицкий считает, что такой дополнительной опорой могли служить идущие вдоль стен канавки, в которые упирались кровельные следи.

Верхний ярус несущих конструкций представляли тонкие бревна, положенные горизонтально в развилки столбов, вбитых в пол жилища. Концы этих горизонтальных лаг намного выступали за пределы жилища, создавая опору для широкого навеса или тамбура.

Если учесть данные реконструкции родановского дома, то станут понятными прослеженные в процессе раскопок березняковских жилых комплексов детали, не принятые во внимание при создании реконструкции березняковских жилищ (рис. 1—1, 2).

Выше мы отмечали, что вокруг сооружения в центральной части раскопа I находились какие-то углубления рода канавок, с очертанием которых совпадают ямки от столбов. Возможно, что функцией этих канавок была опора кровли в земле. Такие же канавки зафиксированы и вне стен жилища². Совпадают с родановскими также некоторые детали внутренней конструкции березняковских жилищ и расположение столбов — опоры кровли. На внутренней площадке жилища 3 обнаружены следы 7 столбов; четыре из них были вкопаны попарно вдоль продольных стен, два — около очага (у задней стены) и один — в центре. Очаг жилища 1 был расположен на глинобитной платформе. В дневниках имеются указания о наличии в березняковских жилищах и хозяйственных ям³.

Отметим также, что в сооружении 1 обугленные бревна сруба примерно на 2 м выходили за пределы углубления, т. е. жилого пространства дома⁴. Эта деталь также находит объяснение при сравнении с конструкцией родановских жилищ.

Таким образом, сходство, — если не полное тождество, — не только плана, но и отдельных деталей внутренней конструкции родановских, попадьинских и березняковских жилищ дает нам все основания считать их однотипными.

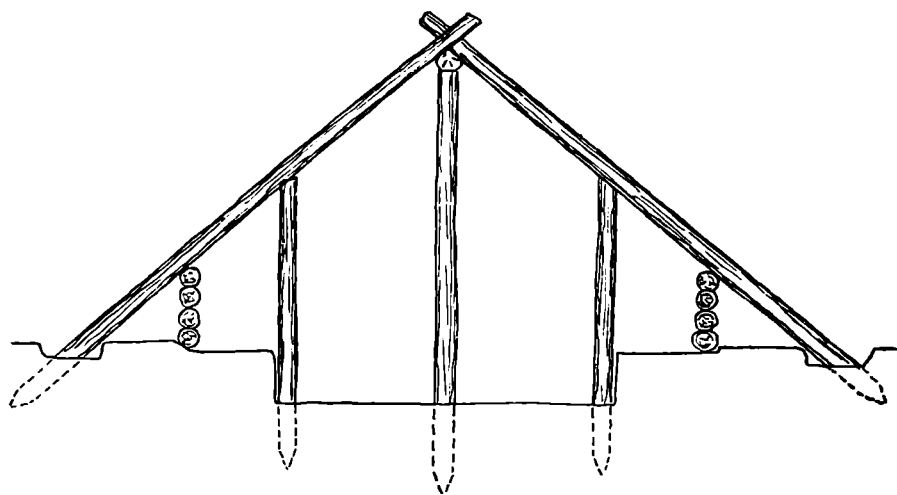
Изучение родановских жилищ и предложенная М. В. Талицким обоснованная реконструкция имеют огромное научное значение, подтверждая высказанное ранее этнографами мнение, что исходной формой в развитии финно-угорского жилища была не только землянка, но и легкая наземная

¹ По мнению Н. Н. Харузина, автора «Очерков истории развития жилища у финнов» (М., 1895), именно план жилища, а не конструкция очагов, как считал ранее Гейкель, должен приниматься за основной признак при классификации жилищ. План жилищ изменяется очень медленно, даже под воздействием соседних племен. Внутреннее устройство жилищ подвергается более частым реконструкциям.

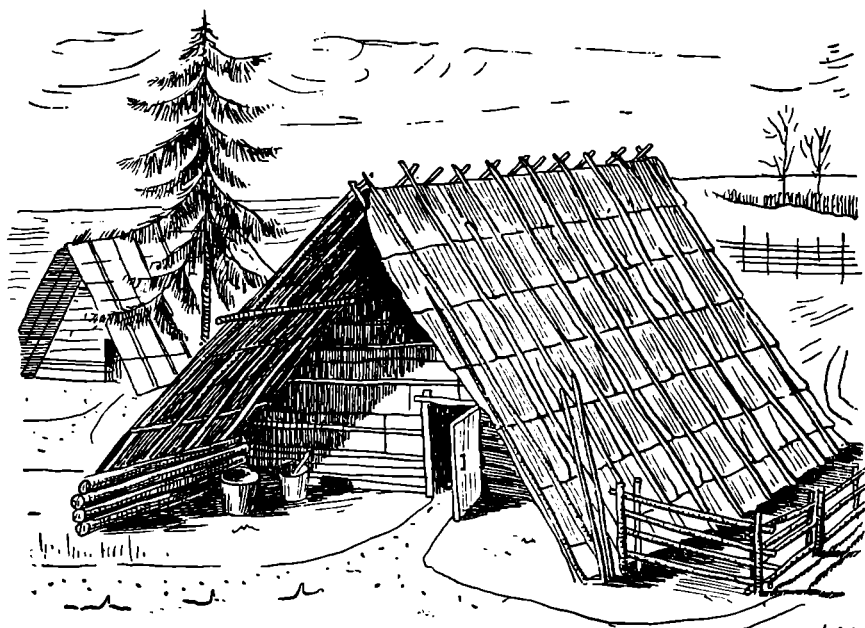
² См. на странице 35 дневника. Архив ИИМК, д. № 168, 1934 г.

³ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 54; Архив ИИМК, д. № 135, 1935 г., лл. 15, 17 и 18.

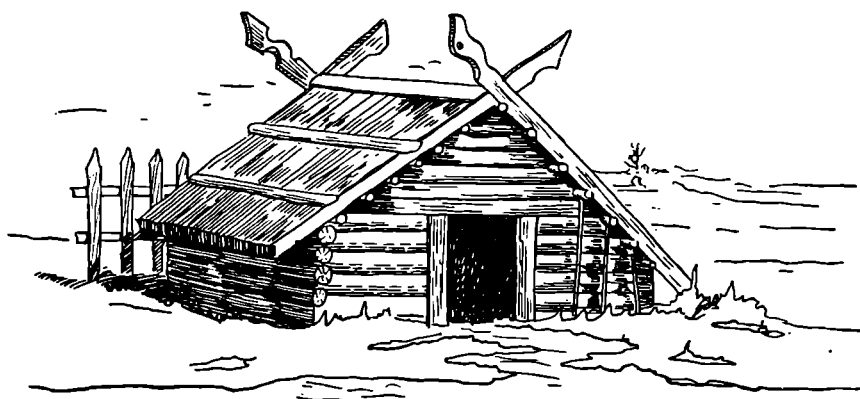
⁴ П. Н. Третьяков. Указ. соч., Приложение, стр. 114; абсолютно того же устройства очаги и хозяйственные ямы открыты в большом доме Попадьянского селища (1955 г.).

1

2

3

Рис. 1. Реконструкция жилого дома Березняковского городища (1, 2) и домик в с. Попадьино, Ярославской области — пережиток древней формы жилища (3).

постройка типа шалаша¹; родановское жилище, построенное из легких бревен с высокой двускатной, доходящей до земли кровлей, представляет лишь более развитой тип последнего². Очень существенно указание М. В. Талицкого, что постройки родановского типа в Прикамье известны и для более раннего периода, т. е. 1-й половины I тысячелетия н. э.³ Это дает нам право сделать очень существенный вывод, что переход от полуземляночных жилищ эпохи бронзы к наземным постройкам произошел на территории севера Восточной Европы еще в эпоху раннего железа, а смена примитивной формы жилья — наземного шалаша с легкой конструкцией стен — более солидными срубными постройками относится на территории Волго-Камья к периоду, во всяком случае, не позднее рубежа нашей эры. Подтверждением этого служат достаточно многочисленные в настоящее время археологические данные (наземные постройки IV—VI вв. н. э. Медведовского, Барвихинского, Березняковского городищ и других памятников начала и середины I тысячелетия н. э.).

Аналогичные жилые постройки были открыты и на близком по времени Сарском городище (район Ростовского озера). Время возникновения этого мерянского поселка совпадает с моментом гибели Березняковского поселения (VI—VII вв.). Д. Н. Эдинггом были частично вскрыты остатки сарских жилищ, расположенных на территории раннего поселения. В наиболее древней, южной его части открыто четырехугольное наземное жилище площадью $1,90 \times 3,55$ м с углубленным на 0,57 м полом, с бревенчатыми (сгоревшими) стенами и сложенным из валунов открытым очагом. В средней, т. е. позднее заселенной, части городища открыты и полуземляночные, и наземные жилища⁴.

Очень существенно отметить, что жилище березняковского типа, с углубленным (на 0,3 м) в материк полом, было открыто в Ярославле на территории древнего мерянского поселка (IX—X вв.), на «Стрелке», у впадения в Волгу р. Которосли. Это был столбовой дом с врубленными в паз еловыми плахами, составлявшими стены. Особенно ценны обнаруженные здесь детали, позволяющие составить представление о конструкции кровельной части. Четыре стойки, на одной из которых сохранилась «вилка», служили опорой для жердей покрытия (см. родановские жилища). Внутреннее пространство жилища было заполнено материалом, из которого состояла кровля. Интересно отметить большое количество остатков древесной коры, которая располагалась «над ямой конусом», и тонких еловых жердей (стропил), оказавшихся при разрушении кровли на полу жилища. Повидимому, здесь была сильно приподнятая, двускатная, доходящая до земли шалашевидная кровля, покрытая, как и в Роданове, корьем⁵.

¹ Гейкель считает землянку и шалаш синхронными типами финских жилищ; Н. Н. Харузин полагает, что землянка, являющаяся более сложной формой, должна была появиться позднее шалаша (Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 10). Учитывая, что развитие финно-угорского жилища связано с лесной зоной, последнее мнение более обосновано.

² Наземные жилища, аналогичные родановским, были обнаружены М. В. Талицким при разведках на Кудымкарском, Дойкарском, Купросском, Полютовом, Майкорском и Кыласовом городищах. Произведенные за последние годы Камской экспедицией исследования Зародятского, Кыласова, Лаврятского и особенно Федотовского городищ дали обширный и убедительный материал для изучения жилищ в Прикамье на протяжении всего I тысячелетия н. э. Все открытые жилища относятся к наземному типу.

³ М. В. Т а л и ц к и й, Указ соч., стр. 87, 88. Родановским жилищам срубного типа предшествовали более древние наземные легкие постройки. Мы имеем в виду большой столбовой дом с несколько углубленным полом на Конецгорском селище (IV—III вв. до н. э.) (А. З б р у е в а. Коллективное жилище в Прикамье. ВДИ, 1940, № 2, стр. 200—204).

⁴ Д. Э д и н г. Сарское городище. Ростов, 1928, стр. 102, 103. Вершина излучины р. Сары обращена на ЮЮЗ. В опубликованных планах Сарского городища оконечность мыса ошибочно ориентирована на С.

⁵ Н. Н. В о р о н и н. Раскопки в Ярославле. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. I, МИА, № 11, 1949, стр. 183, 184, рис. 7.

К этому же типу относится, повидимому, и часть «полуземляночных» жилищ в древнем Суздале, пол которых был углублен не более чем на 0,5 м (землянка 9)¹. В этом жилище за очагом находилась хозяйственная яма типа родановских кладовок. Сходство с прикамскими жилищами усугубляется наличием с внешней стороны стен канавок, служивших опорой для кровельных слег. Упомянем, что подобные жилища были открыты А. Ф. Дубыниным при раскопках Мало-Давыдовского городища (VII—IX вв.) с комплексом мерянских вещей, а также на Минском городище (Костромской области)².

Для настоящей темы не лишены интереса и открытые нами остатки жилищ на Тумовском (муромском) селище, время которого определяется концом IX—началом XI в. н. э.³ Хотя исследованные нами жилища являются по отношению к березняковским уже «этнографическим пережитком», однако в них еще сохранились многие архаичные черты, которые присущи дьяковским жилищам раннего периода. Характерно, что на территории одного поселка, где не найдено ни одной вещи ранее конца IX—начала XI в., мы встретили жилища трех типов, бытовавших, очевидно, одновременно: 1) полуземлянки, 2) наземные жилища березняковского типа с углубленным на 0,3—0,4 м земляным полом и 3) приближающиеся к современным деревянные дома с подпольем. Характер связанных с ними вещевых комплексов не позволяет сомневаться в принадлежности их муромскому населению. Муромское жилище имеет еще одну общую черту с березняковским — деление на мужскую левую и женскую правую половины.

Любопытно, что открытое на окраине муромского поселка русское жилище с гончарной керамикой XI в. представляло собой не наземный дом, а хорошо выраженную полуземлянку с ведущими к выходу земляными ступенями и своего рода крытым тамбуром у входа. Повидимому, первые пришельцы в муромский край принесли и свои домостроительные традиции. Как известно, эти традиции связаны с южнорусскими племенами. В условиях иной среды позднее здесь возникает другой тип построек — бревенчатые избы средневеликорусского типа.

Мы привели немногочисленные, наиболее достоверные археологические примеры. Само отсутствие в археологических отчетах сведений о жилищах на дьяковских поселениях может служить косвенным указанием на то, что они были преимущественно постройками наземного типа. Применявшийся в прошлом метод раскопок узкими траншеями позволял заметить лишь значительные углубления культурного слоя, соответствовавшие землянкам; небольшие же поверхностные остатки наземных построек этим методом не могли быть уловлены. Изучение наземных жилищ возможно лишь при условии последовательного вскрытия и фиксации культурного слоя на значительных площадях. Применение такого метода раскопок позволило нам познакомиться с планом и конструкцией неизвестных до того наземных построек некоторых дьяковских и прикамских поселений.

Большую убедительность имеют для нас и многочисленные этнографические материалы. Объем настоящей работы не позволяет привести их полностью; мы ограничимся лишь немногими примерами.

Если логично продолжить мысль П. Н. Третьякова, видевшего в Березняковском поселке прототип удмуртского большесемейного двора, мы в нем же должны искать этнографические параллели и для отдельных его жилых сооружений. Удмуртская «куала», «куа» или «ква» — это легкая бревенча-

¹ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.). КСИИМК, XI, 1945, стр. 96. А. Ф. Дубынин отмечает также, что суздальские землянки по своему типу были весьма различны (стр. 92).

² Раскопки 1954 г. Н. Н. Гуриной, любезно сообщившей мне приводимые выше данные.

³ Е. И. Горюнова. Тумовское селище. (Архив ИИМК).

тая постройка из тонких бревен (то же, что марийская «кудо»), с земляным полом, без окон. В качестве зимнего жилища удмурты пользовались и полуподземным жилищем — «гуртом». Однако в удмуртском эпосе упоминается только «ква»¹. П. М. Богаевский следующим образом описывает удмуртскую «куалу»: «В глубине двора каждого домохозяина можно видеть небольшую деревянную постройку. Постройка эта формой напоминает шалаш, сложена из бревен; в середине тесовой крыши сделано отверстие для выхода дыма. Низкая дверь, гораздо ниже человеческого роста, ведет внутрь, где вы не встретите окон. Там, посреди земляного пола, из грубых неотесанных камней сложен очаг; над очагом висит цепь. Вдоль бревенчатых стен идет скамья, около которой в дальнем левом углу стоит стол, над столом — полка; на последней помещается берестовый бурак, или коробка, величиной до 1 арш., в которой хранится жертвенная посуда»². В прежнее время, как полагают некоторые авторы, тут же находилось деревянное изображение идола — «Воршуда».

Удмуртская «куа», пишет Н. Н. Харузин, согласно всем описаниям и его личным наблюдениям, является прежде всего срубом и ближе всего стоит к «пырту-тупе» лопарей (саами) «пывзяну» коми-зырян и аналогичным постройкам коми-пермяков мордвы и др.³ К этому же типу рубленых домов относится «юрт» хантов и манси, «коди» карел и «кудо» марийцев. Последний, по описанию Гейкеля, представлял собой четырехугольный сруб с двускатной, нависающей над входом крышей. Посреди земляного пола помещался примитивный каменный очаг; дым выходил через щели в крыше. Помимо «куалы», во многих глухих удмуртских деревнях сохранились в качестве пережитка курные бревенчатые избы, носившие название «корка». У коми-пермяков срубная постройка носит название «кер-ку» (от «кер» — бревно и «керны» — рубить). Наличие в языках удмуртов и их соседей коми самостоятельного слова, отвечающего понятию «рубленный из бревен дом», свидетельствует о древности этого типа построек. Однако, владея издавна навыками строительства наземных срубных жилищ, многие народы севера и до сих пор прибегают к землянкам, имеющим большие преимущества в зимний холодный период.

Н. Н. Харузин считает, что сруб в его простейшем виде являлся «общезинским» первобытным жильем, которое появилось «у финских народностей в древнейший период», и был распространен как у восточных, так и у западных групп⁴. Если даже признать, что древнейшим типом жилища на севере, как и на юге, была землянка, то в условиях лесной среды она раньше, чем на юге, уступила место наземной срубной постройке, сохранив местами свои функции зимнего жилья. Переход к наземным срубным постройкам следует связать с появлением железного лесорубного топора. К середине I тысячелетия н. э. эти строительные традиции на севере давно упрочились.

Как мы видели, это подтверждается и археологическими данными. При наличии локальных и хронологических различий, выражающихся в конструкции очага и введении некоторых хозяйственных усовершенствований (в виде подпольных ям родановских и березняковских жилищ), основной план примитивного срубного жилища с земляным полом и открытым очагом посередине сохраняется на территории лесной полосы Восточной Европы в течение многих столетий в неизменном виде. Пережиточные формы примитивных срубных построек мы можем наблюдать в глухих заволжских районах Ярославской, Костромской областей и Коми АССР и сейчас. Например, промысловая избушка коми представляет собой трехстенный сруб

¹ Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 22.

² П. М. Богаевский. Очерки религиозных представлений вотяков. «Этнографическое обозрение», № 1, кн. IV, М., 1890, стр. 131.

³ Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 23.

⁴ Там же, стр. 31.

крытых еловыми лапами или вообще ветками. В передней стене — очень низкая дверь, против двери — открытый очаг, в потолке — отверстие для выхода дыма¹. Аналогичные «зимовки» строили охотники Вологодской области. Временное летнее жилище из колотых плах — «шалашка» или «станок» — известно в Архангельской области.

Из приведенных материалов мы можем сделать вывод, что тип березняковского срубного наземного жилища с углубленным земляным полом развился на месте в определенной культурно-племенной среде и был закреплен этническими традициями. Об этом свидетельствуют и хронологический диапазон бытования жилищ такого типа, и территориальное их распространение (рис. 2).

2

Переходя к обзору находок, мы прежде всего должны остановиться на комплексе металлических украшений, дающих наиболее яркое представление об этническом облике населения. Следует оговориться, что ничего принципиально нового к характеристике этих вещей, данной П. Н. Третьяковым, мы прибавить не можем. Уточняя и акцентируя некоторые формулировки автора, приведем лишь тот единственно возможный вывод, который автором почему-то не сделан.

Из серии украшений упомянем височную подвеску, изображенную на рис. 3—5. Подвески этого типа были широко распространены у племен Волго-Камья в середине и 2-й половине I тысячелетия н. э. Сфера их распространения очень показательна; они встречаются в вятско-камских районах, на средней и нижней Оке у муромы (рис. 3—4) и древнего рязанско-окского населения, где они увязываются с комплексом вещей IV—V вв.² Этот тип височной подвески оказался очень устойчивым: мы его встречаем в мерянском поселении — Сарском городище, в комплексе вещей X в.³ (рис. 3—6) и, наконец, в поздних (XII—XIII вв.) курганных могильниках Костромской области — в комплексах представленных здесь чрезвычайно ярко мерянских вещей.

К финно-угорским украшениям относится также найденная в Березняковском городище (в слое кальцинированных костей в «домике мертвых») круглая ажурная пряжка с петлей на нижней стороне (рис. 4—8). Это типичное и широко распространенное украшение характерно для пьяноборского времени. Многочисленные варианты таких пряжек известны в окских могильниках⁴, в Прикамье и Западной Сибири (Усть-Полуй)⁵. Березняковский экземпляр следует отнести к более позднему времени (VI в.). Вещь эта изготовлена отливкой в форме вместе с окаймляющими ее плоскими кружочками (а не «полусариками», как описывает П. Н. Третьяков). К волго-окским типам относится и спиральная трубочка с подвесками (рис. 3—7). Аналогичное украшение найдено в оплавленном виде на Дьяковом городище под Москвой. Так же как и треугольная височная

¹ К. Завойко. Временные жилища крестьян Костромской и частью Владимирской губерний. Кострома, 1920; А. А. Пономарев. К характеристике Варнавинского уезда. «Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии», вып. VII, 1911.

² П. П. Ефименко. Рязанские могильники. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1, Л., 1926.

³ Д. Эдинг. Указ. соч., табл. III, рис. 16.

⁴ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901; Архив ЛОИИМК, ДАК, д. № 111, 1902 г. (Кошибеевский могильник).

⁵ Экспозиция Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 131, табл. IV, рис. 4; В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. В поисках древней родины угорских народов. Сб. «По следам древних культур», М., 1954, таблица бронзовых украшений из Усть-Полуя.

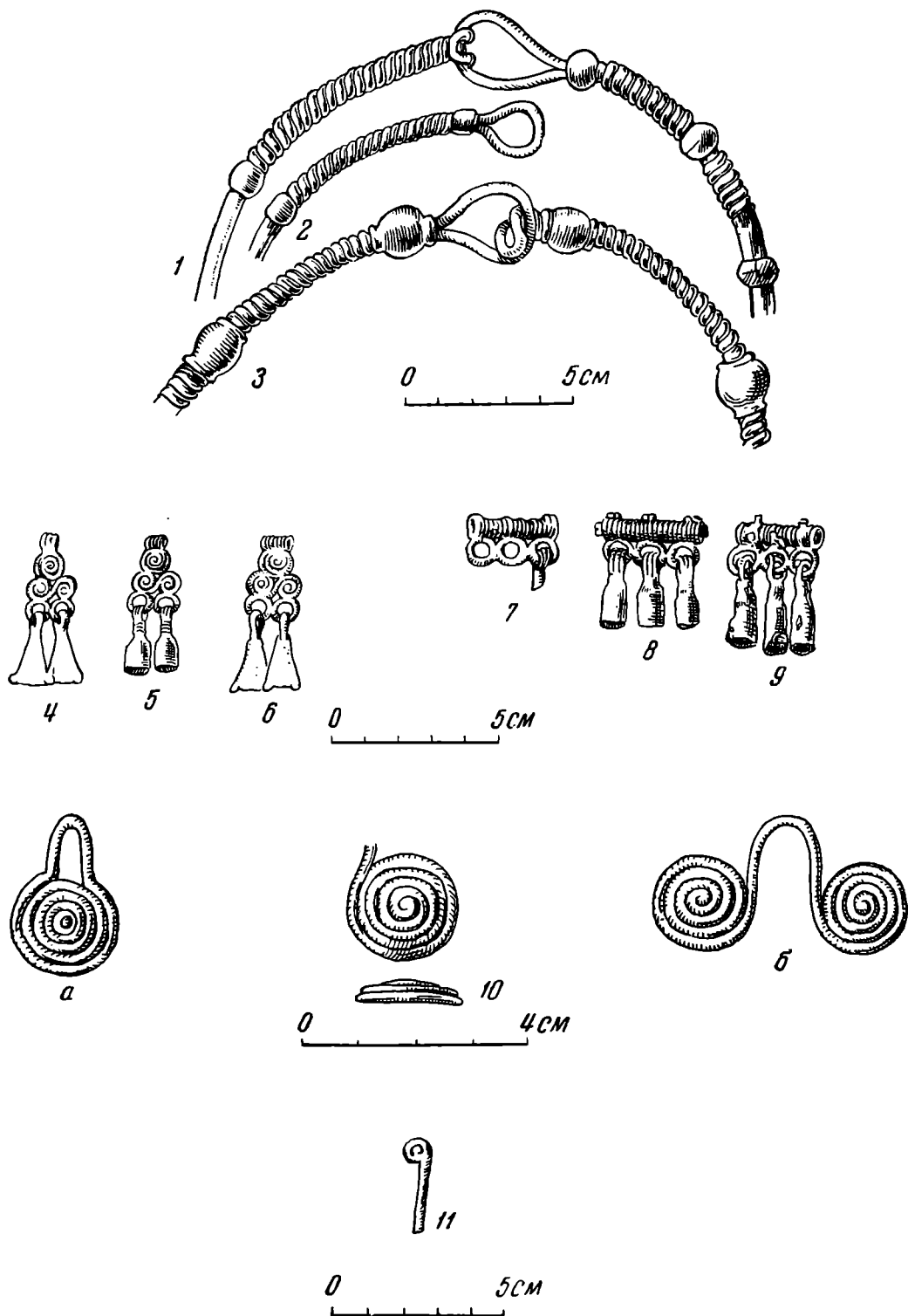

Рис. 3. Украшения пьяноборско-кошибеевского типа, найденные на Березняковском городище и в других памятниках Волго-Окского междуречья.

Шейные гривны: 1 — из Дьякова городища под Москвой; 2 — из Березняковского городища; 3 — из Кузьминского могильника; височные подвески: 4 — из Максимовского (муромского) могильника; 5 — из Березняковского городища; 6 — из Сарского (мерянского) городища; шумящие подвески: 7 — из Березняковского городища; 8 — из мерянских комплексов Михайловского могильника; 9 — из Борковского (окского) могильника; 10 — обломок украшения из Березняковского городища; 10а, 10б — опыт реконструкции украшения по найденному фрагменту; 11 — спиральная головка железной булавы (?).

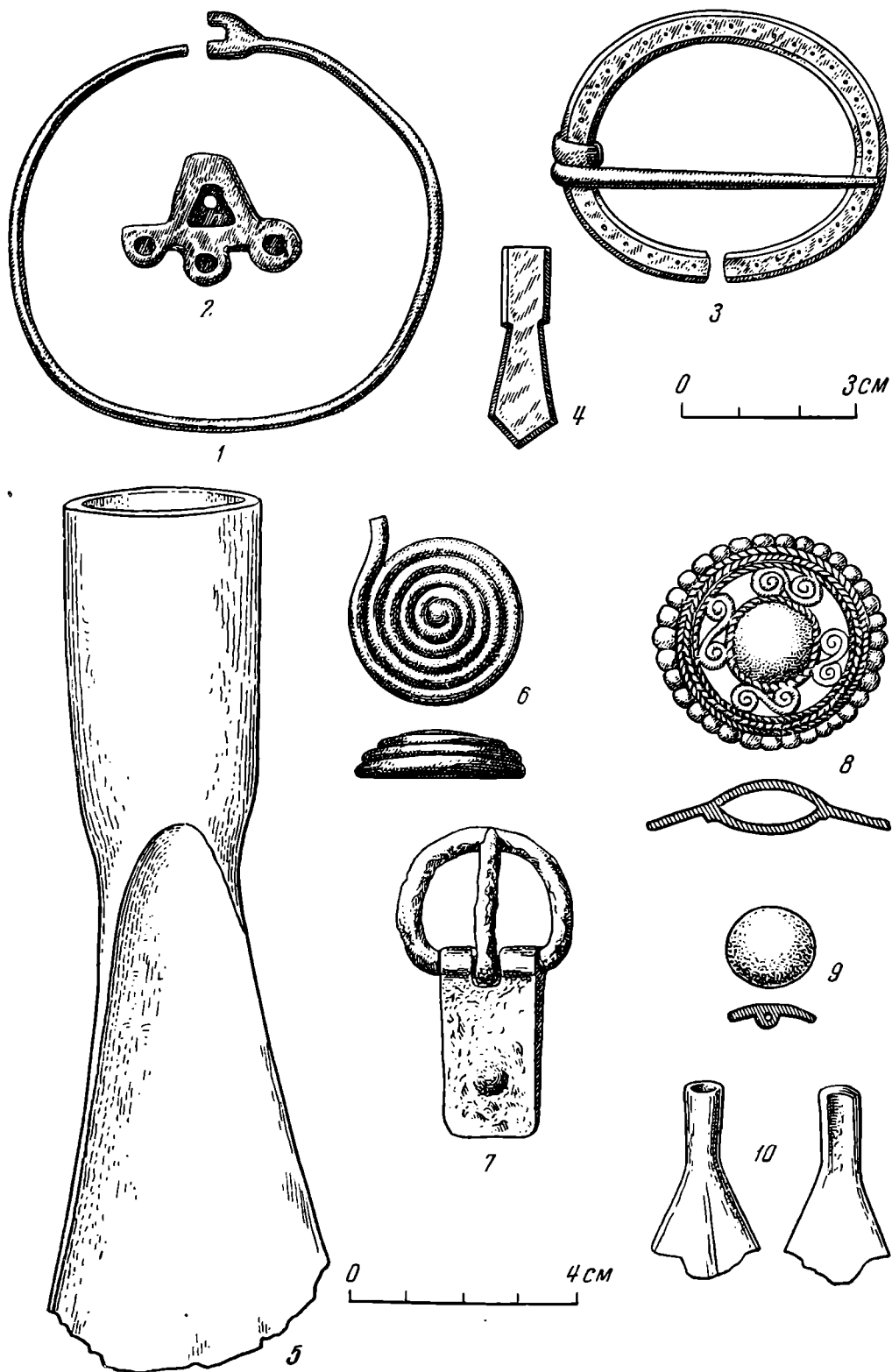

Рис. 4. Вещи, найденные на Березняковском городище (5—10 — из «домика мертвых»).

подвеска, этот тип украшения был широко распространен на всей огромной территории Волго-Окского междуречья и почти не изменился до XIII в. Такие же подвески (в числе 28 экземпляров) обнаружены среди комплекса мерянских украшений в Михайловском могильнике под Ярославлем (рис. 3—8), в котором они датируются X—XI вв.¹, в Туровском и других могильниках Костромской области (XI—XIII вв.). Близкие по типу украшения встречены и в муромских могильниках, в частности в Максимовском², Муромском³ и др.

Также к украшениям окских типов следует отнести большое проволочное височное кольцо с замком в виде плоской петли и крючка (рис. 4—1). Тип этот, известный по материалам рязанских и муромских могильников, бытовал у мери наряду с другим, собственно мерянским типом височного кольца со втулкой. Ранняя дата первого типа — VI—VII вв. Если считать датой пожара Березняковского поселения, после которого оно не восстанавливалось, конец V в.,⁴ то нужно признать, что на мерянской территории этот тип появился раньше, чем на Оке. Правильнее было бы, однако, несколько изменить дату Березняковского городища в целом и считать временем его возникновения V в. и временем пожара — VI в. Почти полное отсутствие «текстильной» керамики, доживающей, как правило, на соседней территории до III—IV вв., и находки вещей VI в. делают эту дату более реальной⁵.

Следует упомянуть и найденную на городище шейную гривну из гладкого цилиндрического дрота с обмоткой на концах и напущенными металлическими бусами (рис. 3—2), которая также может быть датирована VI в. н. э. Однотипные гривны обнаружены на городище у с. Дьякова под Москвой (рис. 3—1), в Кошибеевском⁶ и Кузьминском⁷ могильниках на Оке. К этой же группе относится плоская овальная застежка с точечным орнаментом (рис. 4—3). Этот тип овальных скульгам был широко распространен в середине I тысячелетия н. э. среди окских племен.

Мы не будем перечислять все найденные и описанные П. Н. Третьяковым украшения, но напомним только, что значительная часть предметов этого типа была найдена в «домике мертвых». Из них отметим ажурную бляху (рис. 4—8), которая, как мы говорили, являлась характерным украшением окских, камских и западносибирских племен⁸. К вещам кошибеевско-пьяноборского типа относятся поясная пряжка с удлиненной обоймой (рис. 4—7)⁹ и бляшка в виде полушария с петлей (рис. 4—9). Помимо целых вещей, в «домике мертвых» найдены детали украшений, например гусятинная лапка с петлей (рис. 4—10) и проволочная спираль, имеющая форму выпукло-вогнутой бляшки (рис. 4—6), которую можно реконструировать в виде очковидной привески — украшения, чрезвычайно характерного для племен Волго-Камья (рис. 3—10, а, б)¹⁰.

¹ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА, № 6, 1941, стр. 74, табл. III, рис. 4.

² А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXV, рис. 11; табл. XXVII, рис. 4, 5.

³ Е. И. Горюнова. Муромский могильник. КСИИМК, 52, 1953.

⁴ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 68.

⁵ Сам автор, видимо колебался в датировке памятника. В дневнике (Архив ЛОИИМК, д. № 112, 1935 г., стр. 3) он дает более обоснованную дату — IV—VI вв.

⁶ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. X, рис. 6.

⁷ Там же, табл. XVII, рис. 9.

⁸ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XVII; табл. V, рис. 17; табл. XV, рис. 6 и др.

⁹ Там же, табл. XI, рис. 12 и 17.

¹⁰ Отметим, что рисунок, помещенный в публикации П. Н. Третьякова (МИА, № 5, стр. 59, 1941, рис. 31, 1), несколько искажает натуру и не дает представления об украшении, обломком которого является эта вещь.

Описывая найденные на Березняковском городище украшения, П. Н. Третьяков отнес их к «позднепьяноборским» типам Прикамья¹. Многочисленные находки предметов, относящихся к литейному делу, свидетельствуют, что большая часть медных украшений и изготовлялась на месте. Украшения эти определяли характер одежды, а следовательно; и «этнический» облик населения. К числу несомненно местных изделий относится железная булавка со спиральной головкой (рис. 3—11). Подобные булавки известны по находкам на дьяковских поселениях в комплексах «финских» вещей, например на Бородинском² и Медведовском³ городищах и в позднем (пятом) слое Бологовской стоянки, который датируется рубежом нашей эры. Все упомянутые нами находки относятся к 1-й половине I тысячелетия н. э. (I—IV вв.)⁴. Березняковская находка, если ее можно рассматривать в качестве булавки (а не в качестве язычка от пряжки), представляет вырождающуюся форму этого типа.

Наряду с местными, типично финно-угорскими украшениями, аналогии которым мы находим среди вещей дьяковских поселений и пьяноборско-кошибеевских могильников Оки и Камы, на Березняковском городище найдены три привозных предмета — арбалетовидная фибула и 2 обломка двух вещей с эмалью (рис. 4—2)⁵. Арбалетовидная фибула, относящаяся к числу «бродячих» вещей, и ажурная бляха с ячейками, заполненными красной и зеленой эмалью, несомненно, связаны своим происхождением с Южной Прибалтикой⁶. Эти вещи выделяются из комплекса местных украшений и свидетельствуют о торговых связях березняковцев с населением других областей.

3

Для полной характеристики материальной культуры обитателей Березняковского поселения необходимо остановиться на очень важной категории находок — керамике. Приемы изготовления лепной глиняной посуды, ее форма и орнаментация в течение длительного времени прочно удерживают местные традиции и могут рассматриваться как весьма существенные элементы племенной культуры.

Обломки глиняной посуды — важнейший массовый материал в слоях древних поселений — на Березняковском городище представлен, к сожалению, далеко не полно. По свидетельству П. Н. Третьякова, около 50% найденных фрагментов (всего по описи числится около 8000) настолько попорчено (ошлаковано) огнем пожара на поселении, что не поддается изучению. Однако и из оставшейся определимой керамики сохранилась ничтожная часть (около 25%), сданная вместе с остальными вещами на хранение в Государственный Эрмитаж⁷. Коллекция состоит из одного полностью реконструированного, одного частично реставрированного сосуда и 99 обломков, среди которых — 11 мелких фрагментов «текстильной» керамики⁸ и 7 обломков от 2—3 небольших чернолощенных горшков⁹. Основываясь на

¹ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 68, 79.

² А. В. Арциховский. Бородинское городище. ТСА РАНИОН, т. II, 1928, стр. 84, табл. VII.

³ А. А. Спицын. Поездка на оз. Кафтино и Бологое... стр. 70, рис. 8.

⁴ ЗОРСА РАО, т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 254, рис. 406, 4.

⁵ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 81, рис. 46, В.

⁶ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 68. См. также Katalog der Ausstellung zum X Archäologischen Kongress in Riga, Riga, 1896.

⁷ Государственный Эрмитаж, Отдел истории первобытных обществ, инв. № 1403.

⁸ В публикации указано 6 фрагментов.

⁹ Это число указано в публикации на стр. 64; В Приложении, на стр. 126, говорится о 5 сосудах, которым принадлежат обломки с лощенной поверхностью.

публикации П. Н. Третьякова, можно считать, что последние две категории керамики представлены в сохранившейся коллекции полностью и составляют, таким образом, всего около 0,09% общего числа керамических находок на городище. «На городище встречены обломки, принадлежавшие 110—120 сосудам — читаем мы в публикации — За некоторыми исключениями (имеются в виду фрагменты текстильной и чернолощеной керамики. — Е. Г.), все они являлись плоскодонными горшками баночной формы, в отдельных случаях низкими в виде мис...»¹. Среди глиняной посуды, кроме того, найдены небольшие толстостенные «стаканчики», очень характерные для дьяковских поселений.

Как видно из отчета, основная масса глиняной посуды представлена лепными плоскодонными сосудами разного размера. На основании сохранившейся коллекции удастся выделить две формы, видимо, наиболее типичные. Первая — сравнительно высокие горшки со слегка расширенным от дна туловом, которые не совсем точно называют банками. Горло этих сосудов обычно представляет собой воронкообразный раструб с прямо срезанным венчиком (рис. 5—2, 3). Поверхность стенок более или менее гладкая, иногда избороздена штриховкой (в результате заглаживания концом лучины). Диаметр горла колеблется от 24 до 30 см. Высоту можно определить лишь приблизительно, исходя из диаметра днища и кривизны профиля стенок, — около 30 см, т. е. высота равнялась диаметру устья. Горшки лепили из хорошо промешанной глины с некоторой примесью песка, шамота или мелко толченной дресвы.

Второй тип характеризуется большим диаметром устья, превосходящим высоту сосуда. Это низкие, приземистые горшки, которые, по терминологии П. Н. Третьякова, относятся к типу мисок (рис. 6—1—9). Термин не совсем удачен, так как посуда эта употреблялась в хозяйстве, повидимому, для варки пищи. К тому же типу относится фрагмент сосуда с округлым днищем, налепным валиком по шейке и двумя поясками шнурового орнамента под ним. Горшок этот П. Н. Третьяков сравнивает с посудой ананьинской эпохи в Прикамье. Едва ли, однако, можно согласиться с предположением автора, что данный горшок мог быть вылеплен женщиной, «происходящей из восточных районов»². В середине I тысячелетия н. э. этот тип посуды с налепным валиком в прикамских районах давно исчез.

Возможно, правильное было бы видеть в этом факте длительного переживания древней традиции хорошо известное в этнографии явление, когда занесенные в иную этническую среду элементы культуры столетиями удерживаются в быту населения, указывая направление его древних этнических и культурных связей³.

Коснувшись этой темы, следует подчеркнуть, что не только описанный выше уникальный круглодонный сосуд, но, — что гораздо существеннее, — основные типы березняковской посуды имеют многочисленные аналогии и в керамических комплексах территориально близких дьяковских поселений (рис. 6—1—6), и среди находок в комплексах синхронных памятников довольно отдаленных восточных районов Поветлужья и Прикамья (рис. 5 и 6).

Остановимся прежде всего на керамике дьяковских поселений соседней территории.

Ближайшим к Березняковскому городищу поселением той же эпохи является Попадьянское селище (в 40 км от Березняков, вниз по Волге), которое, согласно определению П. Н. Третьякова, по общему облику своего материала целиком отвечает поздним «дьяковым» памятникам Верхнего

¹ П. Н. Третьяков. Указ. соч., Приложение, стр. 125.

² П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 64.

³ Е. И. Горюнова. К вопросу о племенной принадлежности летописной мери. КСИЭ, XVII, М., 1952, стр. 18—28.

Поволжья¹. Как говорит в своем отчете П. Н. Третьяков, материалы этих двух памятников должны пополнять друг друга².

Глиняная посуда Попадьянского селища, которая в своей массе не отличается также от посуды территориально близкого селища у с. Устье, представлена лепными плоскодонными горшками разных размеров со сравнительно хорошо заглаженными стенками. В глине отмечается примесь песка. Посуда эта — в основном двух типов, знакомых нам по березняковским

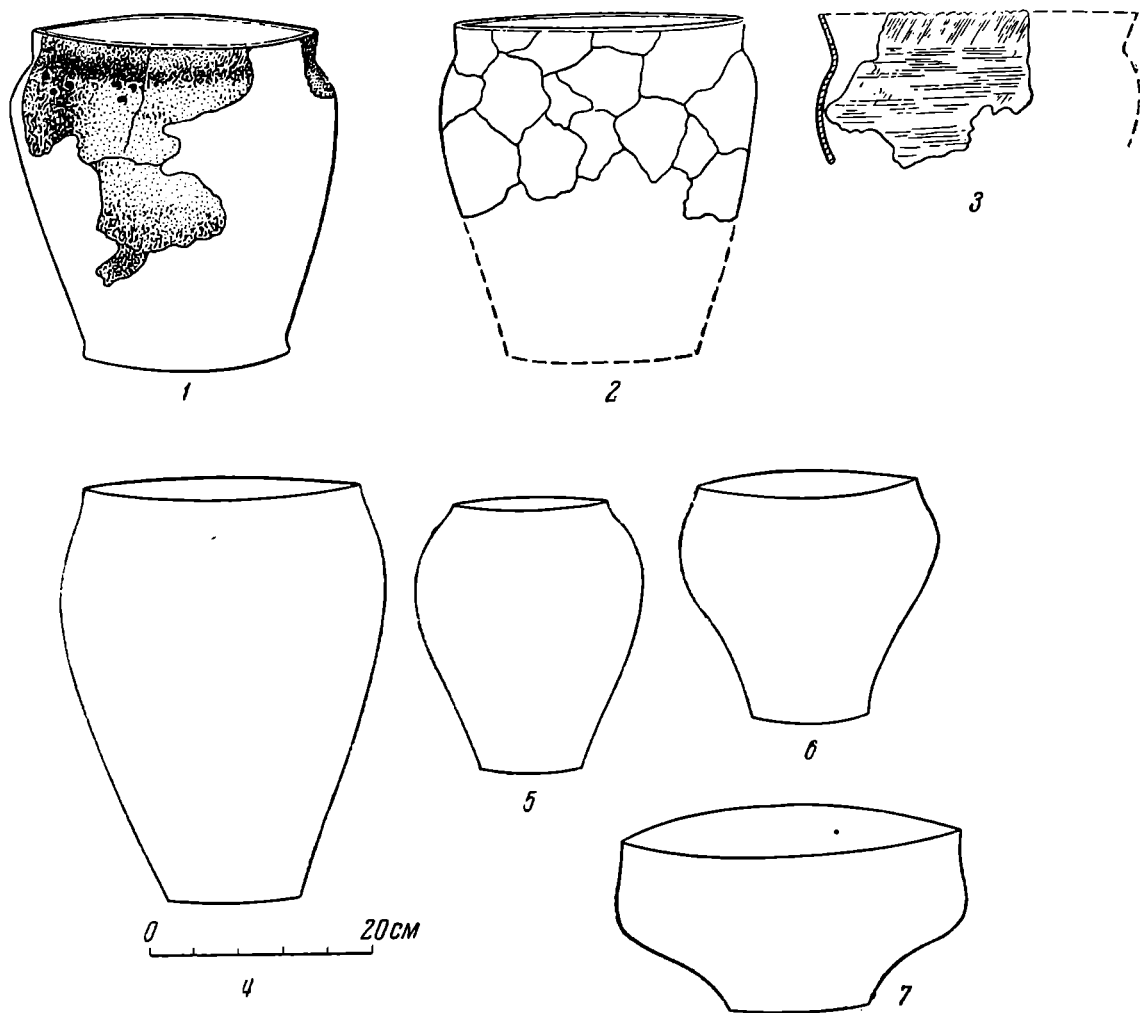

Рис. 5. Керамика верхневолжских городищ дьяковского типа и славянская керамика середины I тысячелетия н. э.

1 — из Пекунова городища (верхняя Волга, конец I тысячелетия до н. э.); 2, 3 — из Березняковского городища; 4 — из верхнего (славянского) слоя Жабинского городища (Великолукская область, VI—VII вв.); 5, 6, 7 — из курганных могильников Смоленской области (VI—IX вв.).

материалам: сравнительно высокие горшки с отогнутой шейкой и низкие, приземистые сосуды (рис. 6—10). Для тех и других характерна широкая горловина (диаметр устья — до 30 см). Большая часть посуды лишена орнаментации. По подсчетам П. Н. Третьякова, орнаментированная составляет не более 0,5% всей посуды, найденной на селище³. Определить соотношение гладкой и орнаментированной посуды Березняковского городища, ввиду ее плохой сохранности, невозможно. Общим и характерным признаком для

¹ Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I, стр. 114.

² Архив ЛОИИМК, д. № 112, 1935 г.

³ Орнаментированная посуда относится к раннему слою, не связанному с селищем VI—VII вв.

керамики Попадьинского селища, Березняковского городища, селища у с. Устье и многих других памятников середины I тысячелетия н. э. является обработка всегда прямо обрезанного верхнего края венчика косой насечкой, ямками, отпечатками гребенчатого штампа или веревочки.

Тот же тип посуды мы встречаем на дьяковских поселениях московской группы, например в слое IV—V вв. Успенского городища под Звенигородом¹ и на Барвихинском того же времени².

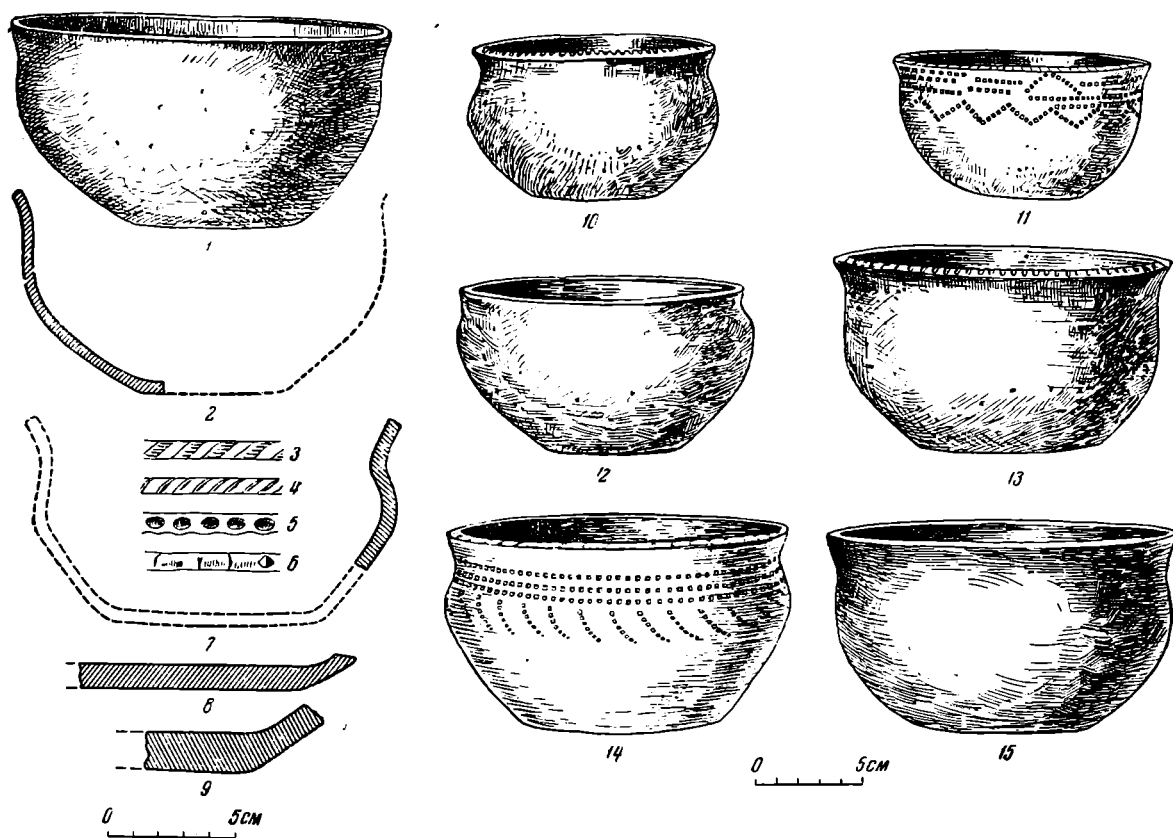

Рис. 6. Керамика «мерянско-камского» типа.

1—9 — из Березняковского городища; 10 — из Попадьинского селища, Ярославской области; 11 — из городища «Пуп» у дер. Брюхово, Костромской области; 12 — из Унорожского городища, Костромской области; 13, 15 — из Дьякова городища, Московской области; 14 — из городища «Пирожная гора», Московской области.

Общими для керамики этих памятников чертами являются: преобладание неорнаментированной посуды, тонкие примеси в глиняном тесте, хорошая заглаженность поверхности, наконец, характерный отгиб шейки с прямо обрезанным венчиком, украшенным мелкими круглыми или неровными овальными ямками. Изредка встречаются, как и на Березняковском городище, сосуды с неровной штриховкой поверхности.

Керамика Барвихинского городища в свою очередь чрезвычайно близка к керамике Дьякова городища под Москвой.

Основные типы березняковской керамики с отогнутой шейкой и насечкой по венчику найдены и в слое V в. Пекунова городища на верхней Волге³. Существенно отметить, что в форме и пропорциях поздней посуды

¹ Раскопки А. В. Успенской 1954 г. Материалы ГИМ, доклад А. В. Успенской 28 марта 1955 г.

² Раскопки 1925 г. Л. А. Евтюховой, ГИМ, инв. № 58268.

³ О. Н. Бадер. Древние городища на верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 130—132.

Пекунова городища совершенно отчетливо отражаются местные древние традиции, которые проявляются в формах ранней керамики верхневолжских городищ (последние века до нашей эры — первые века нашей эры; рис. 5 — 1).

Аналогии дьяковской керамике распространяются и к северо-западу. В полевых дневниках раскопок Медведовского городища на Бологовском озере (1935 г.) П. Н. Третьяков отмечал, что найденная им керамика (гладкая) относится к березняковскому типу¹.

Можно было бы значительно умножить число аналогий, свидетельствующих о том, что весь комплекс керамики Березняковского городища полностью соответствует основному типу посуды поздних дьяковских поселений. Детальному анализу материалов городищ дьяковской культуры мы посвящаем особую работу. Укажем лишь, что некоторые типы березняковских сосудов, в частности низкие приземистые горшки, продолжают бытовать на территории ярославского Поволжья и за ее пределами в течение многих столетий. Мы их встречаем в мерянском поселении и могильнике VI—VIII вв. на р. Саре (близ Ростовского озера), в мерянских погребениях Михайловского и Тимеревского могильников X—XI вв. близ Ярославля, в Киучерском могильнике X—XI вв. близ Переславского озера, в мерянском Хотимльском могильнике на р. Тезе (Ивановская область), в Зубаревском (мерянском) могильнике XI в. на Рыбинском море и др.² Особенно долго этот «мерянский» тип посуды живет в северо-восточных районах. Мы его встречаем в костромских могильниках XII—XIII вв.

Этот тип посуды, который, как удалось установить, чрезвычайно характерен для мерянских памятников, вполне отчетливо отражает камские традиции, почему и назван нами мерянско-камским типом (рис. 6).

Нет никаких оснований отождествлять, как это делает П. Н. Третьяков, дьяковскую керамику верхневолжских городищ с днепровским (т. е. славянским)³ типом керамики. Как показывают материалы раскопок последних лет Я. В. Станкевич и А. Г. Митрофанова, непосредственными соседями дьяковских, т. е. финно-угорских, племен на западе до V в. включительно были летто-литовские племена, оставившие памятники со «штрихованной» керамикой. На городище Подгай (южнее г. Торопца, Великолукской области) в слоях первых веков нашей эры вместе со «штрихованной» керамикой найдены грузики дьяковского типа.

В процессе разведок на поселениях Великолукской области, наряду с фрагментами «штрихованной» и гладкой посуды, найдены обломки характерной для дьяковской культуры «текстильной» керамики⁴.

Примерно в IV—V вв. «штрихованная» керамика сменяется гладкой, сохраняющей характерную остросеберность ранней посуды. Здесь происходит, видимо, тот же процесс, который мы наблюдаем на соседней территории, заселенной дьяковскими, т. е. финно-угорскими, племенами, где «текстильная» керамика в IV в. н. э. также сменяется гладкой.

Все эти данные указывают на то, что в 1-й половине I тысячелетия н. э. непосредственными соседями (с запада) дьяковских (финно-угорских) племен были летто-литовские и что пограничная территория (верховья Западной Двины, р. Ловать) была в это время населена смешанным населением — финно-уграми и летто-литовцами. Славяне, как

¹ Архив ЛОИИМК, д. № 111, 1935 г., стр. 3.

² Следует отметить, что при наличии у отдельных групп мери локальных своеобразий культуры, проявившихся, как и у племенных групп мордвы (эрги и мокши), в характере одежды и украшений, глиняная посуда на всей огромной территории мерянской земли удивительно однотипна.

³ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 91.

⁴ Я. В. Станкевич. Отчет о раскопках Двинского отряда Славянской экспедиции 1953 г. Архив Отдела полевых исследований ИИМК. дд. № 905 и 906, 1953 г.

убедительно показали раскопки последних лет,¹ появляются на этой и смежной территории (Смоленской области и Белоруссии) не ранее VI в. Лишь с этого времени в археологических материалах наблюдается новый тип лепной глиняной посуды, ничего общего не имеющей ни с посудой памятников культуры летто-литовских племен, ни с посудой поздних дьяковских поселений: это, во-первых, горшки вытянутых пропорций, с узкими днищами (в виде усеченного конуса, обращенного вершиной вниз; рис. 5—4, 5, 6), и, во-вторых, чашеобразные низкие сосуды с узким дном и резко расширенными стенками (рис. 5—7).

Первое появление славян (кривичей) на верхней Волге, как известно, отмечено по археологическим памятникам — единичным длинным курганам, которые были открыты на отрезке Волги между г. Калязином и Угличем. Исследованный у с. Митино длинный курган датирован П. Н. Третьяковым IX—X вв.² В районе современного Ярославля в это же время (в середине IX в.) появляются первые памятники новгородских славян — сопки. Сопковидные курганы, с многоярусными захоронениями остатков трупосожжений, составляют древнейшее ядро обширных курганных могильников под Ярославлем—Михайловского и Тимеревского³. Никаких данных для того, чтобы говорить о славянах на верхней Волге до середины IX в., у нас пока нет.

4

Нам осталось рассмотреть вопрос о погребальном обряде. До настоящего времени погребальные сооружения на городищах дьяковского типа не были известны. Не знаем мы погребальных памятников и на славянских поселениях.

Своеобразие березняковского погребального сооружения — «домика мертвых», не повторяющего чего-либо известного ранее, обязывает с большой осторожностью и вниманием подойти к объяснению этого необычного памятника. Следует иметь в виду, что березняковский «домик мертвых» не был в полном смысле родовой усыпальницей. Обнаруженные в нем остатки 5—6 захоронений не соответствуют ни числу жителей поселка, ни длительности его существования. Следовательно, эти погребения на территории родового поселка связаны с какими-то исключительными обстоятельствами, и открытие «домика мертвых» на Березняковском городище не разъясняет еще загадки отсутствия родовых могильников, соответствующих дьяковским поселениям. Было бы, впрочем, ошибкой утверждать, что мы вообще не знаем на этой территории погребальных памятников V—VII вв. н. э. К этому времени относятся отдельные погребения рядовых мерянских могильников у сел Холуй и Хотимль (р. Теза) и у Сарского городища. Все эти могильники характеризуются общими чертами погребального ритуала — захоронением без курганных насыпей, в неглубоких грунтовых ямах и наличием труположений наряду с трупосожжениями. Последние всегда помещались непосредственно на грунте. Надо подчеркнуть, что открытия

¹ Отчеты Е. А. Шмидта о разведках и раскопках в Смоленской области в 1951 г., Архив Отдела полевых исследований ИИМК, д. № 569, 1951 г.; д. № 712, 1952 г.; № 940, 1954 г. Отчеты Я. В. Станкевич об археологических разведках и раскопках, произведенных в Великолукской области в 1949 г. Архив Отдела полевых исследований ИИМК, дд. № 326 и 327 (в 1950 г. — дд. № 467 и 468; в 1951 г. — дд. № 659 и 660); ее же отчеты о работах западнодвинского отряда Славянской экспедиции в 1952 г. Архив Отдела полевых исследований ИИМК, д. № 764 и 767 (в 1953 г. — дд. № 905 и 906).

² П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 45.

³ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения ярославского Поволжья в IX—X ст., стр. 56 и сл.

всех перечисленных памятников случайны и связаны со строительными работами. Усилия археологов должны быть направлены на поиски ранних грунтовых могильников, соответствующих по времени дьяковским поселениям. Их «отсутствие» можно пока объяснить лишь пробелом в наших знаниях.

Погребальный обряд — трупосожжения (в «домике мертвых») — выдвигается П. Н. Третьяковым в качестве основного аргумента для причисления Березняковского городища к числу славянских памятников. Однако можно ли этот обряд считать племенным признаком? Сжигание трупов умерших, связанное с определенными мировоззрениями, соответствовавшими уровню развития идеологии, было знакомо большинству народов Европы и Азии. На Западе обряд трупосожжения был известен всем древним европейским народам (германцам, скандинавам, финнам и др.) «...Трупосожжение стало излюбленным способом погребения в Британии и Центральной и Северной Европе в средне- и позднебронзовом веке (с 1400 г. до н. э.), — пишет Гордон Чайлд, — а в Испании и Верхней Италии также в раннежелезном веке (с 1000 г. до н. э.)»¹. Далее автор указывает, что в европейских провинциях Римской империи этот обряд после 200 г. н. э. теряет популярность, тогда как среди славян, германцев и народностей скандинавского Севера он оставался «излюбленным вплоть до их крещения»².

Г. Чайлд ограничивает свой обзор европейским Западом. На востоке Европы и далее, за Уралом, тот же обычай сжигать умерших известен, по крайней мере, с эпохи бронзы.

Коллективные трупосожжения с перенесением кальцинированных костей на место погребения характерны, например, для тагарских и таштыкских племен Южной Сибири³. Обряд трупосожжения был известен также ананьинским и пьяноборским племенам Прикамья. Приводя данные раскопок ананьинского могильника в 1859 г., А. А. Спицын сообщает, что из 50 вскрытых Алабиным погребений только 6 оказались труположениями; остальные представляли собой остатки трупосожжений — полных и изредка частичных⁴. Отсутствие в Северном Прикамье могильников более поздней гляденовской эпохи навело исследователей на догадку рассматривать жертвенные места, — или, как их называют, «костища» этого времени, — как коллективные усыпальницы, связанные с обрядом трупосожжения. Работы последних лет Камской археологической экспедиции подтвердили правильность этой гипотезы. Есть все основания считать древние костища могильниками гляденовских племен Прикамья⁵. Кальцинированные кости располагаются на костищах отдельными скоплениями, грудками, а вещи (т. е. погребальный инвентарь) находятся в определенном порядке. Это позволяет в некоторых случаях расчленить коллективную усыпальницу на отдельные погребальные комплексы и определить число индивидуальных трупосожжений⁶.

¹ Гордон Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 145.

² Там же, стр. 146. См. также: Alfred Hackmann. Die ältere Eisenzeit in Finnland, I. Helsingfors, 1905, стр. 116, 117; Hjalmar Appelgren. En brandgraf ä Yliskylä (Öfverby) Kyrkogard i Bjerno. «Finskt Museum», № 1—2, 1897; A. M. Tallgren. Ein eisenzeitliches Brandgrüverfeld... «Suomen Muses», XX, Helsingfors, 1913; «Birka» (Untersuchungen und Studien), I, II, Uppsala, MCMXLII (1943) и др.

³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

⁴ П. А. Пономарев. Ананьинский могильник. Изв. ОАИЭ, т. X, вып. 4. Казань, 1892; А. А. Спицын. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Вятка, 1889, стр. 6.

⁵ О. Н. Бадер. Очерки шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Ученые записки Молотовского гос. университета, т. IX, вып. 3, 1953, стр. 66; Н. П. Кипарисова. Жертвенное место на Голом камне. Доклады научных конференций Молотовского университета, вып. 1—4, Молотов, 1948.

⁶ Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское костище Пермской губернии на р. Каме Пермского уезда. Труды Пермской ученой архивной комиссии, т. XI, Пермь, 1914.

Погребальные традиции, связанные с трупосожжением, сохранились у племен Прикамья до конца I тысячелетия н. э. Мы его находим и в могильниках VIII—IX вв. верхней Вычегды. Остатки трупосожжений, совершавшихся здесь также на стороне, помещались затем в могильную яму, иногда в «домовину» в виде опущенного в землю сруба¹. В могильниках близ с. Гам (верхняя Вычегда) кальцинированные кости с могильным инвентарем были найдены в неглубоких ямках (35—40 см). Иногда здесь наблюдаются частичные трупосожжения — с захоронением в той же могиле отдельно черепа или длинных костей².

Сжигание мертвых на стороне и перенесение кальцинированных костей с остатками костра и погребальным инвентарем в могилу известны были и многим поволжским народностям. У муромы этот обряд существовал одновременно с обрядом труположения и частичных кремаций (VII—VIII вв.)³. На территории могильника были вскрыты специальные кремационные ямы, где совершались сожжения. Тот же обряд нам известен по раскопкам мерянских могильников — Сарского (Ярославская область)⁴, Хотимльского и Подольского (Костромская область)⁵, — относящихся к середине и 2-й половине I тысячелетия н. э. Этому же периоду принадлежит открытый и исследованный В. И. Каменским на р. Ветлуге могильник «Черемисское кладбище»⁶. Более ранние трупосожжения, относящиеся к 1-й половине I тысячелетия н. э., мы встречаем на Оке⁷.

Несмотря на широкое распространение этого обряда, который, следовательно, не может считаться этническим признаком, мы должны внимательно отнестись к некоторым его локальным своеобразиям, которые, несомненно, отражают племенные различия населения. Характерным признаком славянского погребального ритуала, известным по раскопкам могильников и отмеченным летописью, является погребение остатков трупосожжений в глиняных сосудах — урнах («судинах малых»).

Во всех известных нам случаях погребений этого типа в финно-угорских могильниках остатки трупосожжений никогда не помещались в урнах; кальцинированные кости вместе с остатками костра и погребальным инвентарем (не подвергшимся действию огня) ссыпались непосредственно на дно небольшой могильной ямы.

Среди большого количества раскопанных гнездовских славянских курганов один (раскопанный в 1874 г. Кусцинским) содержал остатки трупосожжения в виде грудки кальцинированных костей (без горшка), на которых лежали «бронзовая лампа» и 3 шумящие подвески мерянского типа.

В. И. Сизов обратил внимание на это погребение и, сравнивая его с погребениями Борковского могильника, отметил, что сходство между ними огромное и проявляется в том, что и в Борковском могильнике «при больших следах сожжения — погребальных урн все-таки не находилось... Констатируя эти факты, — писал он, — считаем возможным предположить, что рассматриваемый нами курган представляет единичный случай женского инородческого, а именно финского погребения в несомненно славянском гнездовском могильнике. Это предположение подтверждается еще и самым характером вещей, из которых три женских ажурных украшения, несомненно, могут быть отнесены не только по стилю, но и по технике, к харак-

¹ А. П. Смирнов. Прикамье в I тысячелетии н. э. Труды ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 151.

² Данные из отчета научной экспедиции, организованной Обществом изучения Коми края. Записки Об-ва изучения Коми края, вып. 2, Усть-Сысольск, 1929, стр. 6—8.

³ Е. И. Горюнова. Муромский могильник. КСИИМК, 52, 1953.

⁴ Раскопки Д. А. Крайнова. (Материал не опубликован).

⁵ Археологические известия и заметки МАО, № 11, 1894, стр. 359—362.

⁶ Архив Археологического отдела МАЭ, д. № 1265-IV.

⁷ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901.

терным мерянским украшениям...»¹. Тот же ритуал нужно отметить для некоторых курганов Южного Приладожья, которые принадлежали этнически неоднородному населению. Еще А. А. Спицыным было отмечено «обилие в них предметов Пермской чуди»².

Старый, давно позабытый обычай сжигания умерших нашел отражение в разнообразных пережитках, которые можно найти среди непонятных современному населению обычаев финно-угорских народностей Поволжья. У чувашей до недавнего прошлого существовал обычай «окуривать покойника через гриб» (нарост на березе, который употребляют как трут при высекании «живого» огня)³. Очищение гроба живым огнем, как пережиток сожжения умерших, известно у марийцев⁴. Отголоском древних трупосожжений у мордвы является «обмывание» костей покойников. Для этого разрывают могилы, достают кости и слегка обжигают их «живым» (добытым путем трения) огнем.

Следовательно, и археологические данные, и этнографические пережитки свидетельствуют о глубоких местных традициях погребального обряда, связанного со сжиганием трупов. Этот обряд, являющийся отражением определенной идеологии, был знаком как славянским, так и финно-угорским племенам.

Второй аргумент в пользу славянской принадлежности березняковского населения — это особое культовое сооружение, «домик мертвых».

Ввиду того что на славянских поселениях этого времени мы подобных сооружений не знаем, П. Н. Третьякову пришлось прибегнуть к косвенным аналогиям, к сопоставлению ритуального сооружения в Березняках с собственно могильными памятниками — боршевскими курганами IX—X вв., в которых, несмотря на позднюю дату, ярко отражены реликты патриархальной организации. Каждый из курганов являлся своего рода коллективной усыпальницей умерших родичей. Под восточной полой насыпей находился небольшой сруб, открытый с одной стороны, в который и помещались урны с остатками трупосожжений⁵.

Приведенные аналогии очень не точны и совсем не убедительны. Мы можем добавить, что данный обряд погребения был знаком не только вятичам, но и другим славянским племенам, и в качестве пережитка сохранился во многих районах почти до наших дней. В. Э. Завитневич, например, отмечает обычай строить деревянный «теремок» на могилах в Белоруссии, доживающий там до конца XIX в. (ставились срубы в несколько венцов с двускатной крышей)⁶; В. В. Антонович открыл следы «теремков» в области древлян, Н. П. Авенариус — в Литве⁷ и т. д.

Позволяют ли все эти данные считать, что погребальные сооружения в виде березняковского «домика мертвых» или белорусского «теремка» являются специфически славянскими элементами погребального ритуала, т. е. можно ли их привлекать для «этнографической» аргументации славянской природы Березняковского городища? Знакомство с погребаль-

¹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, вып. 1, СПб., 1902, стр. 79, 80.

² Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, Приложение, стр. 154.

³ Из легенды к коллекции Этнографического музея в Ленинграде.

⁴ В. М. Васильев. Марийская религиозная секта «Кугу-орта». Йошкар-Ола, 1928, стр. 63.

⁵ П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на среднем Дону. Сообщения ГАИМК, II, 1931.

⁶ В. Э. Завитневич. Археологические разыскания в бассейне р. Березины. ОАК за 1892 г., СПб., 1894, стр. 151.

⁷ Труды Виленского отделения Предварительного комитета по устройству IX АС в г. Вильно в 1893 г. Любопытно, что в одном из вариантов «Сказания о начале Москвы» спасающийся от убийц князь скрывается в «дебри», в могильном «струбце», где лежал покойник. См. С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы. Труды отдела древнерусской литературы, т. III, Л., 1936, стр. 84.

ными обычаями других племен и народов заставляет нас ответить на этот вопрос отрицательно.

«Домики мертвых», «теремки» или «домовины», поставленные на могильный курган или скрытые в его насыпи, широко распространены на обширной территории северной полосы Восточной Европы и Азии (рис. 7 и 8) — от Скандинавского полуострова и Дании¹ до востока Сибири². Домики-срубы на могилах сооружались и мордвой. В актовом материале XVIII в. (1743 г.) говорится о мордовских кладбищах «с построенными деревянными на могилах срубы»³. Попытка миссионера Д. Сеченова сжечь эти сооружения вызвала крупные волнения терюшевской мордвы. Опущенные в могилу рубленные «домовины» с накатником из горбыля можно наблюдать еще в наши дни у мордвы Кочкуровского района Мордовской АССР⁴.

Примеры из обычаев мордовских племен могут показаться малоубедительными, так как мордва много заимствовала из обычаев славян. Однако напомним, что северные мордовские племена вошли в тесное соприкосновение со славянами (кривичами и новгородцами) в тот период, когда последние перешли уже от погребения в коллективных (родовых) усыпальницах — длинных курганах и сопках — к индивидуальным захоронениям под небольшой курганной насыпью. Эта форма кургана и была заимствована северными мордовскими племенами (эрзей, терюханами). Таким образом, обычай сооружать над могилами умерших домики следует, очевидно, связывать с какими-то иными, не славянскими традициями.

С погребениями в домах-срубах знакомят нас погребальные памятники X в. Карелии. В курганном могильнике у с. Чолмужи найдены коллективные погребения в срубах, составленных из нескольких венцов, имитирующих жилище, с очагом посередине⁵. Выше мы говорили о трупосожжениях, помещавшихся в опущенный в землю сруб, у племен верхней Печоры⁶. О срубах, где помещались погребения в Пьяноборском могильнике, упоминает И. Н. Смирнов⁷. Срубы с остатками трупосожжений были обнаружены и под некоторыми курганными насыпями Бурковского могильника (IV—V вв.) в Прикамье. Яркие свидетельства о существовании обычая строить для умерших «дом» дает погребальный ритуал у финно-угорских народностей Поволжья.

Марийцы Козмодемьянского района говорили, обращаясь к покойнику: «Вот мы делаем тебе избу, не сердись, если сделаем не по нраву»⁸.

Уфимские мари строили на могиле дом-сруб и обносили его оградой. В доме можно было видеть различные бытовые предметы — лукошки, чашки, черепки битой посуды. В б. Ветлужском уезде семейные обращались к умершему с просьбой, чтобы он не брал с собой свой дом, а оставил его семье⁹. У удмуртов изредка сохраняются на кладбищах навесы — «липет», устроенные на 4 столбах¹⁰. В удмуртских сказках могила превращается в избу обыкновенного жилого вида¹¹.

¹ Harald Andersen. Tomte Noje «Kuml». Aarhus, 1951 (Дания).

² С. В. Иванов. Архитектурный орнамент народов нижнего Амура. Сборник МАЭ, вып. XV, М.—Л., 1953, стр. 252; стр. 255, рис. 21; стр. 256, рис. 22.

³ Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 2, Саранск, 1940, стр. 290.

⁴ Сведения сообщил научн. сотрудник Мордовского научно-исследовательского института М. Ф. Жиганов.

⁵ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941.

⁶ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 151.

⁷ Архив ЛОИИМК, ДАК, д. № 42, 1893 г., л. 24 (О раскопках проф. И. Н. Смирнова в Вятской и Пермской губерниях).

⁸ И. Н. Смирнов. Черемисы. Казань, 1889, стр. 120.

⁹ Там же, стр. 122.

¹⁰ Религиозные верования народов СССР, т. II, стр. 280.

¹¹ И. Н. Смирнов. Вотяки. Изв. ОАИЭ, т. VIII, вып. 2, стр. 186.

Финно-угорская этнография знакомит нас с многочисленными пережитками и в области погребальных обычаев угорских народностей. Эти обычаи и связанные с ними материализованные символы позволяют не только установить наличие формальных аналогий, но и понять идеологическую и социальную сущность березняковского «домика мертвых», в котором заключались остатки нескольких трупосожжений.

По представлению обских хантов, «четвертая» душа живет в теле человека и после его смерти. По мнению многих сибирских народов, настоящая смерть человека наступает лишь тогда, когда начинается распад тканей тела. До наступления этой настоящей, видимой смерти душа не может окончательно покинуть тело и витает вблизи от него¹. Повидимому, этим и объясняется, что на могиле, а иногда рядом, строились домики, — миниатюрная модель жилого дома, — которые были предметом особых забот живых родичей и часто (особенно у дальневосточных народностей) украшались художественной резьбой². Труп умершего не погребался сразу в землю, а выдерживался некоторое время в таком домике, где ставились пища и разная домашняя утварь.

В этнографических описаниях погребального обряда хантов и манси, сохранившего в пережиточной форме какие-то очень древние традиции, мы встречаем куклу, которая помещается в домике³ и замещает реального покойника.

По данным Г. Новицкого⁴, у иртышских остяков на куклу надевали одежду умершего, вплетали в прическу его волосы. Если умирал мужчина, то его вдова переносила свои заботы на куклу, как бы на живого мужа. По словам финского ученого Карьяляйнена, кукла являлась вместилищем души покойного, его заместителем⁵. В хантыйском языке «покойник», «душа умершего» и «изображение покойника» выражаются одним словом «сонгет» (параллельная форма «тонгх») ⁶. Из этого мы вправе сделать вывод, что ритуальные действия, совершавшиеся прежде над умершим человеком, впоследствии были перенесены на куклу, на «изображение покойника». Таким образом, зафиксированный этнографами погребальный обряд хантов и манси XIX в. довольно реально отображает ранние формы погребальных обрядов угорских народностей. В каждом маленьком районе наблюдаются свои особенности в обычаях, связанных со смертью и погребением.

У северных хантов кукла, или «изображение покойника», по истечении известного срока хоронится либо помещается в специальный домик. У иртышских хантов куклу по истечении трех лет зарывают в могилу, чем и оканчивается срок траура. На Оби, в Березовском и Микояновском районах изображение по прошествии 40 или 50 дней, в зависимости от пола умершего, выносится на окраину селения, где для него строится небольшой шалашик, перед входом которого кладется (головой на север) убитая утка. Шалашик вместе с куклой сжигают, а утку родственники варят и съедают. Если человек умер поздней осенью или зимой, то его изображение (куклу) хранят дома до весны, пока не прилетят утки. Обряд сжигания куклы производится непременно при «верховом», т. е. южном ветре.

¹ По представлениям удмуртов, отраженным в сказках, смерть только на более или менее продолжительное время разделяет душу и тело, но не прекращает существующей между ними связи.

² С. В. Иванов. Указ. соч.

³ О. Финш и А. Брэм. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882, стр. 480, 481.

⁴ Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остячком. СПб., 1884.

⁵ К. Кагялайнен. Die Religion der Jougra-Völker, Т. II, Helsingfors, 1922.

⁶ В. И. Мошинская. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 53.

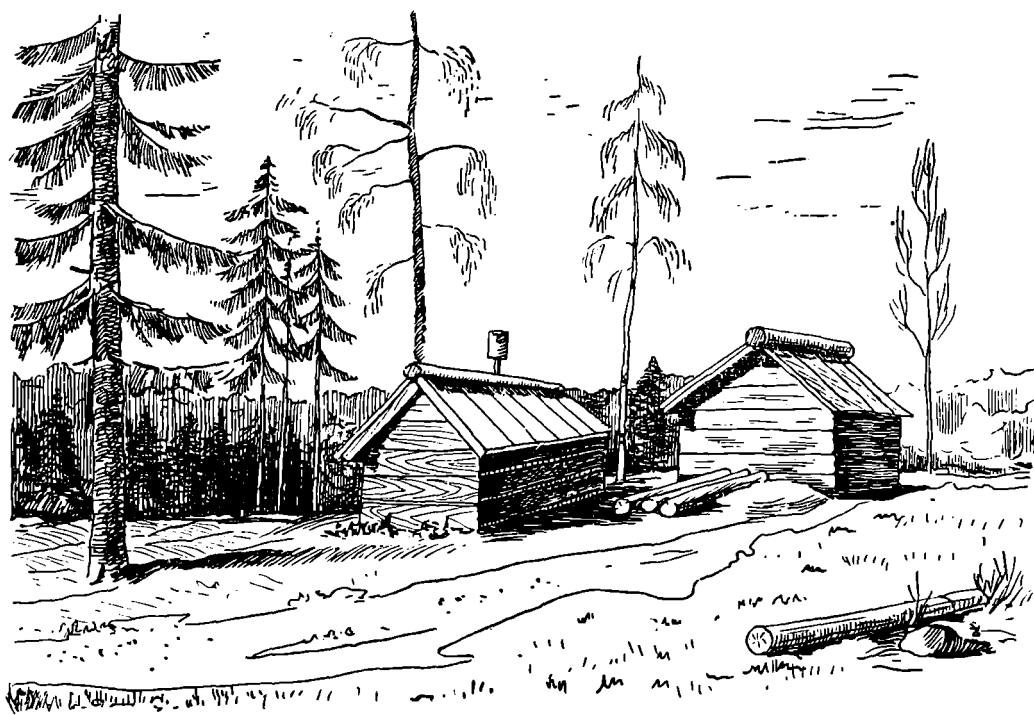
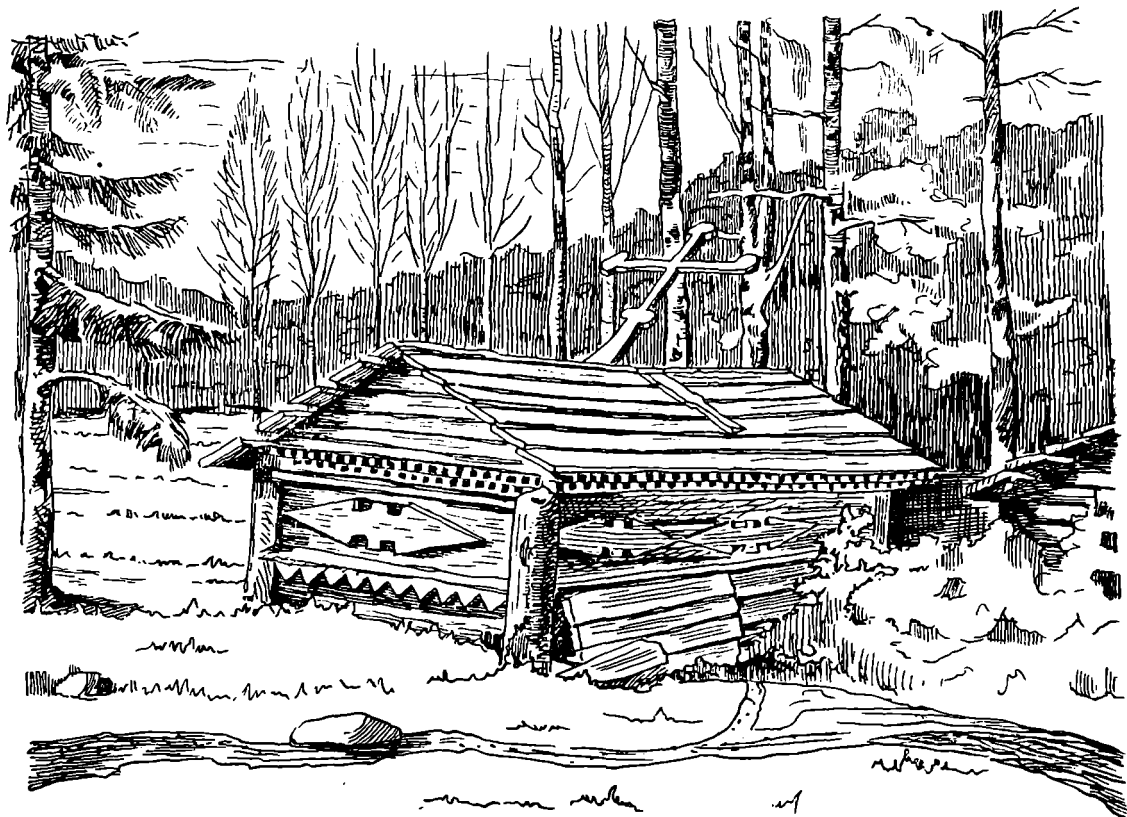

Рис. 7. Могилы вогулов с «домиками мертвых».

У сосьвенских манси изображение покойника хранится в доме и наследуется по женской линии¹. Этот обычай, несомненно, отражает обычай некоторых сибирских народностей сохранять в доме кости наиболее почитаемых членов рода, особенно родоначальников². Угорскими погребальными обычаями может быть объяснен и загадочный «домик мертвых» на Березняковском поселении. Здесь, очевидно, хранился прах сожженных при вторичном погребении родичей. Однако, видимо, такого погребения в пределах

Рис. 8. Домик на могиле сагайцев (абаканских тюрков).

поселка достаивались не все его обитатели. Мы отметили выше, что число хранившихся в «домике» кремаций не соответствует ни размерам поселка, ни длительности его существования. Очевидно, здесь хранился прах лишь наиболее почитаемых членов родовой общины. Эта черта родовой идеологии березняковцев также уводит нас в угорский мир. Об обычае захоронения выдающихся членов рода («богатырей») в пределах городка (огороженного, укрепленного поселения. — Е. Г.) мы узнаем из угорского фольклора.

¹ Приведенные здесь сведения в значительной степени заимствованы из любезно предоставленной для использования рукописи В. Н. Чернецова «Представление о душе и погребальные обряды обских угров».

² В. И. Мошинская. Указ. соч., стр. 53.

Проведенный нами анализ материалов и полевой документации раскопок Березняковского городища приводит к единственно возможному выводу, что этот памятник в целом ничем не выделяется из группы синхронных ему городищ дьяковского типа, а население этого древнего поселка, по совокупности данных, характеризующих его материальную культуру, быт и идеологию, не может быть оторвано от массива финно-угорских племен Волго-Камья, частью которого оно и являлось.

Есть все основания говорить о населении Березняковского городища как о древней мере, племенная культура которой имела много окских и камских черт¹. Вывод наш не нов. Впервые об этом писал П. Н. Третьяков еще в 1934 г.: «Исследования городища у д. Березняки, селища у с. Устья, селища у «Красного Холма» и других известных ранее памятников этого времени в Верхнем Поволжье показали, что они относятся к последним этапам истории первобытного, доклассового общества, когда на этой территории уже складывались известные по историческим данным территориальные племенные образования. Территория ярославского Поволжья, как известно, была заселена мерей (подчеркнуто нами. — Е. Г.), племенным образованием, завоеванным русскими в эпоху X—XII ст. и вошедшим в состав Ростовско-Суздальского княжества. Изучение истории древней меры имеет огромное значение в истории народов СССР, в частности соседних с этой областью народов: мари (черемис), мордвин и удмуртов (вотяков)»².

Мнение, выраженное П. Н. Третьяковым в одном из ранних отчетов, логично вытекает из данной самим автором оценки материалов Березняковского городища. Позднее эта мысль была им высказана в конце его опубликованной работы. Появление на мерянской (П. Н. Третьяков назвал ее Ростовско-Суздальской) земле русского населения относится автором к самому концу I тысячелетия—началу II тысячелетия н. э., т. е. к периоду, который, по его собственным словам, выходит за пределы хронологических рамок его книги³.

Впоследствии по непонятным соображениям автор отказался от своего мнения. Вступив в явное противоречие с конкретным материалом, он стал рассматривать Березняковское поселение не как памятник финно-угорского племени — меры, а как древний памятник одного из севернославянских племен, что достаточно отчетливо высказано им на страницах книги, посвященной восточнославянским племенам и вышедшей в 1953 г.⁴

Наши выводы нисколько не умаляют значения Березняковского городища как первоклассного памятника истории племен лесной полосы Восточной Европы эпохи конца первобытно-общинного строя. Ему попрежнему принадлежит первое место среди мало еще изученных памятников Верхнего Поволжья середины I тысячелетия н. э. Но он освещает не историю славянства, а одну из страниц истории дославянского населения в междуречье, выступающего позже в письменных источниках под именем меры.

¹ Е. И. Горюнова. К вопросу о племенной принадлежности летописной меры. КСИЭ, XVII, 1952.

² Отчет о работах Ярославской экспедиции 1934 г. Архив Отдела полевых исследований ИИМК, д. № 166, 1934, г., лл. 23, 24.

³ П. Н. Третьяков. Указ. соч., гл. V, стр. 97.

⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 119.

А. Е. АЛИХОВА

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ДВУХ ГОРОДИЩ
У СЕЛА ЮХНОВА

При решении вопроса об этногенезе восточных славян внимание исследователей привлекает бассейн р. Десны. Однако распространенные в этом районе поселения времени I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. крайне слабо изучены. Обычно это небольшие городища, расположенные на высоком берегу, на мысу, защищенном с напольной стороны рвом и валом. Своеобразный облик керамики, встречаемой на этих городищах, позволяет их выделить в особую группу.

Впервые они были исследованы Д. Я. Самоквасовым в 70-х годах прошлого столетия. Два из этих городищ расположены в 1 км от с. Юхнова, Новгород-Северского района, Черниговской области, на правом высоком берегу р. Десны, известном под названием «Путивльской горы».¹

В настоящее время у подножья городищ раскинулся поселок — хутор Путив. Городища, отделенные одно от другого оврагом, имеют крутые склоны. С напольной стороны каждое из них было защищено заплывшим в настоящее время рвом и совершенно распаханым валом (рис. 9).

В 1940 г. начальник Деснинской экспедиции М. В. Воеводский поручил автору настоящей статьи произвести разведочные раскопки, в результате которых собран крайне фрагментарный материал (в основном — керамика). Датированных предметов не найдено. Правда, в коллекции Д. Я. Самоквасова, хранящейся в ГИМ, есть бронзовые наконечники стрел, бусина и другие предметы, позволившие Н. В. Трубниковой, описавшей коллекцию, датировать Юхновское городище IV—III вв. до н. э.² Но так как материал Д. Я. Самоквасовым не был расчленен по обоим городищам, встает вопрос: одновременны ли они? На этот вопрос мы попытаемся дать ответ в конце статьи, предварительно подробно проанализировав находки.

Западное Юхновское городище (рис. 9 — А). Занимает вытянутый с северо-востока на юго-запад мыс, ограниченный с северо-западной стороны широким оврагом. Юго-восточная сторона его представляет древний берег Десны, протекающей в настоящее время в 1 км отсюда. С напольной стороны городище защищено рвом и валом. Вал теперь распахан, образуя в наивысшей точке ровную площадку 11—12 м шириной, круто спускающуюся в ров и очень полого — к площадке городища (рис. 10).

Площадка длиной 114 м и шириной 56 м имеет заметный уклон к мысу. С северо-востока, т. е. с напольной стороны, к городищу примыкает площадка округлой формы, ограниченная с двух сторон теми же оврагами (на рис. 9

¹ Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, стр. 109—111.

² Н. В. Трубникова. К вопросу о Юхновском городище. Труды ГИМ, вып. VIII, М., 1938.

обозначена буквой *B*). В заложенном здесь шурфе обнаружен тонкий (16—30 см) культурный слой с небольшим количеством находок.

На городище были заложены небольшой раскоп у юго-восточного склона, недалеко от вала, два шурфа (один — в середине площадки, другой — ближе к мысу) и траншея *A*. Траншея *A* длиной 23 м перерезала древний вал и позволила выяснить его структуру. Основная часть вала состояла из слоя чернозема толщиной 2 м и шириной 8 м (рис. 10—2). Поверх него, со стороны рва, был насыпан слой плотного суглинка различной окраски и консистенции, толщиной 4 м, считая по подошве вала (рис. 10—1, 6, 7). Суглинок, судя по составу, взят при рытье рва. Аналогичная конструкция вала была прослежена В. А. Городцовым на Бельском городище¹.

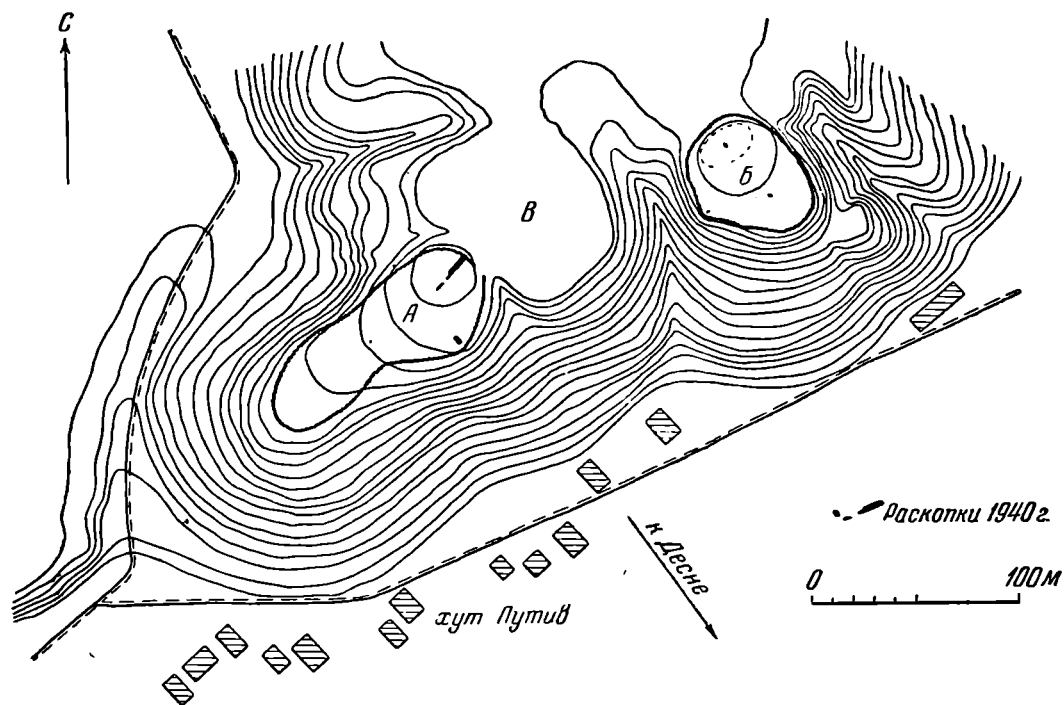

Рис. 9. План Юхновских городищ — западного (*A*) и восточного (*B*).

Следует отметить, что вал на западном Юхновском городище первоначально представлял крупное фортификационное сооружение. Его высота, судя по углу наклона наружной поверхности, равнялась приблизительно 5 м со стороны площадки и 9—10 м от дна рва. Кроме того, на вершине вала стояли деревянные укрепления. От них сохранились лишь остатки обгорелых бревен и уголь, скатившиеся во время пожара вниз по склону и образовавшие тонкую углистую прослойку, лежавшую поверх суглинка (рис. 10—5). В этой прослойке (на границе участков 12—14, на глубине 0,7 м) встречены остатки обгорелых бревен, прутьев и плетенки, лежавших в разных направлениях, но с наклоном в сторону рва. Такое же скопление обнаружено и на участках 8—10, на глубине 1,6—2,5 м. Бревна, очевидно, догорали уже здесь, на месте, так как на участке 10 под ними прослежена линза обожженной земли. Поверх углистой прослойки расположены слои и прослойки с находками (рис. 10—1, 3, 4 и др.), сползшие и перемещенные при распашке верхней части вала. Внутренний склон вала, состоящий из рыхлого чернозема, был довольно крут. Это заставляет предположить, что вал был облицован стеной; к нему с этой стороны прилегает культурный слой.

¹ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году. Исследование Бельского городища. Труды XIV АС, т. III, М., 1911.

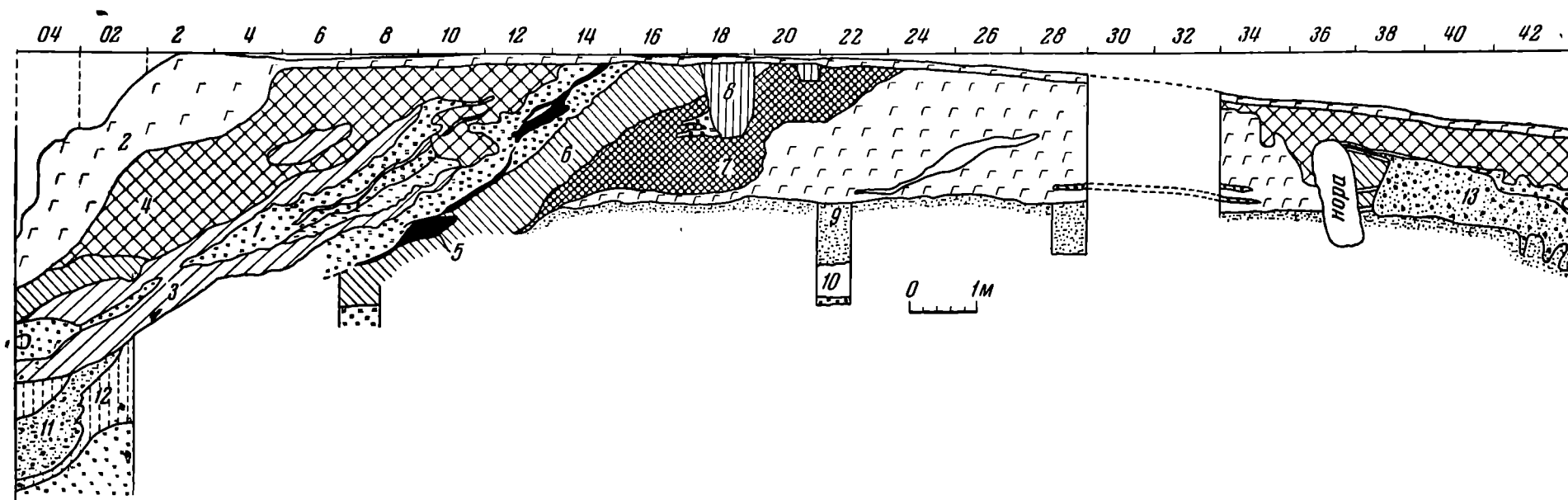

Рис. 10. Разрез вала западного Южновского городища (юго-восточная стенка траншеи А)

1 — суглинок светложелтый; 2 — чернозем; 3 — суглинок темносерый, перемешанный с находками; 4 — супесь серая пятнистая с угольками и находками; 5 — обугленное дерево; 6 — суглинок плотный желтовато-серый; 7 — суглинок серый с темными прослойками; 8 — перекоп; 9 — суглинок желтый с серыми пятнами; 10 — суглинок светлосерый; 11 — суглинок светло-желтый с угольками; 12 — суглинок серовато-коричневый, перемешанный; 13 — супесь коричневая с угольками.

В насыпи вала не встречено находок, за исключением самых нижних горизонтов чернозема, где прослеживались две тонкие прослойки супеси. Здесь найдены угольки, кремневый отщеп и 4 фрагмента сосудов эпохи бронзы, 2 черепка с валиками (рис. 11—11) и один — с орнаментом из глубоких ямок и нарезок, расположенных в виде зигзагообразных линий (рис. 11—12). Подобной керамики ни в одном из раскопов на обоих городищах не обнаружено. Правда, черепок с нарезками и ямками имеет много общего с опубликованным Н. В. Трубниковой¹, но, по заявлению автора публикации, сосуд был сделан из глины с примесью раковин. Подобной примеси нами не отмечено в тесте сосудов обоих городищ.

В небольшом раскопе, заложенном в 1 м от юго-восточного склона городища и в 18 м от юго-восточного конца траншеи А, культурный слой, мощностью 1,3 м, у склона увеличивался до 2 м. Он состоял преимущественно из золы и мелко дробленного камня и был разделен несколькими прослойками обожженной земли и глины. Его подстилал светлый серовато-желтоватый суглинок. В верхних горизонтах, начиная с глубины 26—27 см, прослежены остатки неглубоких (глубина 20—30 см) ям диаметром от 0,4 до 1,2 м, имевших неправильные очертания и заполненных золой. Несколько древнее этих ям одна, вырытая на краю древнего склона городища. Над ней, с глубины 0,74 м, прослеживалось большое скопление золы довольно расплывчатых очертаний. На глубине 1,2 м под этим скоплением обрисовались очертания ямы (1,2 × 1,4 м), причем юго-юго-восточная стенка ямы отсутствовала, что объясняется ее положением на склоне. Ниже (1,55 м) яма сузилась и приобрела форму замкнутого овала (1,1 × 0,8 м). Яма прорезала культурный слой и слой обожженной докрасна глины (на глубине 1,3 м), шедший полосой шириной 1,2 м вдоль края городища, и была доведена до грунта (2 м). Последнее заставляет предположить, что яма была выкопана для столба, несущего большую тяжесть. Возможно, этот столб имел фортификационное значение. Заполнение ямы состояло из золы с примесью мелко дробленного камня.

Укрепление края городища подсыпкой глины на уже отложившийся и очевидно, рыхлый культурный слой отмечено также в других городищах различных районов.

В шурфе, заложенном близ мыса, сделаны интересные стратиграфические наблюдения. Здесь под культурным слоем толщиной 0,65 м обнаружен слой серого песка (мощностью 0,40—0,65 м) с вкраплениями глины, золы и угля. Ниже идет слой чернозема (0,8 м), который подстилается желтым песком, поэтому можно заключить, что слой серого песка либо выкинут из какой-то ямы, расположенной вблизи шурфа, либо был специально насыпан поверх чернозема сразу же после основания городища. В шурфе обнаружен угол колоколовидной ямы, которая не прорезает толщу чернозема, а залегает лишь в верхней его части и в сером песке.

Переходя к описанию находок, следует в первую очередь отметить, что, за исключением железного стержня с загнутым концом и короткого костяного остря, никаких металлических или костяных изделий здесь не обнаружено.

Керамические изделия представлены преимущественно мелкими фрагментами сосудов, пряслицами, грузилами и обломками рогатых кирпичей.

Посуда лепная, из глины с примесью дресвы, изредка — песка и в 4 случаях — шамота. Поверхность многих сосудов отличается некоторой грубостью. Довольно часто можно проследить снаружи следы вертикального сглаживания в виде тонких полос. Встречены черепки со следами характерного для некоторых юхновских городищ вертикального состругивания (повидимому, ножом) нижней части сосуда.

Найденные сосуды можно разделить на две основные группы — баночные

¹ Н. В. Трубникова. Указ. соч., стр. 125.

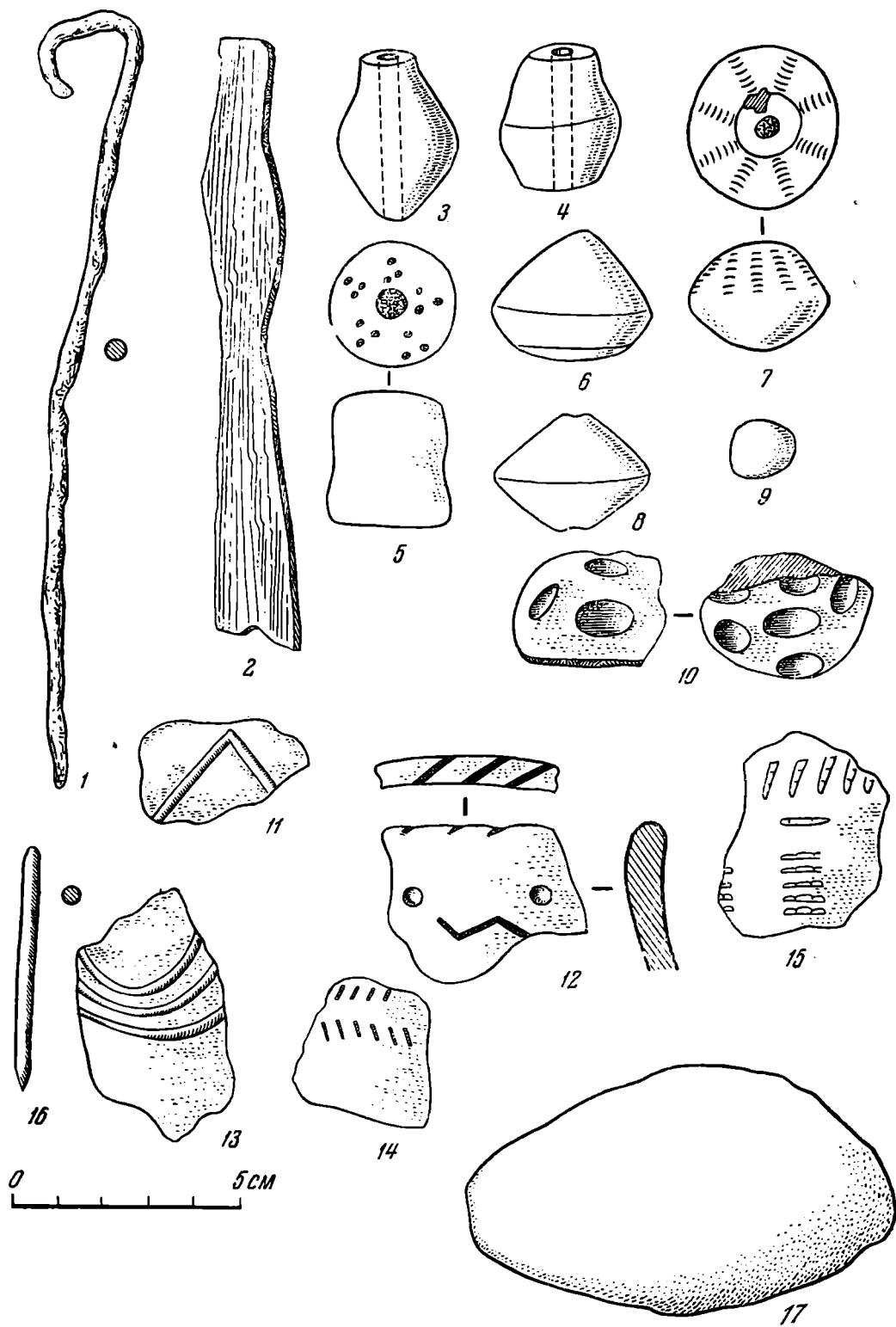

Рис. 11. Вещи с западного Юхновского городища.

1 — железный стержень; 2 — костяная заготовка орудия; 3—8 — глиняные пряслица; 9 — глиняный шарик; 10 — обломок глиняного грузила; 11—15 — фрагменты керамики; 16 — бронзовое шило; 17 — яйцевидный глиняный предмет (грузило?).

и горшечные. Для сосудов баночной формы характерны слабо выраженный профиль верхней части, обычно маленькая, незначительно выделенная прямая или несколько отогнутая шейка и нерезко выраженные плечики (рис. 12 — 2, 3, 6, 8). Судя по одному крупному фрагменту, некоторые из этих сосудов — почти цилиндрической формы. Редким вариантом для этой группы являются сосуды с совершенно невыделенной шейкой (рис. 12 — 1).

Ко второй группе относятся сосуды типа горшка с небольшой прямой шейкой, четко отделенной от хорошо выраженных округлых плеч (рис. 12 — 4, 5, 7, 9). Повидимому, к этой же форме следует отнести фрагмент высокой прямой шейки. В целом же находки горшков на городище сравнительно немногочисленны.

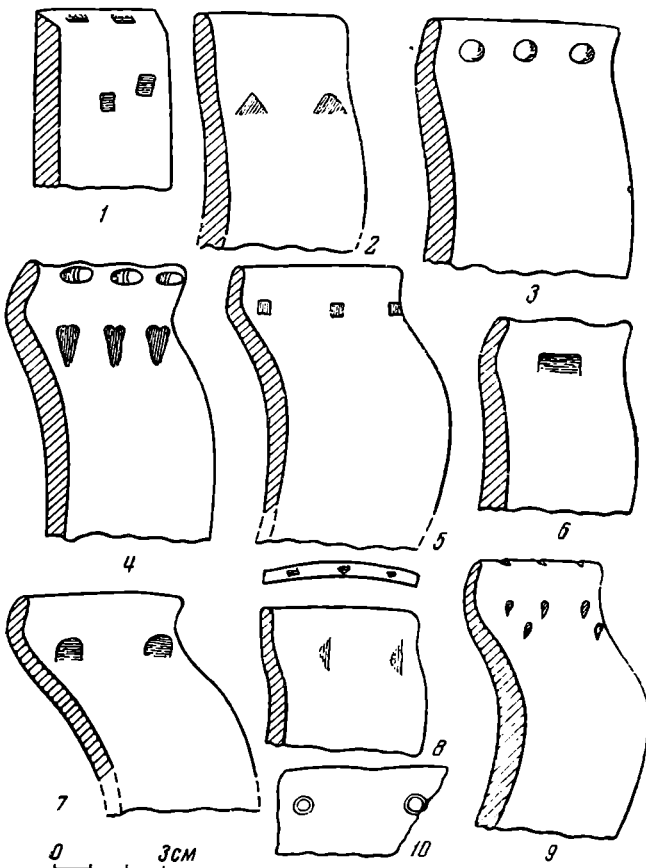

Рис. 12. Керамика западного Юхновского городища.

Наиболее типичны сосуды баночной формы. Судя по фрагментам дниц, здесь были также распространены маленькие сосудики с диаметром дна 3—4 см. Форма встреченных дниц довольно разнообразна. Значительная часть сосудов (80%) орнаментирована. Орнамент обычно состоит из ряда ямок, расположенных на перегибе шейки и плеч. Очень редко встречается более сложный узор: из нескольких ямок, образующих треугольники, спускающиеся на плечи сосуда (рис. 12—9). Орнамент на венчиках в половине случаев состоит из косо расположенных насечек, нанесенных острым предметом или круглой палочкой (рис. 12—

9), в остальных — из различного рода ямок, и лишь в одном случае венчик орнаментирован гребенкой.

Орнамент на шейках можно разделить по форме штампа на две группы. Первая, условно названная нами юхновской, характеризуется узором, нанесенным плоским предметом с прямо срезанным краем (часто даже щепкой), причем край этот прикладывался под углом к поверхности сосуда; получались ямки подпрямоугольных очертаний с одним наиболее углубленным концом (рис. 12—6). Иногда орнамент наносился углом этого штампа; тогда ямка приобретала очертания треугольника с наиболее глубоким местом у вершины (рис. 12—2). Если конец палочки сужен, получалась фигура трапеции. Когда орнамент наносился вертикально поставленным концом штампа при небольшом наклоне (рис. 12—8), оставались вертикальный рубец и небольшой след от приложенного наклонно штампа.

Ко второй группе орнамента относятся разного рода ямки, нанесенные круглым штампом, возможно, концом прутика или кости. Ямки — преимущественно с плоским дном, глубокие и несколько сужающиеся к дну; неглубокие часто имеют неправильные очертания и неровное дно, что объясняется характером штампа.

Найден также фрагмент с ямочным кольцевым орнаментом (рис. 12—10) и три со сравнительно крупными овальными ямками, нанесенными пальцем.

Промежуточное положение занимают удлинённые ямки. По характеру штампа они относятся ко второй группе, т. е. сделаны круглой палочкой, однако по способу нанесения (наклонно к поверхности) они близки к узорам первой группы. Этот орнамент условно назван «отогнутыми» ямками (рис. 12—4, 9). В трех случаях он был нанесен тонкой палочкой, вследствие чего получились узкие длинные ямки.

Особо следует остановиться на бугорковом орнаменте. Он сделан изнутри сосуда круглой палочкой с плоским концом (рис. 12—3). Этот орнамент, распространенный на посуде из северноскифских поселений, встречен лишь на трех черепках, причем из нижних горизонтов культурного слоя. Вообще узор, выполненный круглой палочкой, более характерен для нижних горизонтов, тогда как нанесенный щепкой в самых нижних горизонтах очень редок.

Следует отметить, что во всех горизонтах культурного слоя встречается также и неорнаментированная керамика.

Найденные на городище глиняные пряслица отличаются большим разнообразием. Многие из них относятся к типам, распространенным на Бельском и других северноскифских городищах (рис. 11—3—8). Отметим находку глиняного шарика, единственного среди всего материала (рис. 11—9). Подобные шарики встречены на городище у с. Дьякова под Москвой.

К числу характерных для западного городища находок относятся крупные глиняные грузила яйцевидной формы (рис. 11—17). Несколько отличается от них один обломок, плоский с одной стороны и выпуклый с другой, орнаментированный глубокими ямками (рис. 11—10). Подобные грузила встречаются на многих юхновских городищах. Найдено также несколько обломков рогатых кирпичей.

Из металлических предметов отметим бронзовое круглое шило длиной 5 см, найденное в шурфе на площадке за городищем (рис. 11—16). На самом городище в покрывающем снаружи вал переотложенном культурном слое обнаружена железная, круглая в сечении, булава длиной 17 см, с несколько заостренным концом и полусогнутым противоположным (рис. 11—1). Из костяных изделий найдены лишь небольшое массивное острие и заготовка для плоского предмета длиной 12 см (рис. 11—2).

В шурфе № 1, заложенном на площадке за валом и рвом западного Юхновского городища (рис. 9—В), обнаружен тонкий культурный слой (16 см), несколько понижающийся к северо-западу до 30 см. В нем встречены несколько фрагментов сосудов городищенского типа и описанные выше бронзовое шило и пряслица.

Восточное Юхновское городище. Расположено к востоку от западного, на соседнем мысу того же плато. Оно имеет форму овала, вытянутого с северо-запада на юго-восток. Длина его — 65 м, ширина — 47 м. Вал, так же как и у соседнего городища, распахан. Нами были заложены два небольших раскопа (один — близ мыса и другой — на расстоянии 1 м от юго-западного края городища) и короткая траншея на месте предполагаемой подошвы вала, на расстоянии 16 м от современной крайней точки на валу. В траншее под пахотным слоем обнаружен культурный слой (мощностью 0,6—0,9 м), состоящий из серой супеси и разделенный прослойкой желтого суглинка на два горизонта. Под ним залегал второй слой (толщиной 10—35 см) из коричневатой супеси, насыщенной золой, углем и мелко дробленным камнем. Второй и первый слои кое-где разделяла тонкая коричневая прослойка. Под культурным слоем, непосредственно на лёссе, лежал пласт чернозема без находок, толщиной в среднем 0,8 м. Слоистость, встреченная лишь в этом раскопе, объясняется близостью вала и его позднейшей

распашкой. Раскоп, заложенный на расстоянии 31 м от траншеи, дал иную стратиграфию. Здесь культурный слой (мощностью 0,4—0,5 м) состоял из серой супеси с кусочками извести и небольшим количеством находок.

В третьем раскопе, заложенном у юго-западного края городища, культурный слой (толщиной 0,4—0,6 м) состоял из золы, в которой обнаружены остатки очага (слой обожженной земли толщиной 7 см) и разрозненно лежавшие камни; среди последних было три больших грузила характерного для этого городища типа.

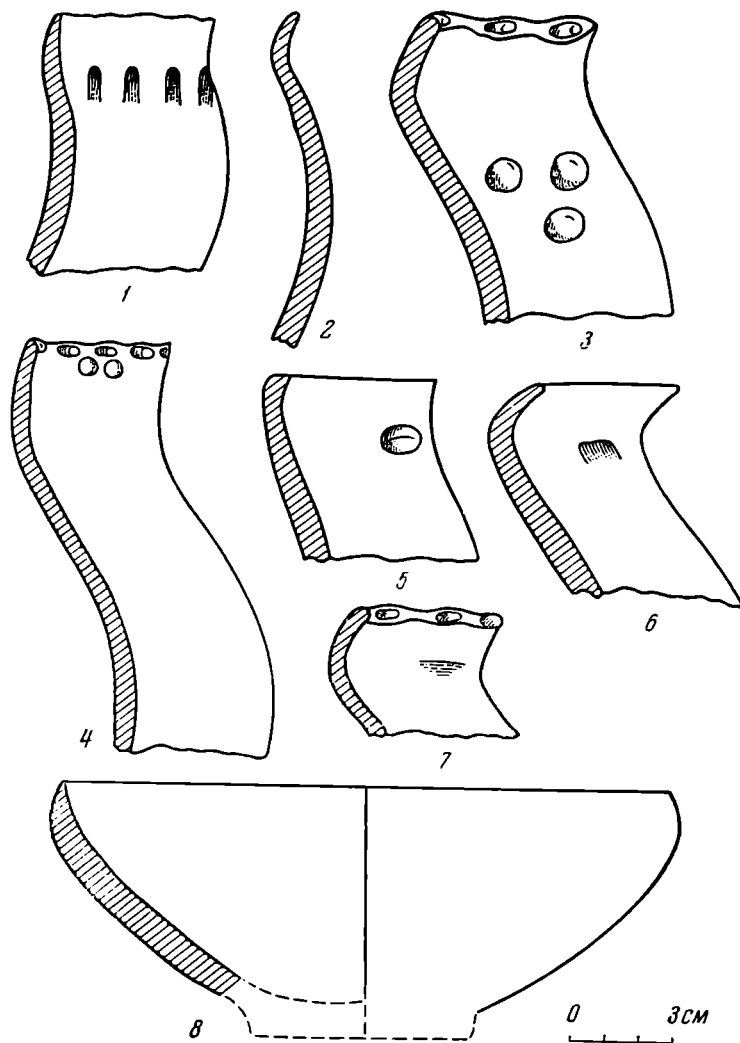

Рис. 13. Керамика восточного Юхновского городища.

Культурный слой, несмотря на слоистость, прослеженную в траншее у вала, в целом был един. Он сравнительно беден находками, состоявшими из обломков глиняных сосудов и костей животных. Керамические изделия представлены, как и на соседнем городище, отдельными черепками посуды, обломками грузил, пряслиц и рогатых кирпичей.

Найденная посуда несколько отличается по глиняному тесту от встреченной на западном городище. Здесь значительно больший процент посуды сделан из глины с примесью песка. В зависимости от этого и сосудов с более гладкой поверхностью больше. Однако преобладающей примесью была дрсва. Надо отметить, что характер примеси, так же как и в глине сосудов, обнаруженных на западном городище, не связан ни с формой, ни с орнаментировкой гончарных изделий. По форме посуда восточного городища заметно отличается от посуды западного. Баночные сосуды составляют

всего 6%, тогда как на западном городище — 36%. Сосуды горшечной формы преобладают, причем они довольно разнообразны и в массе своей отличаются от аналогичных сосудов западного городища. Здесь встретились сосуды с маленькой прямой шейкой (рис. 13—5) или же отогнутой (рис. 13—3, 6) и прямыми, отходящими под сравнительно большим углом плечиками. К редким типам относятся сосуды с довольно высокой прямой шейкой, резко переходящей в плечи, и другие — также с высокой шейкой, но плавно переходящей в пологие плечики (рис. 13—4). Следует отметить черту, характерную для всех сосудов описываемой группы, — сравнительно низкое положение наибольшего диаметра тулова, что обусловлено большими пологими плечиками.

Другими особенностями являются большой, по сравнению с сосудами западного городища, отгиб шейки наружу и более равномерная толщина шейки и плечиков. Сравнительно часто встречается прямой срез венчика (50%). Найден также крупный фрагмент миски с сильно отлогими стенками и загнутым внутрь краем.

По диаметру горла сосуды распределяются на три количественно одинаковые группы (диаметр — 10—13 см, 16—20 см и 25—30 см). Миниатюрных сосудиков здесь не обнаружено.

Орнамент состоит преимущественно из ряда крупных ямок, редко расположенных (на расстоянии 2—4 см) одна от другой на плечиках сосуда, у перегиба шейки. В единичных случаях ямки размещены редкими группами, по три в каждой, образуя треугольник (рис. 13—3).

Венчики у половины сосудов также орнаментированы. На них преобладает орнамент из пальцевых вдавлений и «отогнутых» ямок. Узор из насечек встречается редко. Неорнаментированные сосуды составляют 26%.

Для наглядности приведем таблицу распространенности типов орнамента на сосудах, собранных на обоих городищах.

Соотношение различных типов орнамента (в процентах)

Тип орнамента	Западное городище	Восточное городище
1. На шейках сосудов		
Юхновский	42	15
Пальцевой	2	15
«Отогнутые» ямки	24	10
Разные ямки	9	10
Ямки неправильных очертаний	10	13
Бугорковый	3	1
Без орнамента	10	36
2. По краям сосудов		
Насечка	21,6	10
Пальцевой	10	42
«Отогнутые» ямки	7	18
Разные ямки	6	6
Гребенчатый	1	—
Без орнамента	54,4	24

Из приведенной таблицы можно видеть, что для западного городища характерен орнамент, условно названный нами юхновским, т. е. нанесенный при помощи щепки наклонно к поверхности (рис. 12—6, рис. 13—1), распространенный на сосудах городищ юхновского типа в течение тысячелетия. На втором месте — орнамент из «отогнутых» ямок, на третьем — насечки по краю.

Для сосудов восточного городища наиболее характерен пальцевой орнамент, который (почти в половине случаев) наносился по краю сосуда, часто в сочетании с другим узором, расположенным на шейке. На шейках пальцевые вдавления встречаются реже. Обращает также на себя внимание малое количество сосудов, орнаментированных насечками.

Собранные на городище глиняные пряслица по форме близки встреченным на западном. Некоторые из них орнаментированы нарезным и точечным узором. У одного из пряслиц вокруг отверстий сделаны «воротнички».

На городище найдено большое количество крупных грузил (диаметром от 5,5 до 9 см и высотой от 4,5 до 9 см) усеченно-конической формы с широким круглым отверстием и плоской нижней стороной. Следует подчеркнуть, что здесь не встречаются столь характерные для западного городища крупные глиняные грузила яйцевидной формы.

В вопросах датировки обоих городищ перед нами встают большие трудности, так как датирующих вещей не найдено. Однако при рассмотрении керамического материала обоих Юхновских городищ выявились заметные различия, которые не позволяют считать городища синхронными. Одно из них может быть датировано наконечниками стрел из раскопок Д. Я. Самоквасова, но возникает вопрос, — какое же из этих двух городищ? Исследования последних лет на Украине облегчают нашу задачу.

В 1950 г. на р. Сейме в Путивльском районе произведены раскопки на Ширяевском городище скифского времени. На этом городище прослеживались два слоя, разграниченные глиняной площадкой. Непосредственно на площадке найден наконечник стрелы, который датируется концом VI в. или началом V в. до н. э. Керамика обоих слоев несколько различается. К сожалению, опубликовавшая результаты раскопок В. А. Ильинская дает очень суммарную характеристику керамического материала нижнего слоя¹.

При рассмотрении керамики верхнего слоя автор выделяет по форме 3 типа сосудов. Первый для нас особенно интересен: это высокие сосуды с отогнутыми наружу шейками, плавно переходящими в расширенное тулово, причем максимальная ширина сосуда приходится примерно на середину его высоты. Сосуды такого типа в основных чертах сходны с сосудами, распространенными в нижнем слое того же городища. Вторым типом — высокие горшки баночной формы со слабо выраженной шейкой. В их орнаментации преобладает узор из насечек по краю в соединении со сквозными проколами ниже. Сосуды эти совершенно тождественны с баночными сосудами, распространенными на западном Юхновском городище. Третьим типом — невысокие горшки с резко отогнутой наружу шейкой. Диаметр подобных горшков больше их высоты. Аналогичные сосуды также известны на западном городище, хотя и в единичных экземплярах.

Сосуды из нижнего слоя более толстостенные. У большей части их венчик гладкий, скошенный наружу, реже — украшенный снаружи неглубокими пальцевыми вдавлениями².

Как мы видели выше, керамика восточного Юхновского городища по форме может быть сближена с керамикой нижнего слоя Ширяевского городища, для которого не характерны баночные формы. Сближает эту керамику и еще одна деталь — преобладание на венчике пальцевого ямочного орнамента.

Теперь обратимся к территориально более удаленным районам. На реке Тясмин³ около с. Жаботин в поселении на Тарасовой горе, относящемся к VII—VI вв. до н. э., сосуды, найденные в нижнем слое, близки по форме

¹ В. А. Ильинская. Городища скифского времени на реке Сейм. «Археология», т. VIII, Киев, 1953, стр. 114, 115.

² В. А. Ильинская. Указ. соч., стр. 114, 115.

³ Е. Ф. Покровская. Поселения VIII—VI столетий до н. э. на Тясмине. «Археология», т. VII. Киев, 1953, стр. 55.

сосудам восточного Юхновского городища. Особенно же интересно сходство в орнаментации некоторых сосудов с Чернолесского городища, датируемого VIII—VII вв. до н. э. Отмечено, что иногда вместо валика на плечиках сосуда попадает пояс из неглубоких пальцевых вдавлений. Подобный же орнамент встречен на керамике из могильника предскифского времени в Луке-Врублевцевкой (курган № 3) ¹.

Следовательно, материалы восточного Юхновского городища по таким признакам, как форма сосудов (пологие плечики и расширенное в средней части тулово) и орнаментация (ямочный пальцевый узор), могут быть сближены с материалами слоев VIII—VI вв. до н. э. городищ лесостепной полосы.

Западное Юхновское, для сосудов которого характерны баночная форма и орнаментация насечками по краю венчика, может быть сближено с верхним слоем Ширяевского городища и отнесено к более позднему времени, т. е. после V в. до н. э. Исходя из этого, можно предположить, что описанные Н. В. Трубниковой находки относятся именно к этому городищу ². В таком случае западное Юхновское городище может быть датировано IV—III вв. до н. э.

Приведенные нами параллели указывают на некоторые черты сходства в материальной культуре Юхновских и северноскифских городищ. Однако сходство между ними этим не ограничивается — оно значительно глубже.

Основой хозяйства обитателей тех и других городищ были земледелие и скотоводство. О земледелии свидетельствуют находки зерен. На западном Юхновском городище обнаружены обугленные зерна ячменя, на Ширяевском — приставшие к днищу сосуда зерна проса.

О развитии скотоводства и охоты можно судить по находкам остатков фауны на западном Юхновском городище ³.

	Количество костей	Количество особей, от которых происходит указанное количество костей		Количество костей	Количество особей, от которых происходит указанное количество костей
Лошадь	53	7—10	Лисица	4	2
Свинья	37	6—8	Крупный рогатый скот	3	2
Овца или коза	13	2—3	Косуля	2	2
Лось	11	2	Медведь	2	1
Собака	1	1	Хомяк	2	1

Из приведенных данных видно, что охота играла второстепенную роль по сравнению со скотоводством. Значительным подспорьем в хозяйстве юхновцев служило рыболовство, о чем свидетельствуют большое количество грузил для сетей и скопления рыбных костей и чешуи ⁴.

В заключение следует указать, что сходство между северноскифскими и Юхновскими городищами прослеживается и в устройстве наземных жилищ ⁵. Отмеченные черты позволяют говорить о близком уровне экономического развития, но не дают никаких оснований предполагать этническую общность отдельных групп населения.

¹ И. Г. Шовкопляс, Е. В. Максимов. Исследования курганного могильника предскифского времени на среднем Днестре. «Археология», т. VII. Киев, 1952, стр. 89.

² Н. В. Трубникова. Указ. соч.

³ Определение фауны произведено В. И. Цалкиным.

⁴ В. Д. Лебедев. К вопросу об изменении ихтиофауны реки Десны в период от последней межледниковой до современной эпохи. Зоологический журнал, т. XXIII, вып. 5, 1944, стр. 240—249.

⁵ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 67—77.

В. Л. ЯНИН

ПЕЧАТЬ МСТИСЛАВОВОЙ ГРАМОТЫ

Вряд ли среди древнерусских печатей можно назвать какую-либо более известную в нашей исторической литературе, чем хрисовул грамоты 1130 г., данной Новгородскому Юрьеву монастырю великим князем Мстиславом Владимировичем и сыном его Всеволодом. Интерес к этой печати понятен. Она связана с древнейшим русским актом, который всегда будет привлекать внимание исследователей. Большинство изданий этого весьма значительного памятника русской истории сопровождалось воспроизведением и печати, в которой усматривали важный документ, подтверждающий подлинность самого акта. Однако эта печать всегда возбуждала также и чисто сфрагистический интерес.

При хаотичности современных представлений об особенностях развития русской сфрагистики печати датированных актов дают исходный материал для датирования и классификации основной массы печатей, находимых при раскопках и не имеющих точных признаков даты. Мстиславова грамота — единственный документ XII в. с печатью, поэтому знания о домонгольских печатях формировались с учетом всех известных данных о печати Мстиславовой грамоты, а место самых разнообразных булл XI и XII вв. определялось сравнением с этим хрисовулом.

Можно без преувеличений утверждать, что систематическое изучение русской сфрагистики началось с исследования печати Мстиславовой грамоты. Первой работой по русской сфрагистике является небольшой раздел «О признаках удостоверения данной грамоты» в труде Евгения Болховитинова, опубликованном в 1813 и 1826 гг.¹ Комментируя печать Мстиславовой грамоты, Болховитинов впервые составил небольшой свод известных к его времени древнерусских печатей и сделал важный вывод о том, что печати, в силу их явных хронологических изменений, должны служить существенным признаком, который обязательно следует учитывать при исследовании древних актов.

Через сто лет после Болховитинова печати Мстиславовой грамоты посвятил большое исследование крупнейший знаток русской сфрагистики Н. П. Лихачев. С изучения ее он начал свой большой сводный труд по истории русской и византийской сфрагистики².

Н. П. Лихачевым впервые были правильно объяснены и обоснованы сравнительным материалом изображения этой печати.

¹ Митрополит Евгений. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю. Труды и записки ОИДР, ч. III, кн. 1, М., 1826. Первоначальный вариант этой работы напечатан в «Вестнике Европы» за 1813 г.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1928, стр. 12—19.

Хрисовул Мстиславовой грамоты¹ изготовлен в обычной технике русских хрисовулов. Он состоит из двух тонких пластинок (диаметром 3 см) с вытисненными на них изображениями. Пластинки были соединены краями и плотно зажимали шнур. Такая техника отличается от техники обычных на Руси свинцовых печатей, которые оттискивались на заранее приготовленных болванках со сквозным каналом. Зажимали их на шнуре сдавливанием, сплющиванием заготовки при оттискивании на ней буллотирия. Различие между хрисовулами (золотыми печатями) и моливдовулами (свинцовыми печатями) приблизительно такое же, как между современными товарными пломбами из жести и свинца.

Собственно хрисовулами русские «золотые» печати называются неверно; они изготовлялись не из золота, а из серебряных пластинок, которые иногда золотились, иногда сохраняли естественную поверхность. Печать Мстиславовой грамоты — из позолоченного серебра.

На одной стороне ее помещено изображение сидящего на престоле «Вседержителя»; правая рука его отведена для благословения, в левой руке — евангелие.

На другой стороне изображен святой воин в единоборстве со змием. Воин поражает змия копьем, выхватывая одновременно из ножен меч. Изображение отличается большой выразительностью, однако техника оттискивания оставляет желать лучшего. Рельеф печати очень мягок, силуэт фигуры расплывчат, а края штемпеля совершенно не оттиснулись (рис. 14 — 1).

На протяжении всего XIX в. в войне этой печати принято было видеть архангела Михаила. Это мнение, высказанное без всякого обоснования еще Болховитиновым², повторялось затем А. Б. Лакиером³, Б. В. Кене⁴, И. И. Срезневским⁵ и С. З. Бураковским⁶.

Рис. 14. Хрисовул Мстиславовой грамоты (1), его вариант в свинце (2) и печати Александра Ярославича Невского (3, 4).

¹ Н. П. Лихачев. Сфагистический альбом, табл. LV, 2 (Архив ИИМК).

² Митрополит Евгений. Указ. соч., стр. 44.

³ А. Лакиер. Русская геральдика, кн. I. СПб., 1855, стр. 105, 106.

⁴ B. de Koenne. Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie, I partie. Berlin, 1861, стр. 2.

⁵ И. И. Срезневский. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г.). СПб., 1860, отд. оттиск из вып. 1, т. IX, Изв. II отд. Академии наук, стр. 8.

⁶ С. З. Бураковский. Путеводитель по Новгороду и его окрестностям. Новгород, 1891, стр. 134 и след.

В 1903 г. М. И. Полянский предложил видеть в изображении на печати св. Георгия или самого Всеволода¹. Через несколько лет он уже не колебался, усматривая на печати изображение «самого князя с мечом»².

Все эти догадки, несмотря на большую важность вопроса, высказывались походя, без необходимого анализа аналогий. И только Н. П. Лихачев, отнесшийся к своей задаче достаточно серьезно, подверг исследованию композицию и нашел ей детальнейшие аналогии в изображении св. Феодора Стратилата «в чуде о змии». Установление этой аналогии позволяет восстановить те части матрицы, которые на хрисовуле не оттиснулись. В частности, в правой части поля, несомненно, было изображение коня, вернее, передней части его туловища.

Святой воин на печати оказался св. Феодором, и этот вывод, как нельзя лучше, соответствовал тексту грамоты. Общеизвестно, что на русских княжеских печатях до XIV в. включительно князья изображали своих святых патронов. Каждый князь носил по два имени — светское и христианское (крестильное). Летопись сохраняет нам, главным образом, мирские имена, печати дают длинейший список христианских. Эти два списка очень трудно совместить друг с другом. Редкость упоминания христианских имен породила даже неверное представление о том, что христианское имя князья тщательно скрывали. Только в редких случаях оба имени князя известны из письменных источников. К числу таких князей относится и автор «Мстиславовой грамоты» Мстислав Владимирович, которого крестили Феодором³. Совпадение имени на печати с именем автора акта кажется настолько подкупающим, что со времени Н. П. Лихачева вопрос о печати Мстиславовой грамоты был признан окончательно решенным.

Стройность доказательств Н. П. Лихачева так велика, что вполне понятно игнорирование исследователями некоторых сомнений, которые возникали уже у самого Н. П. Лихачева. Заканчивая исследование, он писал: «Тип печати Мстиславовой грамоты находит отражение в печатях первой половины XIII столетия, т. е. через столетие (после составления грамоты. — В. Я.). Печать Мстислава по работе много тоньше, искуснее памятников XIII века, но все-таки по стилю она новшество среди современных ей печатей. Если бы мы не знали Мстиславовой грамоты и ее текста, хрисовул этот скорее отнесли бы к концу XII в., чем к его началу»⁴. Действительно, печать Мстиславовой грамоты обнаруживает ближайшее сходство с печатями Ярослава Всеволодовича, Александра Ярославича Невского и Михаила Ярославича Тверского. Это сходство существует и в полном совпадении сюжетов, и в небрежности технического стиля изготовления, и даже в размере. Все известные к настоящему времени печати XII в. много меньше «мстиславовой», которая в той же степени сходна с памятниками XIII в., в какой отлична от печатей XII в.

Выпадение этой печати из общей стилистической взаимосвязи русских сфрагистических памятников оказывается настолько явным, что нуждается в специальном изучении.

Говоря о своеобразии хрисовула среди русских сфрагистических памятников, мы имели в виду его отличие от свинцовых печатей, которое само по себе очень важно, однако вряд ли только оно дает основание сомневаться в правомерности исконной связи хрисовула с грамотой Мстислава; оно

¹ М. И. Полянский. Новгородские вислые печати княжьи, владычные, посадничьи, наместничьи, воевод и тысяцких. «Волховский Листок», 1903, № 93 и 94.

² М. И. Полянский. Новгородская памятка для туристов. Новгород, 1907, стр. 64.

³ См. надпись на знаменитом Мстиславовом евангелии — «Князю Феодору, а мирьскы Мьстиславу». П. К. Симони. Мьстиславо евангелие начала XII века. СПб., 1904.

⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 19.

могло определяться отмеченными выше техническими приемами в изготовлении моливдовулов и хрисовулов. Поэтому следует поставить вопрос о времени происхождения обычного в техническом отношении русского хрисовула, т. е. того технического типа, к которому принадлежит и печать Мстиславовой грамоты.

Для этого используем данные о всех известных к настоящему времени хрисовулах. Кроме печати Мстиславовой грамоты, их сохранилось еще 23 экземпляра. Среди них 7 печатей сохранились при смоленских грамотах 1239, 1270—1275, 1284 и 1300 гг.¹; 9 печатей принадлежат московским великим князьям Ивану Калите, Семену Гордому, Ивану Красному, Дмитрию Донскому и Василию Дмитриевичу и сохранились при грамотах 1336, 1339, 1353, 1356 гг., не позднее 1359, 1362—1389 гг., не позднее 1378, 1389 гг. и около 1406 г.²; 5 печатей новгородского и тверского происхождения датируются 1260—1262 и 1294—1301 гг.³; 1 печать принадлежит князю Владимиру Рюриковичу и относится к 1214—1219 гг.⁴ и 1 печать неизвестного киевского митрополита датирована Н. П. Лихачевым 1-й половиной XIII в.⁵

Все эти печати выполнены в обычной технике русского хрисовула, на двух серебряных тонких пластинках. Общая их хронология не соответствует хронологии печати Мстиславовой грамоты; наиболее ранние из них относятся к 1-й четверти XIII в., тогда как печать Мстиславовой грамоты датируют временем, на целое столетие более ранним.

Однако и эта противоречивость, если и подтверждает первоначальные сомнения, все же не является решающей. О существовании золотых печатей в более раннее время, даже в X и XI вв., известно из источников. Эти печати⁶, не дошедшие до нас, могли быть изготовлены в технике русского хрисовула. Хронологический разрыв между печатью Мстиславовой грамоты и всеми остальными русскими хрисовулами может оказаться искусственным, вызванным пробелом в уже собранных памятниках. Решающими поэтому могут быть вновь находимые золотые печати, относящиеся к раннему времени. Если они обнаружат сходство с хрисовулом Мстиславовой грамоты, то мы сможем говорить об особом стиле хрисовула с очень раннего времени и о несомненной принадлежности печати грамоты Мстиславу Владимировичу; если же сходства не окажется, это будет свидетельствовать о более поздней дате хрисовула Мстиславовой грамоты.

Новая уникальная золотая печать обнаружена в Новгороде в 1952 г. при раскопках на Неревском конце, в квадрате 121 на уровне 19-го пласта (глубина — 3,6—3,8 м). По уровню залегания она относится к 12-му ярусу, т. е. ко 2-й половине XIII в., однако датируется более ранним временем. Печать принадлежала князю Ярополку Ростиславичу, внуку Юрия Долгорукого, княжившему в Новгороде в 1178 г., в Торжке — в 1177 и 1180—1181 гг. На ней изображены св. Василий и св. Николай (христианским именем Ярополка

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 20—31, 55.

² А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. Труды Московского нумизматического общества, т. III, вып. 1, М., 1903, табл. I, рис. 1—2, 4—6, 8; стр. 16—20 отд. оттиска.

³ Там же, табл. II, рис. 11; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 36—42.

⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 56—57; его же. Сфрагистический альбом, табл. LIV, 2. А. С. Орлов принимает эту печать за две разные печати (А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 195, 197).

⁵ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 56.

⁶ См. сообщение договора с греками 945 г.: «Ношаху сли печати златы, а гостье сребрени», а также сообщение Волоколамского патерика о печатях Ярослава Мудрого (ниже).

Ростиславича было Василий Николаевич)¹. Наиболее детальную художественную аналогию изображению св. Николая можно обнаружить на свинцовой печати того же Ярополка².

Относясь к 70-м годам XII в., т. е. как раз к интересующему нас периоду времени между Мстиславовой грамотой и хрисовулами XIII в., рассматриваемая печать, однако, не заполняет пробела, а, напротив, углубляет его. Ни стилистически, ни технически, ни по своему типу она не имеет ничего общего с обычными русскими хрисовулами. Это настоящий хрисовул, изготовленный в технике свинцовых печатей. Небольшой кружок печати образован не из серебряных позолоченных пластинок, а путем оттискивания матриц на цельно-золотой заготовке, снабженной сквозным каналом для шнура. Печать очень невелика, ее диаметр — всего 12 мм. По типу и стилистическим признакам она совершенно не отличается от современных ей свинцовых печатей. Изображение на сторонах печатей святых, тезоименитых владельцу и его отцу, является самым характерным признаком печатей XII в., в XIII в. уже переживающим.

Отметив своеобразие типа хрисовула Мстиславовой грамоты, проследим аналогии ему среди других русских сфрагистических памятников. Сочетание изображения святого патрона князя — владельца печати — на одной стороне и «Вседержителя» на другой не уникально в русской сфрагистике. Привожу все известные к настоящему времени аналогии этому сочетанию:

1. Свинцовая печать с изображением св. Феодора Стратилата «в чуде о змии» на одной стороне и «Вседержителя» — на другой. Эта печать полностью аналогична хрисовулу Мстиславовой грамоты, и ее приписывают поэтому Мстиславу Владимировичу³.

2. Свинцовые печати с конным изображением св. Александра на одной стороне и «Вседержителя» — на другой, принадлежащие Александру Невскому (1236—1263 гг.)⁴.

3. Свинцовые печати с изображением архангела Михаила на одной стороне и «Вседержителя» — на другой, принадлежащие Михаилу Ярославичу Тверскому (1305—1308 гг.)⁵.

4. Свинцовая печать с изображением св. Александра в рост на одной стороне и «Вседержителя» — на другой, принадлежащая Александру Михайловичу Тверскому (1325—1326 гг.)⁶.

5—6. Свинцовые печати с изображением на одной стороне «Вседержителя», на другой — в первом случае св. Феодора в рост, во втором — царя Давида. Атрибуция печатей неясна; по суммарной датировке Н. П. Лихачева, они относятся к XIII в.⁷

7. Наконец, следует отметить еще одну печать, которая формально в этот разряд не входит, но является безусловным и непосредственным развитием того же типа, — печать с изображением «Вседержителя» на одной стороне и конного сокольника — на другой, принадлежащая князю Андрею Александровичу (1301 г.)⁸.

Все эти аналогии связывают печать Мстиславовой грамоты с памятниками XIII в.

¹ В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, 62, 1956, стр. 9; е го же. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55, Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I, 1956, стр. 151.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II, без г., стр. 202, рис. 177.

³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 19, рис. 9.

⁴ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. V, 17; VI, 8—11, 14, 15 и др.

⁵ Там же, табл. X, 12, 13; XXXV, 11.

⁶ А. В. Орешников. Указ. соч., табл. II, рис. 14.

⁷ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. IV, 12; LI, 15; LV, 4—6.

⁸ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 47—50.

Переходя к аналогиям отдельным сторонам хрисовула, нужно отметить, что изображение «Вседержителя» в памятниках ранее XIII в. не встречается. Кроме перечисленных печатей, несущих это изображение, можно отметить только одну, также относящуюся к XIII в., — печать «Всего Новгорода» при договорной грамоте Великого Новгорода с немецкими городами 1260—1262 гг.¹

Что же касается св. Феодора, очень популярного в домонгольский период, то святые с этим именем в XII в. изображались всегда в рост, с копьем и щитом, в статичном положении. Каноническое изображение св. Феодора Стратилата настолько одинаково с обычным изображением св. Феодора Тирона, что при отсутствии пояснений в надписи чаще всего невозможно установить, какой Феодор помещен на той или иной печати. Изображение св. Феодора Стратилата в композиции, которую мы видим на печати Мстиславовой грамоты («чудо о змии»), кроме рассматриваемого случая, отмечено только на многочисленных печатях Александра Невского, на которых оно сочетается с конным изображением св. Александра.

Совокупность всех рассмотренных признаков связывает печать грамоты 1130 г. наиболее близко с печатями Александра Невского, на двух типах которых присутствуют в совершенно неизменном виде обе стороны хрисовула — в одном случае «Вседержитель» в сочетании с изображением св. Александра (рис. 14 — 3), в другом — св. Феодор Стратилат «в чуде о змии» в том же сочетании (рис. 14 — 4). Стилистические параллели также не вызывают сомнений: грубость работы, столь свойственная печатям XIII в., сравнительно большой диаметр кружков — все это настолько родственно, что совершенно исключает элемент случайности в заимствовании отдельных изображений и типа в целом. Эта всесторонняя близость помогает правильно установить принадлежность «хрисовула 1130 г.». Он является печатью отца Александра Невского — Ярослава Всеволодовича, которого в крещении звали, так же как и Мстислава, Феодором².

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что печать при грамоте 1130 г. моложе грамсты на 100 лет и является подложной. Следует отметить, что не так уж крепко она была привязана к грамоте Мстислава, как это принято думать. Дело в том, что печать давно оторвалась от грамоты и хранится отдельно. О том, что она была привешена к грамоте, мы читаем один-единственный раз у И. И. Срезневского: «В обветшавшем виде сохраняется и печать, уже без мотоуза, который еще не так давно был цел и был, как говорили, шелковый»³. Свидетельство И. И. Срезневского, относящееся к 1860 г., полностью противоречит сообщению первого издателя грамоты Евгения Болховитинова, который писал в начале XIX в.: «Печать при сей граммате круглая, привешена была к оставшейся еще внизу листа скважине снурком, сквозь внутреннюю пустоту самой печати продетым. Но снурок, конечно, от гнилости истребился, а потому ничего о нем сказать не можно»⁴.

Сопоставление сообщений может свидетельствовать только о том, что позднейшие данные И. И. Срезневского, который знакомился с грамотой через 50 лет после Болховитинова, основаны на недоразумении.

Несмотря на то, что о живых свидетелях, наблюдавших печать привязанной к грамоте, мы ничего не знаем, есть основания думать, что подлог не был результатом какого-нибудь научного осмысления, объединившего эти разнородные памятники. Большая точность исследовательских приемов Евгения Болховитинова, отсутствие у него обычного для его времени пренебрежения к мелочам, казалось бы, незначительным и несущественным, позволяют ду-

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XIII, 1, 2.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 38.

³ И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 8.

⁴ Митрополит Евгений. Указ. соч., стр. 44.

мать, что печать хранилась вместе с грамотой задолго до того, как с ней познакомился ее первый исследователь.

Подтверждением этому служит соответствие имени владельца печати и имени автора документа. Оно было доказано только в XX в. и не могло быть случайным. Есть все основания думать, что подлог совершился очень давно.

В конечном счете, даже если печать сохранилась бы при грамоте на шнурке, это не противоречило бы возможности подлога, который к тому же мог быть юридически вполне законным. Нам известны случаи утверждения грамот печатями спустя известный срок после составления¹. Можно предполагать факт позднейшего подтверждения грамоты, почему-либо утратившей свою подлинную печать. Нечто подобное произошло в Волоке Ламском в XV в. Волоколамский патерик сообщает, как Ярослав Мудрый «град сотвори Волок. . . и внутри града соборную церковь Воскресение господа нашего Исуса Христа. И дасть священником и обоим монастырем, во окормление тамгу со всего, и померное, и явку з животины и пятно, и дасть им грамоты вечныя и печати златы приложи, ихже мы самовидци быхом и прочтохом. И пребыша до князя Бориса Васильевича лет мало не с пятьсот, и той взял их, не вем с которою мыслию, к себе в казну, а им даст свои грамоты. . .»².

Все-таки совпадение имен свидетельствует скорее о квалифицированном подлоге, не имевшем законной силы. С этой точки зрения существенно известное несоответствие хрисовула тексту грамоты; оно заключается в том, что характер акта не так уж важен, чтобы могло потребоваться его утверждение золотой печатью. Судя по материалам, которыми мы располагаем, хрисовулы прикладывались к актам только большой важности, к международным или междукняжеским договорам, или же к документам, подобным упоминаемому Волоколамским патериком. Грамота 1130 г. не принадлежит к числу таких важных актов. Поэтому подлог к ней золотой печати мог быть вызван только какими-то особыми обстоятельствами. В грамоте утверждается пожертвование Мстиславом земель Юрьеву монастырю. Можно указать приблизительно период, когда возникла необходимость в придании грамоте большей важности. Это, очевидно, время церковной реформы Ивана Грозного, когда была произведена частичная секуляризация монастырских имений в интересах дворянства и возвращены владельцам земли, незаконно присвоенные церковью, а также была запрещена передача или продажа земель монастырям без утверждения царя. Церкви приходилось документально подтверждать свои права на земельные владения, и внешней солидности документов не могли не придавать должного значения.

Следует отметить, что знания о порядке утверждения грамот в древней Руси могли быть очень точными. Примером этому служит великолепное по своей выразительности дело XVI в. между Суботой Стромилowym и Иваном Чертовым, в ходе которого Стромилow доказал, что противоположная сторона пользовалась подложными документами, так как печати Василия Темного на них были на шелку, а не «на нитях белых»³.

В связи с этим очень интересными могли бы быть анализы остатков шнуров в каналах хрисовула грамоты 1130 г. и других печатей XII и XIII вв. К сожалению, при осмотре печати Мстиславовой грамоты летом 1953 г. в Новгородском музее нам пришлось с большой горечью убедиться в том, что одна из створок печати (с изображением св. Феодора) утеряна. Обстоятельства пропажи и ее время установить не удалось. Повидимому, она утеряна при эвакуации коллекций музея во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Остатков шнура при печати, естественно, не сохранилось.

¹ В. Л. Янин. Печати наместников новоторжских. СА, XIX, 1954, стр. 290, 292.

² Цитирую по Н. П. Лихачеву — Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 58.

³ Н. П. Лихачев. Из лекций по дипломатике. СПб., 1906, стр. 21—31.

А. Д. ВАРГАНОВ

ОБЖИГАТЕЛЬНЫЕ ПЕЧИ XI—XII ВЕКОВ
В СУЗДАЛЕ

В 1946 г. в откосе левого берега р. Каменки около Покровского моста обнаружена стенка, сложенная из тонкого плиткообразного кирпича. Предпринятые в 1949 г. раскопки раскрыли хорошо сохранившуюся печь для обжига плинфы (рис. 15). Боковые стенки печи толщиной 32 см были сложены из плинфы (толщиной 4 см) на глиняном растворе (толщина шва — 3—4 см). Фасадная (южная) стенка с топкой в центре уцелела лишь в нижней части.

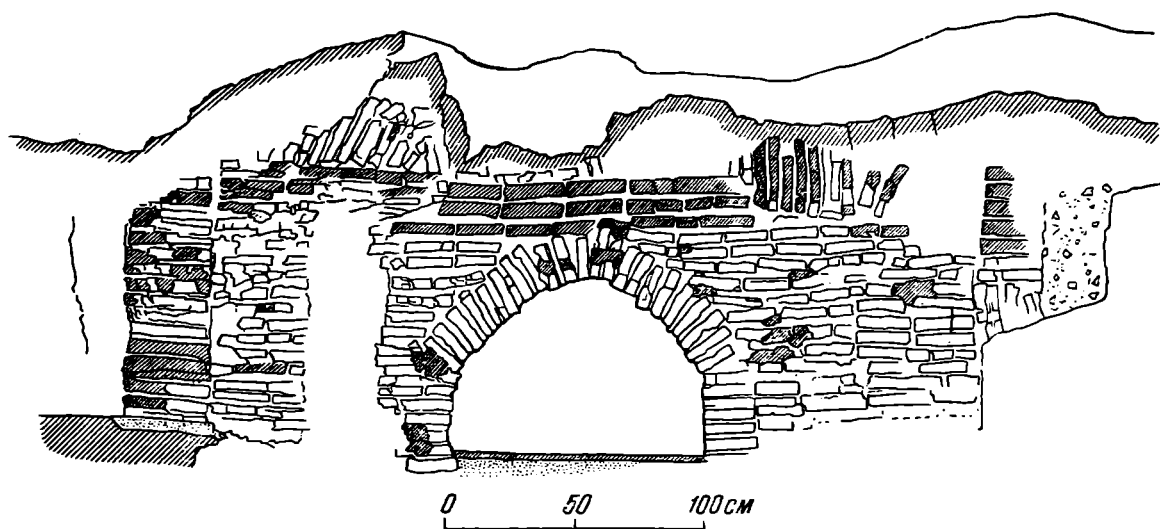

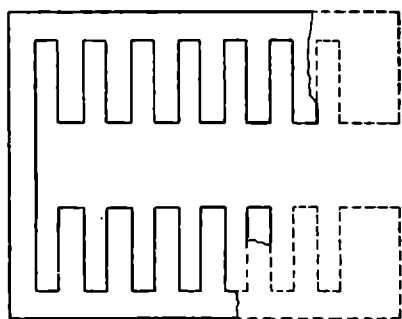
Рис. 15. Фасад печи для обжига плинфы у Покровского моста в Суздале.

В остальном, за исключением стенок верхней коробки, печь была прекрасной сохранности и уходила в толщу берега. Ее внутренняя полость забита желтой глиной со значительной примесью перерытого культурного слоя. В заполнении найдено несколько обломков горшков с линейным орнаментом и белыми зернами дресвы в тесте, а также обгорелые кости домашних животных (преимущественно свиньи).

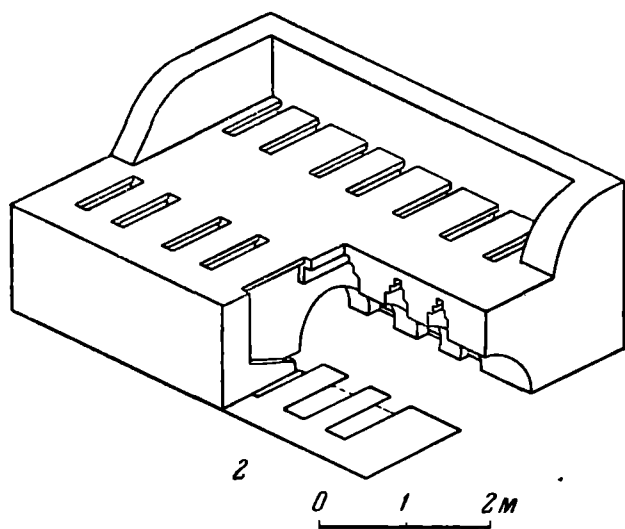
Печь — прямоугольная в плане (рис. 16 — 1). Внутренняя ее полость разделена на 7 секций 6 перегородками, расположенными параллельно фасадной стенке. В середине стенки каждой секции устроены топки с двухцентровыми арками. Под печи состоит из сильно прожженной красной глины и слоя золы. В секциях между внутренними стенками есть небольшие возвышения по направлению к боковым наружным стенам. Внутренние перегородки высотой 1,2 м перекрыты горизонтальной кирпичной площадкой, прорезанной прямо-

угольными продуктами, идущими из каждой секции. Боковые стенки второго яруса — камеры печи — сильно разрушены; их большие блоки лежали на площадке. Внутренние поверхности стен от сильной температуры ошлаковались. Кирпич наружной части стен слабо обожжен, а частью (ближе к фасадной стенке печи) сохранился сырцовый кирпич. Печь клалась из сырцового кирпича и обжигалась уже в процессе работы.

При расчистке участка около печи обнаружено большое количество крупных обломков хорошо обожженного красного кирпича (размер фрагментов — 32×4 ; $37 \times 3,5$ см). На нижней постели кирпича видны следы досчатой

1

2

0 1 2 м

Рис. 16. Печь для обжига плинфы.

1 — план; 2 — реконструкция.

всей вероятности, срыт в недавнее время, при устройстве шоссейной дороги и водостока.

Описанная печь служила для обжига плинфы. Судя по размерам площадки ($3,9 \times 2,8$ м), в печи могло одновременно обжигаться около 5000 штук плиткообразного кирпича.

На склоне противоположного берега Каменки в направлении к кремлю Суздаля найдены развалины другой, повидимому, подобной же печи. В раскопанном здесь завале среди обломков большемерного кирпича обнаружены

формы, на верхней — отпечатки пальцев, а иногда и ладони мастера; на одной из боковых узких сторон — три или четыре отпечатка концов пальцев; на верхней кромке заметны наплыв глины на борт и следы тонкой веревочки, которой резался кирпич. Кирпичи остались около печи как отходы, на них нет следов раствора, т. е. они не были использованы в строительстве.

Из подобного же кирпича (размером $32 \times 20 \times 4$ см) сложена и сама печь; при сооружении боковых стенок кирпичи клались стопой друг на друга; длина их (32 см) определяла толщину стен. В арках топок есть кирпич размером $28 \times 19 \times 3$ см; в закладке пространства между арками и стенками попадают и более крупные ($37 \times 20 \times 4$ см). Фасадная стенка печи значительно толще других (0,6 м), так как она была полностью открыта и несла нагрузку стены верхней камеры; остальные не нуждались в утолщении, так как они упирались в окружающий грунт¹.

Приямник печи не сохранился. Он, как правило, располагался перед топкой и, по

¹ Подобное устройство стен обжигательной печи нами было установлено и при раскопках печи XVII в. во Владимире. См. наш отчет о раскопках 1949 г. в архиве ИИМК. Фасадная стенка владимирской печи XVII в. не только толще, но и укреплена специальными контрфорсами по углам.

залегавшие на большой глубине плиткообразные кирпичи, совершенно подобные описанным выше. Что это была печь, а не какое-либо другое строение, — указывают глиняный раствор, сильно обожженные кирпичи, покрытые зеленой глазурью, шлаки и красная от сильного огня материковая глина.

Далее вниз по течению реки, еще ближе к кремлю города, расположен холм, носящий местное название «Убогий дом». Высококачественная строительная глина здесь еще в древности использовалась для кирпичного производства. Заложённые на холме разведочные шурфы позволили установить и тут огромные завалы кирпичного щебня, большое количество шлаков, покрытых темнозеленой глазурью, обломки еще не бывшего в употреблении красного кирпича, т. е. и здесь была кирпичная обжигательная печь. Судя по различной величине кирпичей, можно думать, что здесь либо одновременно работало несколько станков разной формы, либо само производство кирпича существовало довольно длительное время. По писцовой книге Суздаля 1628—1630 гг. этот участок принадлежал суздальскому архиепископу, и на нем находились кирпичные сараи. Находки древней плинфы свидетельствуют, что кирпичное производство здесь существовало издревле вплоть до 2-й половины XVII в., когда кирпичные сараи на горе «Убогий дом» были снесены, а земля приписана к посаду.

В 1950 г. при разведке в самом кремле Суздаля, в 20 м от северо-западного угла Рождественского собора, на глубине около 4 м открыта часть еще одной обжигательной печи (рис. 17).

По форме и устройству она совершенно отлична от описанной выше плинфяной. Обнаруженная часть представляет в плане полукруг; очевидно, в целом виде печь была круглой, диаметром 3 м. Ее вторая половина разрушена при устройстве фундамента хозяйственной постройки в конце XVII в.

Стенка печи сложена из плиткообразных кирпичей, по размерам близких кирпичам плинфяной печи (преимущественно $37 \times 20 \times 4$ или 3,5 см). На многих кирпичах также заметны отпечатки пальцев и ладони и следы досчатой формы. Внутренняя сторона стенки ошлакована, и стена превратилась в сплошную спекшуюся глыбу. Нижняя часть стены на 40 см толще верхней; утончение произведено путем устройства на высоте 0,5 м обреза. Снаружи стенка смыкается с материковой глиной. Здесь кирпичи, как и окружающая глина, слабо обожжены. Следовательно, и эта печь строилась из сырца, обожженного уже в процессе работы. Подом служила материковая глина, выровненная в горизонтальную круглую площадку; от сильного жара он покрылся довольно крепкой керамической коркой. Под и стенки печи при вскрытии имели чистую, белую известковую окраску и создавали впечатление «белокаменного» сооружения.

К сожалению, топка находилась в разрушенной части, установленной лишь при расчистке пода, красная обожженная корка которого оконтуривала совершенно правильную вторую полуокружность печи.

С юго-восточной стороны круг пода нарушен: здесь почти отвесно уходит в материк приямок глубиной 1,2 м (рис. 17 — 1). Хотя приямок сильно нарушен упомянутым фундаментом здания XVII в., все же удалось установить некоторые черты устройства. Он был вырыт в материковой глине; найденные на дне остатки лежавших горизонтально бревен либо образовывали настил пола, либо были креплением стенок.

В уровне пода на материковой глине с южной стороны отмечены следы трех вертикальных деревянных столбов диаметром около 30 см. С остальных сторон столбы не сохранились. Столбы, видимо, служили опорами навеса над печью. С северной стороны печи обнаружены большое скопление угля, крупные головни обгорелого дерева, осколки белого камня, обломок белокаменной болванки — полуколонки довольно крупных размеров, заготовленной, по видимому, для портала здания. Все это было перемешано с золой, кусками красной обожженной глины, костями животных, обгорелой (полулепной?)

керамикой, обломками тонкостенных глиняных сосудов с линейным и волнистым узором.

По окраске внутренней части печи известью можно догадываться, что печь служила для обжига извести и связана со строительством какого-то каменного сооружения. Приведем описание известковых печей, относящееся

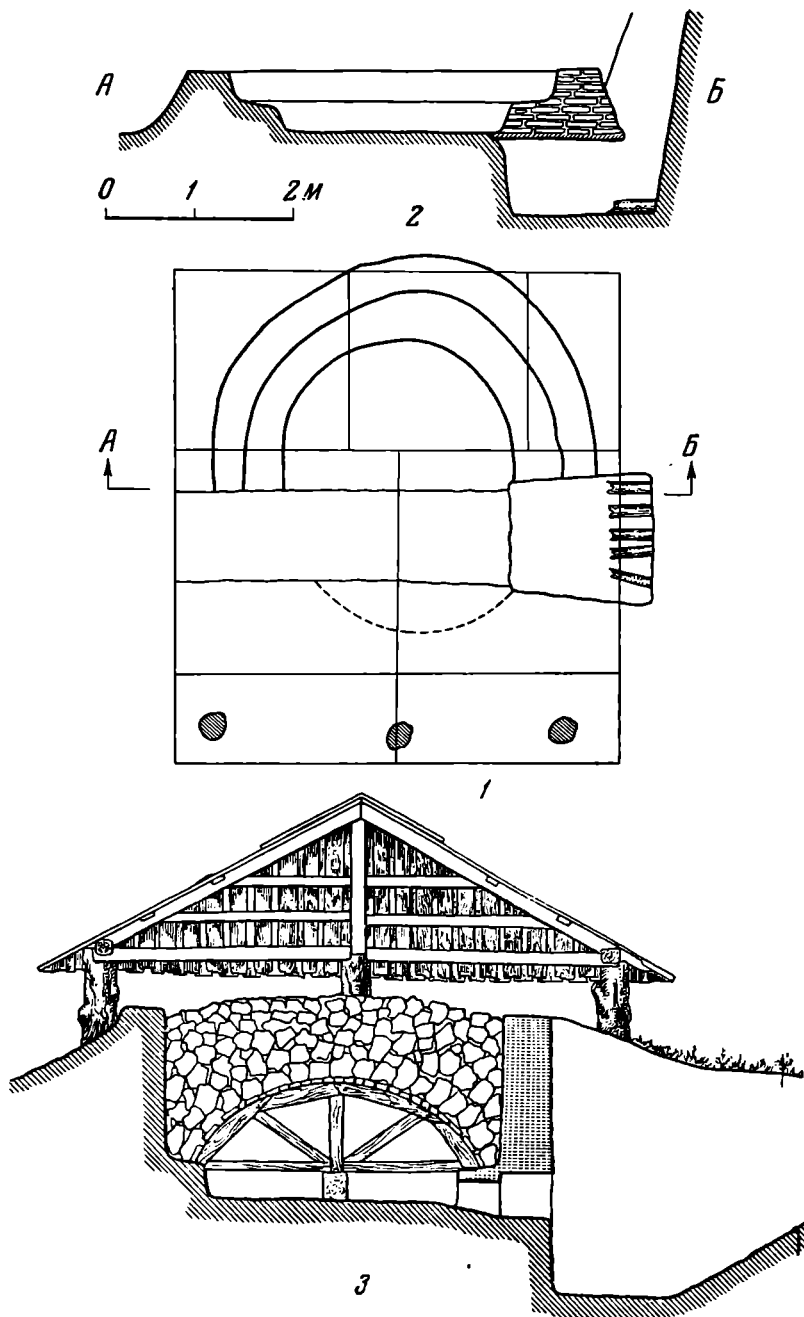

Рис. 17. Печь для выжигания извести.
1 — план; 2 — разрез по АБ; 3 — реконструкция.

к XVII в. В 1666 г. голова московских стрельцов Юрий Лутохин купил в казну известковые печи. Одна из них была в с. Пахrome и принадлежала крестьянам дер. Новлянки, «размером около ее 16 сажень вышиной 16 пядей, а по их де сказке будет из нее 900 бочек...». Другая печь, в дер. Кашино, имела «в окружности 11 сажень, высоту 17 пядей больших», а ее производительность равнялась 300 бочек¹. Таким образом, известковые печи были

¹ Русская историческая библиотека, т. 23, стр. 735, 736.

круглые, 11—16 сажен в окружности. У раскрытой нами печи окружность составляла около 7 сажен.

Изучение остатков печи позволило проследить процесс ее сооружения и реконструировать общий облик.

В материковой глине выкапывался круглый котлован глубиной около 2 м. По внутреннему его периметру выкладывалась стенка из сырцового кирпича толщиной в основании около 0,75 м. С одной из сторон устраивалось отверстие с кирпичной аркой для топки. На высоте около 0,6 м от глиняного пода по внутренней стенке делали обрез, выше которого она утончалась. Часть стены, возвышавшуюся над поверхностью, подсыпали снаружи землей. Со стороны топки выкапывали яму — приямок, к которому вела, по всей вероятности, траншея с понижающимся к топке дном. Дно приямка было на 1,2 м ниже пода и топки для того, чтобы в них не попали грунтовые воды и для удобства наблюдения за огнем. Пол приямка и стены укрепляли бревнами и плахами. На площадке вокруг печи устанавливали толстые бревна-стояки, которые поддерживали стропильную шатровую кровлю, крытую тесом. Лаз в приямок кровлей, видимо, не защищался (рис. 17—3).

Процесс подготовки к обжигу извести происходил следующим образом. На внутренний обрез стены ставили деревянные кружала, сверху на них укладывали легкую опалубку. По ней выводили из белого камня свод. Кладка свода велась всухую — без раствора, поэтому для свода подбирали специальный клинчатый камень. Поверх свода засыпали камень для обжига на известь. В процессе обжига от высокой температуры обжигались и стены печи, сложенные из сырцового кирпича.

Судя по характеру кирпича, плинфяные и известковая печи могут быть отнесены примерно к одному периоду.

В кладке открытых раскопками остатков стен Суздальского собора XI—XII вв.¹ найден кирпич, совершенно тождественный кирпичу печей по размерам, по отпечаткам формы, ладони или пальцев, наплыву глины и следам тонкой веревки. Интересно отметить, что отпечатки пальцев принадлежат преимущественно детям. Судя по следу на поверхности, необожженный кирпич резали шнурком, получая в каждом отдельном случае нужный размер (большое разнообразие размеров кирпича, например, в кладке собора можно объяснить только этим).

Суздальский собор построен «Владимиром Мономахом и блаженным епископом Ефремом» в конце XI—начале XII в.² Отмеченное сходство кирпича позволяет думать, что обнаруженные нами плинфяные и известковая печи, были устроены для нужд этого строительства.

Обломки керамики, найденные в засыпке плинфяной печи, подтверждают дату: все черепки тонкостенные, с дресвой в тесте, украшены линейным узором. Такой тип керамики, по данным всех раскопок в Суздале, характерен для XI—XII вв., типично для этой поры и преобладание среди костных остатков костей свиньи. Отсутствие каких-либо поздних находок в заполнении печи позволяет думать, что она была засыпана сразу же после окончания строительства. Возможно, это был один из приемов консервации печей.

К тому же времени относится и известковая печь. О древности этой печи свидетельствуют находки (в связанном с ней слое) обломков ранней, еще полулепной керамики с толстыми стенками и гончарных тонкостенных сосудов с волнистым и линейным орнаментом, аналогичных керамике из плинфяной печи.

Таким образом, строительное производство в Суздале XI—XII вв. было

¹ Раскопки производились нами совместно с А. Ф. Дубыниным. См. А. Ф. Дубынин и н. Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.). КСИИМК, XI, 1945; А. Д. Варганов. К архитектурной истории Суздальского собора (XI—XVII вв.). КСИИМК, XI, 1945.

² ПСРЛ, т. I, под 1222 г.

поставлено достаточно широко и хорошо организовано. В связи со строительством собора на базе прибрежных глин по р. Каменке работало несколько кирпичеобжигательных печей и сараев. Готовый строительный материал доставлялся к стройке, вероятно, по реке, вниз по течению, на плотках. Обжиг извести производился на месте строительства в специально устроенных печах; в обжиг шли и отходы строительного камня, а также брак, вроде обнаруженной нами болванки — заготовки для полуколонки портала.

Организация подсобных строительных предприятий могла осуществляться лишь на землях строителя. Земли по течению р. Каменки, повидимому, в XI—XII вв. принадлежали князю, затем перешли во владение архиереев, а в XVII в. были отписаны к посаду.

Н. Д. МЕЦ

МОНЕТЫ УДЕЛЬНОГО КНЯЖЕСТВА КАШИНСКОГО

(К истории борьбы за Кашин в период сложения Русского централизованного государства)

Кашинских монет известно сравнительно небольшое количество. Это объясняется и кратковременностью их чеканки, и малой разработанностью вопросов выпуска монет в удельном княжестве Кашинском. Дошедшие до нас монеты относятся к одному из интереснейших периодов русской истории — к 1-й четверти XV в. Это был второй этап истории создания Русского централизованного государства, когда Московское княжество в борьбе за политическое единство русских земель столкнулось лицом к лицу с наиболее крупными феодальными объединениями — Великим Новгородом, княжествами Тверским, Суздальско-Нижегородским, Рязанским.

С одним из этапов борьбы Москвы с Тверью в это время связана история княжества Кашинского. Существенные сведения для ее освещения дает изучение кашинских монет.

По материальным ресурсам Кашинское княжество было сильнейшим уделом Тверской земли. Отстаивая свою независимость, оно обессиливало Тверь, а поэтому находило постоянное участие и поддержку Москвы. В жизни кашинских князей, благодаря их московской ориентации, постоянно наблюдаются сложение крестного целования своему сюзерену — тверскому князю и уход в Москву. Это особенно ярко проявляется при князьях Василии Михайловиче III и Иване Борисовиче, которые, как выясняется, и чеканили монеты в удельном княжестве Кашинском.

Существование монет — медных и серебряных — Василия Михайловича не вызывало у исследователей сомнения, и все приписанные ему монеты действительно кашинские¹ (рис. 18 — 1—4).

Что касается монет Ивана Борисовича, то А. В. Орешников ставил их под сомнение и относил предположительно к княжеству Суздальско-Нижегородскому². Однако находка нескольких монет с именем Ивана Борисовича в кладе, состоявшем почти исключительно из тверских монет (так называемый Тверской клад), заставила А. В. Орешникова изменить взгляд на чекан Ивана Борисовича Кашинского³ и приписать ему ряд монет двух видов. Мо-

¹ А. Д. Чертков. Описание древних русских монет. М., 1834, № 209 и Прибавление 2-е, М., 1838, № 494, табл. XXVI, рис. 8; Ф. Ф. Шуберт. Описание русских монет и медалей, ч. 1, СПб., 1843, № 69.

² А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896.

³ А. В. Орешников. Тверской клад. Материалы к русской нумизматике доцарского периода. Труды Московского нумизматического общества, т. II, вып. 3, М., 1901, стр. 317—340.

неты первого вида имеют на лицевой стороне изображение двух человек с гарпунами (?) в руках, закалывающих какое-то животное. На оборотной стороне помещено то же животное (вправо) в круговой надписи, которая по нескольким экземплярам читается следующим образом: «Печать князя Ивана Борисовича»¹.

На лицевой стороне монет второго вида изображен всадник с соколом (вправо), со змеиной (?) головой под лошадь. На оборотной стороне — четырехстрочная надпись: «Князя Ивана Борисовича». Монеты эти описаны в приложении к настоящей статье под № 5—8 и 14².

Что касается остальных авторов, то кашинские монеты с именем Ивана Борисовича они приписывали или князю волоколамскому, или суздальскому, монеты же суздальского князя Ивана Борисовича — кашинскому. Только Д. П. Сонцев верно определил, что один вид монет Ивана Борисовича принадлежал кашинскому князю; впрочем, они не увеличивают количество типов, так как входят в монеты, описанные А. В. Орешниковым.

Изучение собрания ГИМ дало возможность разобраться, к какому княжеству следует отнести те или иные монеты с именем Ивана Борисовича, а также пополнить список кашинских монет значительным количеством новых типов.

Из ранее известных к чекану Кашинского княжества следует отнести монеты с изображением всадника, поражающего змия, на одной стороне и с четырехстрочной надписью «Печать князя Ивана Борисовича» — на другой (приложение, № 10—13). До А. В. Орешникова все нумизматы монеты этого типа приписывали князю волоколамскому (А. Д. Чертков, С. де Шодуар, Д. П. Сонцев). А. В. Орешников опровергает это мнение, основываясь на том, что во время правления Ивана Борисовича Волоколамского в уделах монеты не чеканились, и относит их к княжеству Суздальско-Нижегородскому³. Такому определению следует и А. А. Ильин⁴. Отнести же монеты к княжеству Кашинскому А. В. Орешников не решился, так как, кроме установленного факта существования чекана Ивана Борисовича Кашинского, других аргументов у него не было. А. А. Ильин, создавая почти полвека спустя после опубликования труда А. В. Орешникова свою «Классификацию русских удельных монет», приписал монеты Суздальско-Нижегородскому княжеству, так же как и монету, которая найдена в Тверском кладе и определена А. В. Орешниковым как кашинская⁵.

Благодаря применению советской нумизматической наукой новых методов изучения монет мы можем теперь в некоторых случаях внести ясность в вопросы, которые не были решены нашими предшественниками.

Один из методов систематизации монет, использованный в настоящей работе, основан на особенностях техники чеканки древнерусских монет.

¹ Обратная сторона монеты, опубликованной А. В. Орешниковым в «Тверском кладе» под номером IV (стр. 336, рис. 4), описана неверно. Он считает, что изображены животное и два человека с гарпунами, так же как на других издававшихся им монетах. В действительности на этой монете, судя по монетам того же типа, хранящимся в ГИМ, изображен только один человек. В одной руке он держит меч или саблю, в другой — топор, т. е. то самое оружие, которое мы встречаем на множестве монет конца XIV в. — 1-й четверти XV в. Сочетание этого вооружения с изображением животного дает нам возможность устранить толкование А. К. Марковым изображения человека с секирой и саблей только как изображения палача, устрашающего фальшивомонетчиков (А. К. Марков. О некоторых типах русских монет XIV и XV вв. Зап. Нумизматического отд. РАО, т. I, вып. 4, СПб., 1910.)

² Далее везде, где не оговорено, ссылаюсь на номера описания кашинских монет в приложении к настоящей статье на стр. 64—67. Этим же номерам соответствует нумерация изображений монет на рис. 18.

³ А. В. Орешников. Русские монеты. . . , стр. 189, примечание к № 880.

⁴ А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет. Л., 1940, табл. VII, № 25, 26; табл. VIII, № 1.

⁵ А. В. Орешников. Тверской клад, табл. II, рис. 63.

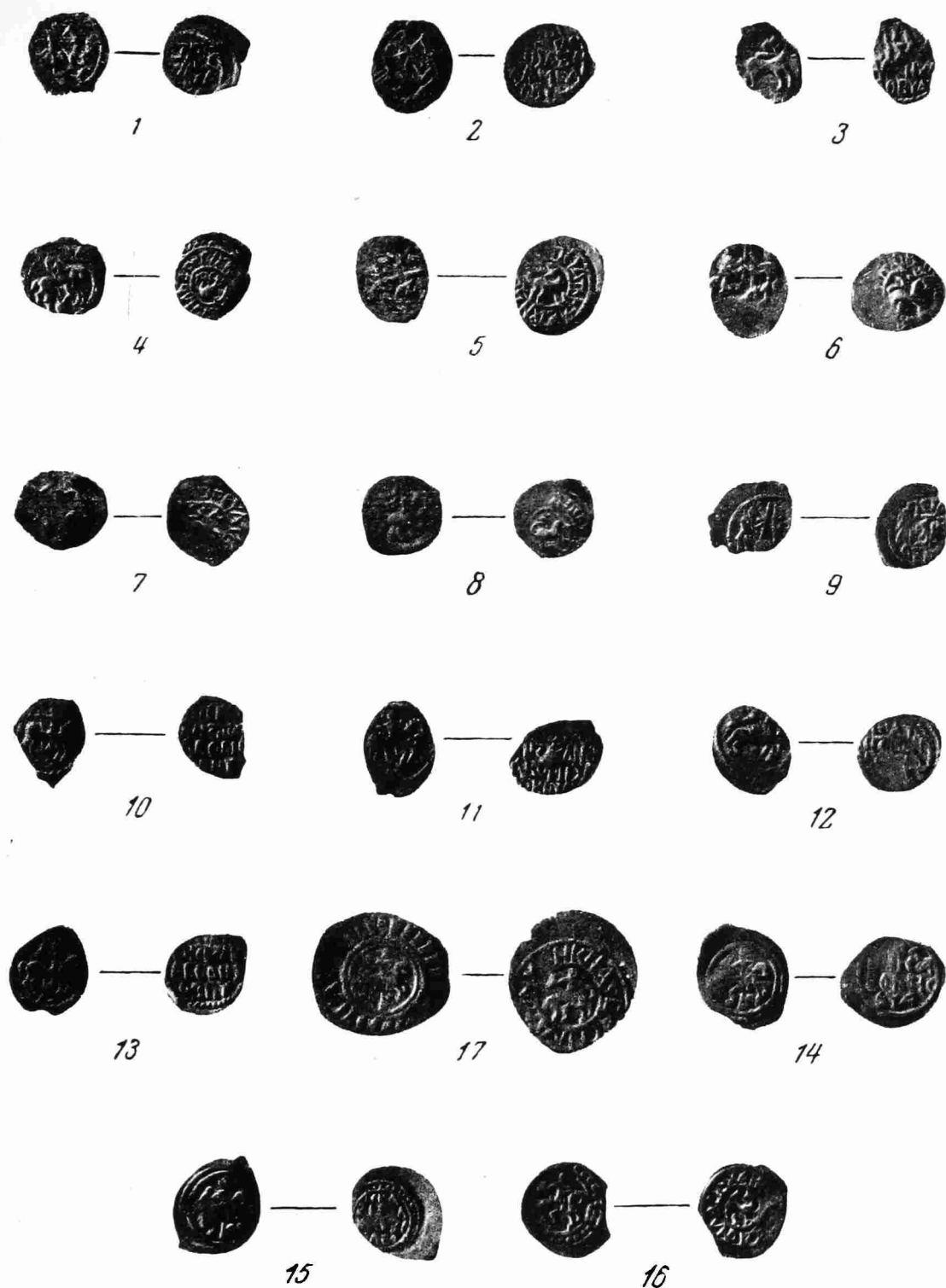

Рис. 18. Монеты удельного княжества Кашинского.

1—4 — кн. Василия Михайловича III (до 1412 г.); 5—14 — кн. Ивана Борисовича (1412—1425 гг.);
 15 — кн. Ивана Борисовича, чеканенная от имени вел. кн. московского Василия II; 16, 17 — кн. Василия
 Михайловича III (1425—1426 гг.).

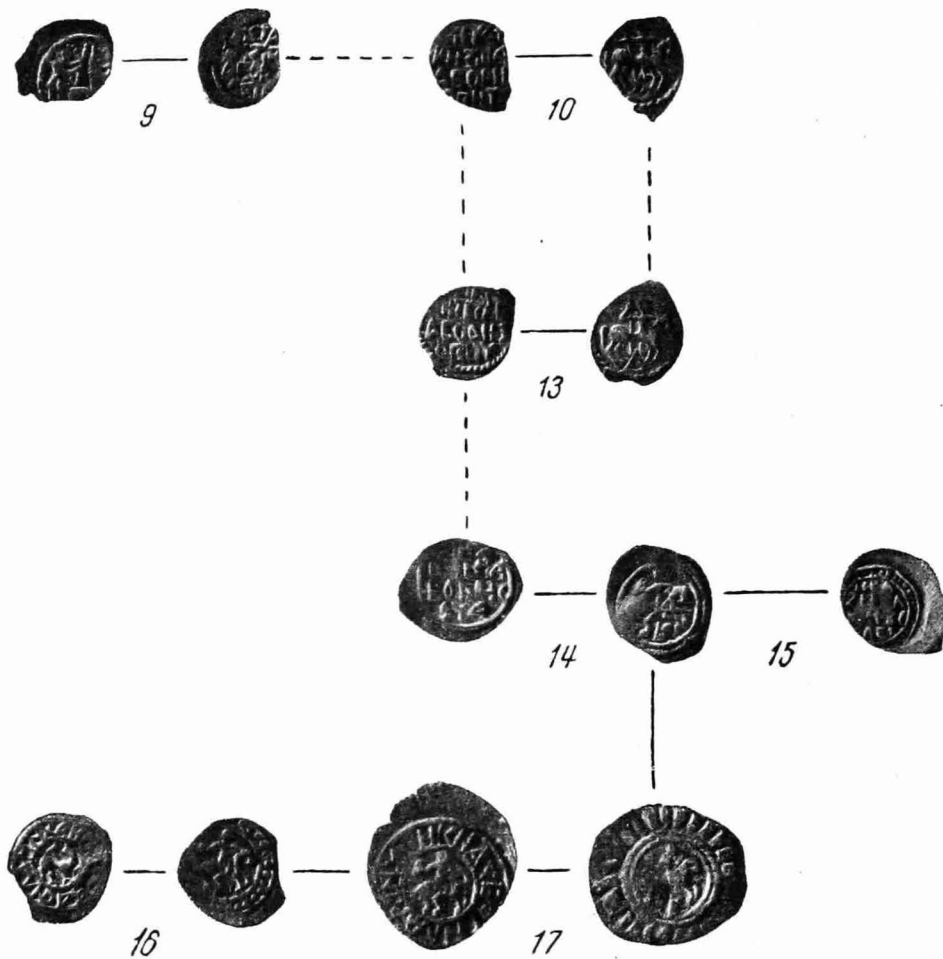

Рис. 19. Схема соотношения штемпелей монет удельного княжества
Кашинского (пунктиром соединены сходные штемпеля).

Вопросами древнерусской чеканки занимались многие исследователи. Наиболее верно и полно они разработаны С. И. Чижевым¹ и И. Г. Спасским². В результате этих исследований, наряду с другими положениями, было выяснено, что монеты чеканились на заранее приготовленных кусочках проволоки при помощи двух чеканов. Выход из строя одного штемпеля не приводил к замене второго; последний оставался в работе и участвовал в создании нового типа монеты, у которой одна сторона чеканилась старым штемпелем, а другая — новым, поставленным на место выбывшего.

Таким образом, возникала группа «родственных монетных типов, объединенных тем, что в их создании участвовал один и тот же штемпель»³. Выявление связей внутри каждой группы и между группами «вскрывает своего рода цепи разновременных явлений, соответствующих тому или иному отрезку времени»⁴. «Предметом систематизации становятся не монеты сами по себе, а представляемые ими штемпеля»⁵. При этом следует отметить, что штемпель изготовлялся часто при помощи маточника. На нем вырезалось выпуклое и прямое изображение, которое оттискивалось на штемпель, где изображение, следовательно, было вдавленным и обратным. При помощи маточника можно было изготовить несколько штемпелей. Штемпеля могли подправляться резцом и давать частичные отклонения рисунка (ободки, точки и т. п.), оставаясь производными от одного маточника, что следует учитывать при выделении из общей массы монет отдельных типов.

Маточник применялся не весь период монетной чеканки допетровского времени. И. Г. Спасский относит его появление к XVI в. На основании исследования монет Василия II⁶ удалось установить, что первые монеты, несущие на себе следы изготовления штемпеля при помощи маточника, появились в 1425 г., став одной из технических основ денежной реформы, проведенной в начале правления Василия Темного. Следует оговориться, что в это время маточник еще не вытеснил целиком производство штемпелей без его посредства, как это наблюдается И. Г. Спасским для XVI—XVII вв.

Для выражения соотношения штемпелей принят графический метод. Монета как бы расслаивается на лицевую и оборотную стороны; их помещают на бумагу и соединяют линией. Если другая монета имеет одинаковую с предыдущей лицевую сторону, то на бумагу достаточно поместить изображение только ее оборотной стороны и соединить ее линией с лицевой стороной первой монеты. Третья, четвертая и пятая монеты могут, наоборот, иметь только оборотную сторону, общую с первой; тогда на бумагу помещают их лицевые стороны и соединяют чертой уже с оборотной стороной первой монеты и т. д.

Метод изучения монет по соотношению штемпелей и новые типы монет, хранящиеся в ГИМ и ранее не известные нумизматам, позволяют вновь поставить вопрос о принадлежности монет, изданных А. А. Ильиным среди суздальско-нижегородских, княжеству Кашинскому. Прежде всего следует указать, что ни на одной из известных суздальско-нижегородских монет, одновременно рассматриваемым, слово «печать» в титуле (как на № 10—13) не встречено. Это выделяет монеты, о которых идет речь, среди прочих суздальско-нижегородских, но сближает с тверскими. Стиль изображения также отличается от стиля прочих суздальско-нижегородских монет. В свое время А. В. Орешников принужден был отметить: «Мы не имеем подтверждений

¹ С. И. Чижев. К истории денежного производства на Руси за царский период. Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой, М., 1916, стр. 24—46.

² И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве в 1533 г. по 1617 г. МИА, № 44, 1955.

³ И. Г. Спасский. Анализ технических данных в нумизматике. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 70.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 71.

⁶ Н. Д. Мец. Монеты великого княжества Московского середины XV в. Кандидатская диссертация, М., 1955.

находками монет Ивана Борисовича Кашинского о существовании его монет, поэтому этот тип денег, довольно, впрочем отличающийся от последующих (суздальско-нижегородских. — Н. М.), отношу предположительно к монетам суздальско-нижегородским»¹. Цитируемый автор не поясняет, в чем заключается разница, — в сюжете ли изображения или в стиле. Думается, что имелся в виду стиль.

Отличия стиля особенно ясны в начертании букв и расположении титулатуры оборотной стороны. Сравнение же разбираемых монет с кашинскими позволяет выявить их общность. Особенно убеждает в этом одна из монет собрания ГИМ. На ее лицевой стороне — изображение двух человек с гарпунами (?) и животное под ними, т. е. изображение, типичное для кашинских монет (приложение, № 6—8)². На оборотной стороне вместо традиционного для этого типа изображения четвероногого в круговой надписи помещена только четырехстрочная надпись: «Печать князя Ивана Борисовича» (приложение № 9), при сравнении которой с надписью на монетах разбираемого типа (№ 10—13) обнаруживается поразительное сходство. Трудно даже сразу понять различие штемпелей оборотных сторон обоих типов. Таким образом, устанавливается связь интересующих нас монет с монетами Ивана Борисовича Кашинского (рис. 19).

Но это не все. Обратная сторона одной из монет этой группы (№ 13) служит прототипом монеты этого же князя (№ 14), которая была отнесена А. В. Орешниковым к Кашинскому княжеству³. На первой из них буквы «I» и «B» в слове «Ивана» вышли слитно, что послужило причиной появления «ВАНА» вместо «ИВАНА» на второй, связанной в свою очередь штемпелем лицевой стороны с монетами кашинского князя Василия Михайловича, т. е. еще с одной группой доподлинно кашинских монет. Следует отметить и такую деталь: на разбираемых монетах имеется жгутовый, или веревочный, как его некоторые называют, ободок, характерный для кашинских монет и не встречающийся на суздальско-нижегородских, что лишний раз подтверждает принадлежность этой группы монет (№ 10—13) к чекану Кашинского княжества.

Другая группа кашинских монет (приложение, № 14—17) представляется нам наиболее интересной. Формальным признаком, связывающим их, служит отсутствие в титуле слова «печать», характерного для прочих кашинских и вообще тверских монет. Но есть и более веские признаки — стиль изображения и общность штемпеля лицевых сторон, которым чеканены монеты (№ 14, 15 и 17 — кашинский пул с именем Василия Михайловича). Это уже опровергает мнение А. А. Ильина, приписавшего одну из них (№ 14) с именем Ивана Борисовича на оборотной стороне чекану Суздальско-Нижегородского княжества⁴, вопреки мнению А. В. Орешникова, определившего эту монету как кашинскую⁵.

Монеты этой группы (№ 16 и 17), принадлежащие кашинскому князю Василию Михайловичу III, о чем свидетельствует надпись на них, не имеют ничего общего с прочими монетами, приписываемыми этому князю. На одной из них (№ 16) оборотная сторона с изображением четвероногого в групповой надписи скорее напоминает по сюжету и расположению рисунка монеты Ивана Борисовича, на которых тоже обычно помещалось изображение четвероногого в круговой надписи (приложение, № 5—8).

Отличительные черты другой группы монет (приложение, № 1—4), по сравнению с указанными выше (№ 16, 17), в данном случае могут быть

¹ А. В. Орешников. Русские монеты. . . , стр. 189.

² См. А. В. Орешников. Тверской клад, стр. 336, номер I, рис. 1; стр. 337, номер III, рис. 3; стр. 336, номер II, рис. 2.

³ А. В. Орешников. Тверской клад, стр. 335, № 60, табл. II, рис. 63.

⁴ А. А. Ильин. Указ. соч., табл. VII, № 23.

⁵ А. В. Орешников. Тверской клад, стр. 335, № 60, табл. II, рис. 63.

объяснены или принадлежностью чекана другому князю с именем Василия Михайловича, или хронологическим разрывом между выпуском разных групп монет. Возможность приписать монеты № 1—4 второму или первому кашинским князьям с этим именем и отчеством (до сих пор шла речь о Василии Михайловиче III) должна быть отклонена, так как в удельном княжестве Кашинском монеты, безусловно, не могли чеканиться ранее, чем в Твери. Первые известные монеты в Тверском княжестве чеканил Иван Михайлович, вступивший на великое княжение тверское в 1399 г., т. е. одновременно с Василием Михайловичем III. В 1-й половине XV в. других князей и в других княжествах с этим именем не было. Следовательно, монеты чеканились в разное время Василием Михайловичем III. Такой хронологический разрыв находит подтверждение в письменных источниках, стражающих историю его княжения¹.

Кашинский стол достался Василию Михайловичу по завещанию великого князя тверского Михаила Александровича. В 1399 г. он отдал Кашин и Коснятин сыну Василию и племяннику Ивану Борисовичу, причем, по мнению А. В. Экземплярского, волости удела были поделены так, что Кашин занимал Василий Михайлович. По занятии великого княжения Иван Михайлович начал сразу же теснить своего брата Василия. Сначала (1401 г.) отобрал у него в пользу Ивана Борисовича части удела, а в 1403 г. овладел самим Кашинским, после чего Василий Михайлович бежал в Москву. Московский князь восстановил мир, но через два года, в 1405 г., Василий Михайлович, приехавший зачем-то в Тверь, был схвачен и вместе со своими боярами посажен под стражу. Однако братья вновь примирились. Через несколько месяцев Василий Михайлович, «не хотя сам себя вдати в напасть», опять бежал в Москву. В 1406 г. он возвратился, и до 1412 г. мир между братьями ничем не нарушался. Правда, в 1408 г. можно предположить новое несогласие, в результате которого Иван Борисович бежал в Москву от преследований, а с Василием Михайловичем великий князь примирился.

В 1412 г. между братьями опять произошло «нелюбие велие». Тверской князь должен был ехать в Орду. Перед отъездом он приказал схватить Василия Михайловича с женой, боярами и слугами и отправить арестованных в Новый Горсдок. Дорогой князю удалось бежать в Москву. Вместо него в Кашине водворяется Иван Борисович, о чем свидетельствует следующее.

Позже Василий Михайлович поехал с московским и тверским князьями в Орду, а по возвращении оттуда осадил с татарами Кашин, который успешно защищал Иван Борисович. Василий не взял города и опять ушел в Орду. Вновь о нем находим упоминание уже в 1425 г.: Иван Михайлович перед смертью призвал брата к себе и передал ему Кашин². Этот поступок на фоне многолетней борьбы братьев кажется довольно неожиданным. К его объяснению мы еще вернемся.

Долго княжить Василию Михайловичу не пришлось. В 1426 г. на великое княжество Тверское вступил Борис Александрович. Укрепление княжеской власти в Твери немедленно сказалось и на Кашинском уделе. В 1426 г. Василий Михайлович был посажен под стражу, а Кашин вошел в состав великого княжества Тверского как одна из его волостей. С этого времени Василий Михайлович исчез со страниц летописи. Таким образом, мы видим, что Василий Михайлович княжил в Кашине в течение двух периодов: с 1399 г. по 1412 г. с незначительными перерывами и с 1425 г. по 1426 г. В промежутке с 1412 г. по 1425 г. следует предположить княжение Ивана Борисовича и монеты, чеканенные им, отнести к этому же времени. Начальный этап его

¹ Ссылки на источники см. А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси, т. II, СПб., 1891 (под соответствующими биографиями).

² Новгородская IV летопись под 1425 г.; А. В. Экземплярский. Указ. соч., стр. 535.

княжения сомнений не вызывает (вспомним отпор, данный Иваном Борисовичем в 1412 г. Василию Михайловичу), продолжительность же его до 1425 г. находит подтверждение в монетах.

К первому периоду княжения Василия Михайловича мы относим одну группу монет с его именем (№ 1—4)¹, ко второму — другую (№ 16, 17), и вот на каком основании.

Вторая группа монет (№ 16, 17) связана стилистически и штемпелем с выпусками Ивана Борисовича и с монетами великого князя московского Василия Темного (через № 15). Связь с монетами Василия Темного основывается мною на общности стиля изображения всадника с соколом. Всадник с соколом, выполненный в таком стиле, как нам удалось установить при изучении монет этого князя, появляется только в начале его правления.

На основании установленной обоюдной связи монет Ивана Борисовича и Василия Темного можно сделать вывод, что монеты второй группы (№ 16, 17) должны быть чеканены после княжения Ивана Борисовича, во времена Василия Темного, чему соответствует второй период княжения Василия Михайловича в 1425—1426 гг. Тесная связь с монетами Ивана Борисовича в свою очередь указывает на то, что его чекан продолжался вплоть до появления монет Василия Михайловича второго периода, т. е. до 1425 г. Тем самым устанавливаются года княжения в Кашине Ивана Борисовича: с 1412 г. по 1425 г.

Остается выяснить принадлежность еще одной монеты (№ 15). Дело в том, что на оборотной ее стороне — надпись: «Князь в е л и к и й Василий». Василий Михайлович никогда великим князем не был², описку в титулатуре трудно допустить. Как только что говорилось, монета эта связана стилем изображения с монетами Василия II. Лицевая же сторона ее, чеканенная одним штемпелем с монетами Ивана Борисовича Кашинского (№ 14) и Василия Михайловича (№ 17), указывает на чеканку ее в Кашине. Об этом же свидетельствует написание слов; пропуск буквы «а» в слове «Василий» встречается еще раз на кашинских монетах (приложение, № 1). Титулатура, стиль изображения и отсутствие тождественных штемпелей в московском чекане дают возможность отнести монету (№ 15) к числу так называемых монет великого князя московского Василия II, чеканенных в данном случае для княжества Кашинского. Чеканка одним штемпелем с доподлинно кашинскими монетами указывает на то, что эта монета выпущена в Кашине, а не в Москве, как обычно считали.

Такое определение находит прямое подтверждение и основание в политике кашинских князей, в развитии всей истории княжества.

Кашинское княжество занимает особое место в истории создания Русского централизованного государства. Входя в состав Тверской земли и являясь уделом Тверского княжества, Кашин всей своей политикой не только противостоял Тверскому княжеству, как каждый удел, но тяготел всеми своими интересами и помыслами к Москве. История княжества Кашинского пока-

¹ О разделении монет Василия Михайловича на две различные хронологические группы можно судить и по палеографии. Написание букв на монетах № 1—4 явно архаичнее, чем на монетах № 15—17. Вызывает только сомнение изображение человека с луком, особенно характерное для монет Бориса Александровича.

² Правда, В. С. Борзаковский приводит отрывок из Никоновской летописи, по которому, как ему кажется, можно предположить, что Василий Михайлович сел в Кашине великим князем: «И сяде по нем (Ив. Мих.) на в. княжении Тверском сын его кн. Александр месяца мая в 1 день. А в Кашине дядя его кн. Василий Михайлович». «Здесь, — заключает В. С. Борзаковский, — во второй фразе опущен глагол, но кажется должно понимать так, что теперь сел на в. княжении (курсив В. С. Борзаковского) в Кашине Василий». См. В. С. Борзаковский. История Тверского княжества. СПб., 1876, стр. 119, 120, примечание 905). Возможно, такое толкование и имеет под собой почву. Что касается монеты, то стиль написания титулатуры оборотной стороны, а тем более вес монеты (о чем см. ниже) не дают возможности отнести ее к чекану Василия Михайловича.

зывает, что оно при всех ситуациях придерживалось московской ориентации и было как бы «агентом Москвы» по отношению к тверскому князю.

Ранняя заинтересованность московского правительства в кашинской территории находилась в связи с продвижением на север, с экономической заинтересованностью Москвы в северных областях.

В XIV в. Москва проникла в Заволочье, которое находилось до этого в почти нераздельном владении Новгорода. Овладение путями, которыми можно было проникнуть на север, «было одним из условий расцвета московской торговли XIV—XV вв.», — отмечает В. Е. Сыроечковский¹. Один из основных путей на север шел через Дмитров². Следующим пунктом был Углич. От Дмитрова до Углича шел водный путь; главным звеном его была Дубенская речная система, важность которой отмечена Герберштейном. «Мимо него (Дмитрова), — пишет он, — протекает р. Яхрома, которая впадает в р. Сестру. Затем Сестру принимает Дубна, которая изливается в Волгу. Благодаря такому великому удобству рек тамошние купцы имеют великие богатства, так как они без особого труда ввозят из Каспийского моря по Волге товары по различным направлениям и даже в самую Москву»³.

Владелец Дмитрова и устья Дубны держал под своим контролем верхнее течение Волги. Но часть пути от Дмитрова до Углича проходила по территории Тверского княжества, по тем землям, которые должны были входить в состав княжества Кашинского⁴; на его же территории находилось и устье Дубны, чем и объясняется заинтересованность Московского княжества в кашинских землях.

Наиболее знаменательным событием, важным для оценки взаимоотношений Москвы, Твери и Кашина, является поход Дмитрия Ивановича Донского на Тверь в 1475 г. «со всеми князи русскими»⁵. В числе их выступил и князь кашинский Василий Михайлович II. В результате похода был заключен договор, очень невыгодный для тверского князя. «А в Кашин им (Михаилу Александровичу Тверскому. — Н. М.) ся не вступати, — читаем мы в нем, — и что потягло к Кашину, ведает то вотчич князь Василей; ни выходом не надобе тебе ко Тфери Кашину тянути; а его ти не обидети; а имешь его обидети, мне (московскому князю. — Н. М.) его от тебе боронити»⁶. Формально Кашинское княжество по этому договору получало независимость, фактически же попадало в непосредственное ведение Москвы, с чем, конечно, Тверь не могла смириться.

Борьба за Кашинское княжество продолжалась и в дальнейшем, при Василии Дмитриевиче. Особенно много доставил неприятностей великому князю тверскому уже известный нам Василий Михайлович III. Возвращение его на кашинский стол в 1425 г., после изгнания в 1412 г. и спокойного княжения все эти 13 лет Ивана Борисовича, находит объяснение в монетах Ивана Борисовича, чеканенных с именем великого князя московского Василия Васильевича Темного.

В 1425 г. Василий Темный начинает денежную реформу, которая устанавливает государственный контроль над чеканкой, вводит единообразный вид и вес монет. Реформа эта распространялась на чекан не только в самом княжестве Московском, но и в удельных княжествах, что следует рассматривать как наступление московского правительства на иммунитетные права удельных князей в области монетного сеньориализма. Выражалось это в требовании

¹ В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, стр. 11, 12.

² М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 110, 111.

³ Сигизмунд Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 122.

⁴ В. С. Борзаковский. Указ. соч., стр. 26, 55 примечание 246; Н. Н. Овсянников. О новгородском и тверском рубеже в связи с направлением новгородских путей. Тверь, 1903, стр. 17; А. Д. Иноземцев. Удельные князья кашинские. М., 1874, стр. 20, примечание 46.

⁵ ПСРЛ, т. XI, стр. 22.

⁶ СГГид, т. I, стр. 46—49, № 28.

московского правительства чеканить монету не только типа и веса, сходного с московским, но помещать на удельных монетах имя великого князя московского¹. «А печати быти князей великих»² — особо подчеркиваемое условие ряда договоров московского правительства, направленное на ограничение прав другой договаривающейся стороны.

Последние монеты, чеканенные Иваном Борисовичем, несут на себе изображение всадника с соколом типа, установленной реформой Василия Васильевича Темного, проведенной в 1425 г.

Очевидно, Иван Борисович перешел на сторону Москвы, в результате чего и появились монеты московского типа с именем Василия Темного в знак вассальной зависимости Кашина от Москвы. Этим объясняются немилость великого князя тверского к Ивану Борисовичу и призыв на кашинское княжение Василия Михайловича.

Денежная реформа в Москве проведена при Василии II, вступившем на престол в феврале 1425 г. Иван Михайлович Тверской умер 22 мая 1425 г. Отсюда вытекает дата появления кашинских монет московского типа: не ранее февраля 1425 г. и не позднее мая.

Великий князь московский требовал чеканить монету со своим именем не только в целях политической демонстрации, но и по экономическим соображениям. Монета служила одним из факторов, с помощью которого присоединенное княжество пытались втянуть в орбиту московской экономики. Вес рассматриваемой монеты (№ 15) — 0,73 г, т. е. чеканена она по московской монетной стопе, в московский вес, тогда как вес прочих кашинских монет явно тяготеет к тверскому чекану. Само собой разумеется, что успех такого мероприятия зависел от наличия действительных экономических связей Кашина с великим княжеством Московским. Вес кашинских монет в среднем ниже веса тверских. Уменьшение веса в чекане удела вполне обычно, если же учесть плохую сохранность кашинских монет, то разница получится минимальная. Хорошие более поздние экземпляры имеют вес, соответствующий весу тверских монет этого периода (например, № 11—15). В дальнейшем Кашин чеканил монеты в свои прежние весовые нормы, близкие тверским, а не московским, а потом и вовсе начал пользоваться одной тверской монетой.

С захватом Кашина Борисом Александровичем прекратилась чеканка серебряных монет. Известны кашинские³ пулы, чеканенные от его имени и свидетельствующие о подчинении Кашина Твери, подобно тому как московская монета являлась знаком зависимости Кашина от Москвы. Относительно прочих кашинских пулов можно будет определенно судить только при изучении всех тверских монет — и серебряных, и медных. Вообще пулы еще не исследованы. Мы пока можем только предположить, что кашинские пулы, очевидно, следует распределить путем сравнения рисунков на них и на серебряных монетах. Пулы с птичкой принадлежат Василию Михайловичу в первый период⁴, со зверьком — Ивану Борисовичу⁵. Пулы со всадником на одной стороне и воином с мечом и щитом — на другой, возможно, чеканил Борис Александрович⁶, так как изображение воина не встречается на серебряных кашинских монетах, а пулы чеканились зачастую теми же штемпелями, что и серебряные монеты, не говоря уже о том, что они имели те же изображения. В этом отношении интересны некоторые кашинские пулы

¹ О денежном обращении при Василии II см. в кандидатской диссертации автора настоящей статьи «Монеты великого княжества Московского середины XV в.», М., 1955.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, примечание 361; Акты Археографической экспедиции, I, № 58; СГГД, т. I, № 20.

³ А. В. Орешников. Русские монеты..., № 413, рис. 283, 284.

⁴ Там же, № 416—418, рис. № 287—289.

⁵ Там же, № 414, 415, рис. 285, 287.

⁶ Там же, № 412, рис. 282.

(приложение, № 17). Они относятся ко второму периоду правления Василия Михайловича, так как центральная часть рисунка на одной стороне чеканена штемпелем лицевой стороны кашинских монет (№ 14 и 15), а центральная часть рисунка на другой — штемпелем лицевой стороны другой, также кашинской монеты (№ 16). В первом случае вокруг изображения добавлен круг из змеиных голов, во втором — круговая надпись. При этом центральные части рисунков вышли значительно слабее, чем окружающие их добавления, резанные, очевидно, уже из расчета на медную монету.

Прекращение существования Кашинского княжества и захват его вновь Тверью следует связать с началом феодальной войны, из-за которой московское правительство, направившее все свои силы и внимание на нее, утратило ряд крупных приобретений предшествующего периода, как, например, Суздальско-Нижегородское княжество, а также Кашин. Но феодальная война не могла повернуть вспять начавшийся закономерный исторический процесс объединения русских земель; она только несколько задержала его. То, что было завоевано уже в 1-й четверти XV в., пришлось вновь завоевывать в конце века. В 1486 г. вместе с Тверью Кашин был присоединен к Москве окончательно.

В заключение подчеркнем, что изучение монет дало возможность не только проследить и сопоставить известные события с монетным чеканом, но уточнить в данном случае историю Кашина и обстоятельства борьбы за него, не отраженные в других письменных источниках. Монета становится тем ценным документом, иногда единственным, который помогает также вскрыть некоторые обстоятельства в области политических и экономических мероприятий московского правительства в процессе образования централизованного государства.

Описание монет удельного княжества Кашинского *

№ по пор.	Лицевая сторона		Изо-бра-жение	Оборотная сторона		Вес, со-хранность, количество экземпляров	Литература	Примечание
	№	описание		№	описание			
Князь Василий Михайлович III (1399—1412 гг.)								
1	1	Человек (вправо), стреляющий из лука в птицу, сидящую на дереве. Вокруг — жгутовый ободок	Рис. 18—1	1	Четырехстрочная надпись в жгутовом ободке: пѹтъ кнѡзавс ламнха ловѹа Имеются варианты	0,48 0,43— 2 экз.	—	—
2	2	Подобна предыдущей, но чекан с дефектом	Рис. 18—2	2	Подобна предыдущей, чекан испорчен, как на лицевой стороне	0,56 (низко-пробная) 1 экз.	Чертков. Прибавление 2-е. № 494, табл. XXVI, рис. 8	—
3	3	Всадник (вправо), поражающий копьем извивающегося под лошадью дракона. Вокруг — жгутовый ободок	Рис. 18—4	3	Летающая птица, (влево). В линейном ободке — надпись: пѹтъ кнѡзавс ламнха ловѹа Вариант: МН в надписи отсутствуют	0,64 0,47 (2) 0,45 0,43 (3) 0,42 0,40 0,37V	Орешников. Тверской клад, № 59, рис. 62	Монета встречена среди монет Ивана Борисовича и поздних Василия Михайловича, поэтому, может быть, ее следует отнести ко 2-му периоду княжения Василия
4	4	Всадник (вправо; кентавр?); в руках — меч	Рис. 18—3	4	Четырехстрочная надпись в жгутовом ободке (сходна с № 1): пѹ... нѡл... ламнха ловѹа	10 экз. 0,27 1 экз.	—	—

* В описании приведены только серебряные монеты (за исключением № 17).

Условные обозначения: тире (—) — монета плохой сохранности; знак V — монета обломана. В описании использована следующая литература: А. Д. Чертков. Описание древних русских монет, прибавление 2-е, М., 1838 (далее сокращенно: Чертков. Прибавление 2-е); А. В. Орешников. Тверской клад. Материалы к русской нумизматике до царского периода. Труды Московского нумизматического общества, т. II, вып. 3, М., 1901, стр. 317—340 (далее сокращенно: Орешников. Тверской клад); А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г., М., 1896 (далее сокращенно: Орешников. Русские монеты...).

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

5 Краткие сообщения ИИМК, вып. 65

Лицевая сторона		Изображение	Оборотная сторона		Вес, сохранность, количество экземпляров	Литература	Примечание	
№	описание		№	описание				
Князь Иван Борисович (1412—1425 гг.)								
5	5	Человек (вправо) с топором (секирою) и мечом в руках; у ног (вправо) — четвероногое. Вокруг — точечный ободок	Рис. 18—5	5	Четвероногое (вправо), подобное изображенному на лицевой стороне; голова обращена назад. Вокруг в жгутовом и линейном ободках — надпись: КНЯЗЬ ИВАНЪ БОРИСОВИЧЪ...	0,47 0,43 0,35— 0,29V 4 экз.	Орешников. Тверской клад, стр. 336, номер IV, рис. 4	Лицевая сторона А. В. Орешниковым описана неверно
6	6	Два человека (лицом друг к другу) с гарпунами или копьями в руках; острия их направлены на животное, помещенное под ними	Рис. 18—6	6	Четвероногое с дугой и точкой над головой (вправо). Вокруг, в бусовых ободках, — надпись: КНЯЗЬ ИВАНЪ БОРИСОВИЧЪ	0,45 0,43— 0,27 (2) 4 экз.	Орешников. Тверской клад, стр. 336, № 1, рис. 1	—
7	6	То же	Рис. 18—7	7	Изображение, сходное с № 6, но рисунок несколько иной	0,42 0,41 2 экз.	Орешников. Тверской клад, стр. 337, номер III, рис. 3	—
8	6	То же	Рис. 18—8	8	Сходна с предыдущей, но рисунок мельче	0,37— 0,35— 2 экз.	Орешников. Тверской клад, стр. 336, номер II, рис. 2	—
9	9	Сходна с № 6, но рисунок мельче. Линейный ободок	Рис. 18—9	9	Четырехстрочная надпись в линейном ободке: КНЯЗЬ ИВАНЪ БОРИСОВИЧЪ	0,35V 1 экз.		
10	10	Всадник (вправо) поражает копьем дракона. Вокруг — жгутовый ободок	Рис. 18—10	10	Четырехстрочная надпись в жгутовом ободке: КНЯЗЬ ИВАНЪ БОРИСОВИЧЪ	0,49V 0,47 0,43 0,40 4 экз.	Орешников. Русские монеты..., № 880, рис. 755 (среди суздальско-нижегородских)	—

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ по пор.	Лицевая сторона		Изображение	Оборотная сторона		Вес, сохранность, количество экземпляров	Литература	Примечание
	№	описание		№	описание			
11	11	Сходна с предыдущей; рисунок несколько иной	Рис. 18—77	11	Четырехстрочная надпись в жгутовом ободке: <div style="text-align: center;"> <p>• ПЕУАТ КИЗІВАН АБОРН ОВНУА</p> </div> Вариант надписи: <div style="text-align: center;"> <p>... АІВ... НАБОРН...</p> </div>	0,55 1 экз.	Ильин. Классификация..., табл. VII, № 26 (?) **	—
12	12	Сходна с № 10 и 11, но рисунок несколько иной	Рис. 18—72	12	Четырехстрочная надпись в жгутовом ободке: <div style="text-align: center;"> <p>ПЕУАТ .. КИЗІВАН АБОРН ...УА</p> </div>	0,50 0,33 2 экз.	—	—
13	13	Сходна с № 10—12, но рисунок несколько иной	Рис. 18—73	13	Четырехстрочная надпись в жгутовом ободке: <div style="text-align: center;"> <p>ПЕУАТ КИЗІВАН АБОРН ОВНУ</p> </div>	0,53 0,49 2 экз.	—	—
14	14	Всадник с соколом (вправо); под конем — голова змеи (?) с открытой пастью (влево). Вокруг — линейный ободок	Рис. 18—74	14	Четырехстрочная надпись в линейных ободках: <div style="text-align: center;"> <p>КИЗ ВАНА БОРН ОУА</p> </div>	0,63(2) 0,54 3 экз.	Орешников. Тверской клад, № 60, табл. II, рис. 63	—
15	14	То же	Рис. 18—75	15	Четырехстрочная надпись в ободках из точек и в двухлинейных: <div style="text-align: center;"> <p>КНА ЗЬВА МІС.В ІВІ</p> </div>	0,73 1 экз.	—	—

** Издана ли эта монета А. А. Ильиным — судить трудно. Приведенная в тексте надпись несколько не сходится с надписью на монете № 11. Происходит ли это от описки А. А. Ильина или им издан другой тип по прилагаемому изображению — разобрать невозможно (см. А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет. Л., 1940, табл. VII, № 26; в описании — сокращенно: Ильин. Классификация...).

ПРИЛОЖЕНИЕ (окончание)

№ по пор.	Лицевая сторона		Изображение	Оборотная сторона		Вес, сохранность, количество экземпляров	Литература	Примечание
	№	описание		№	описание			
Князь Василий Михайлович III (1425—1426 гг.)								
16	16	Всадник с соколом (вправо). Сходна с предыдущей, но под конем ничего нет. Ободок из точек в линейных ободках	Рис. 18—16	16	Фантастическое четвероногое (вправо). Круговая надпись в линейных ободках. ..NAZBACNAAMHXAN	0,56 0,53— 0,52V 3 экз.	Орешников. Тверской клад, стр. 335, № 57, 58, табл. XII, рис. 60, 61	—
17	14	Подобна № 14, но в дополнительном ободке из змеиных голов	Рис. 18—17	17	Всадник с соколом (вправо), подобный всаднику на лицевой стороне монеты № 16, но вокруг, в линейном ободке, — надпись: KHAZBACNAAMHXAN	—	Орешников. Русские монеты..., № 410, рис. 279, 280	Медная

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Г. ШОВКОПЛЯС

ФАСТОВСКАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

(Предварительное сообщение)

Летом 1954 г. в Фастове, Киевской области, во время строительных работ в котловане здания средней школы обнаружены кости мамонта, следы костного угля и зола, а также одиночные расщепленные кремни. Обследование места находки подтвердило наличие культурного слоя, относящегося к позднепалеолитическому времени. Вслед за этим Институтом археологии Академии наук УССР были произведены раскопки¹.

Остатки стоянки залегали на пологом склоне второй надпойменной террасы правого берега долины древней балки, выходящей в долину р. Унавы (приток Ирпеня), протекающей в 1,5 км к западу. Долина балки, по которой в древности, вероятно, протекала небольшая речка, достигает более 1 км в ширину и в большей части занята лесом. Высота места находок над уровнем дна балки — около 12 м.

Во время существования стоянки долина балки, видимо, была занята лесом и кустарником, что создавало благоприятные условия для охоты обитателей стоянки.

Культурный слой залегал в лёссовидном суглинке на глубине 3,2 м от современной дневной поверхности. Геологический разрез места стоянки показал следующее чередование слоев:

1) темносерый гумированный почвенный слой (чернозем с интенсивными червоточинами) — 0,5 м;

2) темносерый, с бурым оттенком, слой деградированного чернозема — 0,35 м;

3) бурый, с темноватым оттенком, слой лёссовидного суглинка с большим количеством кротовин — 1,15 м;

4) светлосерый лёссовидный суглинок с небольшим количеством кротовин и включением карбонатно-кальциевых конкреций, которые сосредоточены, главным образом, у мест залегания остатков культурного слоя, особенно костей (в виде напыла — нароста), — от 2 м и глубже.

Перечисленные слои переходят друг в друга постепенно, без каких-либо резких изменений. Лёссовидный суглинок, в котором включены культурные остатки, лишен сколько-нибудь выраженной слоистости.

¹ Раскопки стоянки проводились под руководством автора настоящей статьи; в них принимали участие младший научный сотрудник Института зоологии Академии наук УССР А. Л. Путь, заведующий отделом первобытного общества Киевского исторического музея Т. Г. Мовша и старший лаборант Института археологии Академии наук УССР Б. Я. Брязкун.

Раскопками вскрыта площадь в 220 кв. м. В остальной части котлована культурные остатки отсутствовали.

Находки на стоянке были сконцентрированы вокруг двух крупных скоплений костных углей и золы (кострищ) в юго-западной и северной частях раскопа (рис. 20).

Кострище, находившееся в юго-западной половине, — овальное в плане; размеры его — $3,8 \times 2,3$ м, толщина зольного слоя — в среднем около 10 см. Оно было частично разрушено при земляных работах. Угли и зола сильно сдавлены тяжестью перекрывавшего их трехметрового слоя земли.

По характеру содержимого отдельные участки кострища резко различались между собой: на южном встречались преимущественно крупные куски костного угля и частично перегоревшие кости (обожены только снизу); мелкой золы здесь было очень мало; на центральном же и особенно на северном участках, наоборот, находилась исключительно только мелкая зола от полностью перегоревших костей. Такое различие дает основание предполагать разное функциональное назначение отдельных частей кострища. Южную можно рассматривать как собственно очаг, т. е. место, где горел огонь костра, а центральную и северную — как место выгреба золы, после того как кости окончательно перегорали. Подтверждением этому может служить, в частности, то, что обломки костей и бивней, находящиеся в слое золы, не имели никаких следов действия огня, тогда как кости, обнаруженные в южной части кострища, среди еще не превратившихся в золу костных углей, все без исключения были в большей или меньшей степени обгоревшими снизу.

С юго-восточной стороны к кострищу примыкало небольшое скопление крупных костей мамонта; часть их была извлечена землекопами при земляных работах, что и послужило поводом к открытию стоянки. Эти кости, видимо, представляли собой запас топлива, ибо никакого определенного комплекса они не составляли (рис. 20).

К северу и к югу от кострища обнаружены три небольших по размерам, округлых в плане (диаметром менее 1 м) скопления расщепленных кремней на различных стадиях их обработки. Этими скоплениями (рис. 20 — 1, 2, 3) отмечены места, где первобытные обитатели стоянки производили обработку кремня и изготавливали орудия труда. Среди собранных здесь кремней встречаются заготовки сырья в виде нуклеидных обломков и нуклеусов, ножевидные пластинки и отщепы. Особенно много мелких отщепов, получавшихся при отделке изделий. Так, например, на площади скопления № 1 (рис. 20 — 1 и рис. 21), диаметром около 0,5 м, собрано 17 нуклеидных обломков и нуклеусов, 53 крупных отщепа и пластины и 552 мелких отщепа. Вместе с тем здесь не обнаружено ни одного законченного орудия.

Аналогичную картину дали скопления № 2 и 3. Подобные скопления были открыты и на ряде других позднепалеолитических стоянок, как, например, в Чулатове 1¹. На остальной площади юго-западной половины раскопа встречены лишь отдельные разрозненные куски кремневых плиток, кремневые гальки, нуклеусы, отщепы, пластинки и одиночные законченные изделия; попадались также обломки костей животных и кусочки красной охры. По этим находкам установлен уровень древней дневной поверхности, на которой находилась стоянка.

Кострище в северной половине раскопа по форме и устройству аналогично юго-западному и почти такое же по размерам ($4,2 \times 2,2$ м); его южная часть, содержащая большое количество костных углей и полуобгоревших костей, была собственно очагом, тогда как центральная и северная, где встречалась только мелкая костная зола, могут рассматриваться как выгребное место очага. И здесь кости и кремни, находившиеся в слое золы,

¹ І. Г. Підоплічко. Палеолітична стоянка Чулатів 1. Палеоліт і неоліт України, т. 1, Київ, 1949, стр. 136.

не имели следов действия огня. Как и в первом случае, на юго-востоке от кострища обнаружено небольшое количество костей, вероятно, служивших топливом для очага. Толщина зольного слоя — около 10—12 см.

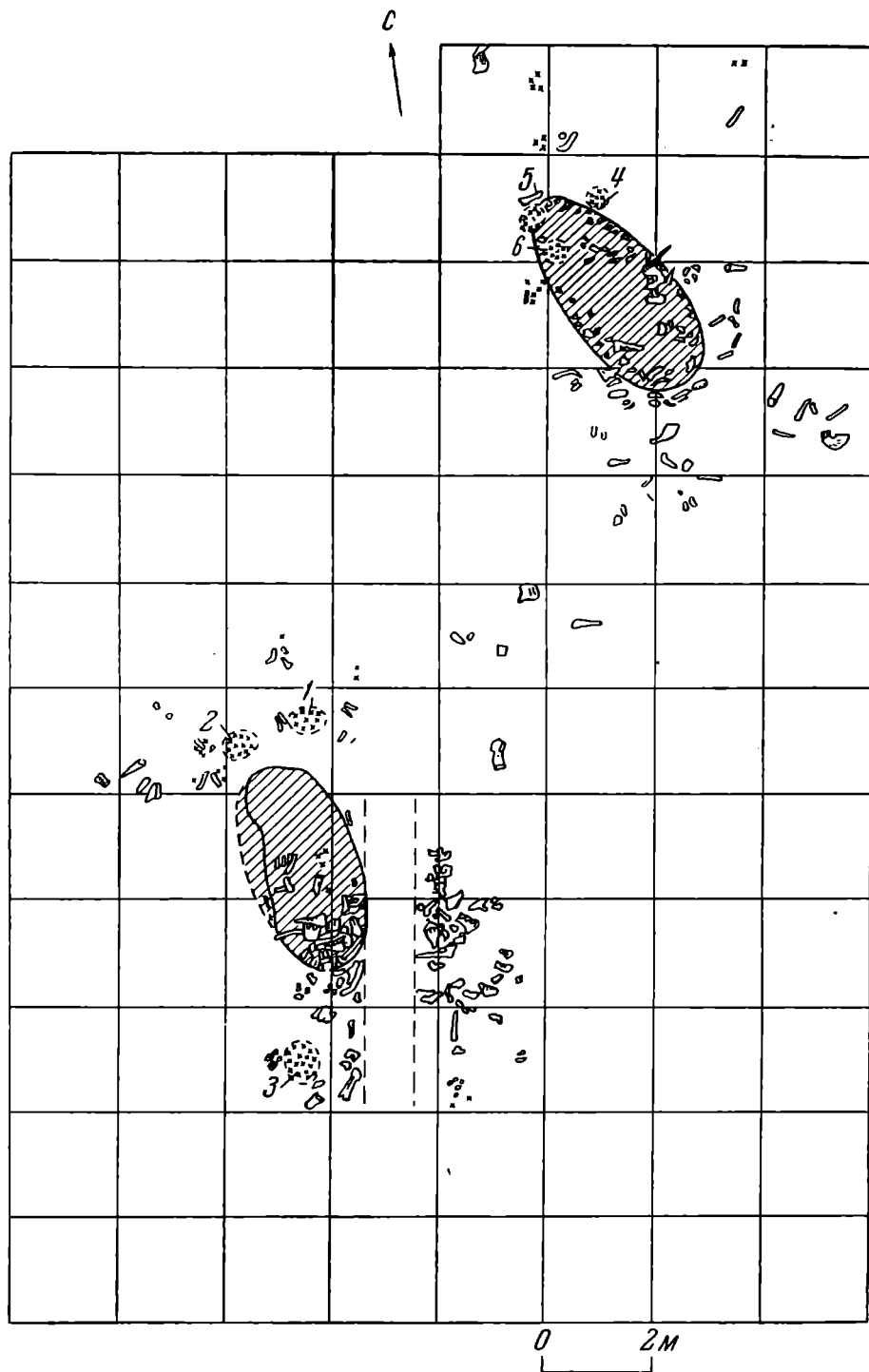

Рис. 20. План раскопанной части Фостовской позднепалеолитической стоянки.

1—6 — места обработки кремня.

Возле кострища также оказалось три места, где шла обработка кремня. Все они по характеру и содержанию такие же, как и в юго-западной части раскопа. Скопление № 1 находилось непосредственно у северного конца кострища (рис. 20 — 4); скопление № 2 (рис. 20 — 5) — у северо-западного края, уходя частично под слой золы; скопление № 3 (рис. 20 — 6) оказа-

лось полностью перекрыто слоем золы северного конца кострища. Это подтверждает мысль о том, что северные части кострищ являлись местами выгребания золы. Первоначально места обработки орудий (№ 2 и 3) располагались недалеко от горевшего очага, а затем на них была ссыпана зола.

Как и в юго-западной части площади раскопа, в северной ее половине вне кострища находки встречались редко и не составляли никаких скоплений. Здесь обнаружены кости животных, расщепленные и отдельные, обработанные кремни и кусочки охры, четко определяющие уровень древней дневной поверхности.

Рис. 21. Место обработки кремня. (Скопление № 1 у юго-западного кострища).

В обоих случаях вокруг южных, очажных частей кострищ, на некотором расстоянии от них были встречены разбросанные без какой-либо системы комья костных углей, аналогичные находившимся в самых очагах. Иногда такие комья попадали на сложенные рядом кости; в таких случаях заготовленные кости несли следы действия огня. Это свидетельствует о том, что угли разбрасывались еще горящими. Внутри очагов встречались не сгоревшие кости, а, как уже отмечалось, лишь обожженные снизу.

Создается впечатление, что в то время, когда в очаги подкладывались свежие кости, часть горящих углей была выброшена из очагов и разбросана вокруг. Вероятно, это делалось для того, чтобы положить свежие кости на самый сильный огонь нижней части костра. Возможно, они были брошены в костер ушедшими со стоянки обитателями для того, чтобы огонь горел еще некоторое время и после их ухода. Но оставленные без присмотра очаги, вероятно, скоро погасли, и подброшенные кости уже не смогли сгореть полностью.

На раскопанной площади стоянки, в том числе во всех 6 скоплениях, собрано 1711 кремней — галек и плиток, служивших сырьевым материалом,

нуклеидных обломков, нуклеусов, отщепов, пластинок и законченных орудий труда.

Кремень чаще всего черный или светложелтый, прозрачный. Реже встречается крупнозернистый белый кремень, напоминающий кварцит. Отщепы, пластинки и орудия из них — преимущественно малых размеров (до 5 см), что вызвано небольшими размерами заготовок — галек и плиток, служивших исходным материалом. Многие обработанные кремни — нуклеусы, пластинки, отщепы и орудия — имеют следы желвачной корки (рис. 22 — 3, 5, 8, 9). Законченных изделий собрано очень мало — всего 8. Из них 6 скребков, в том числе концевых — 2 (рис. 22 — 1, 3), двойных — 1 (рис. 22 — 4), выемчатых — 2 [один из них — боковой на обломке пластинки (рис. 22 — 5), другой — на конце массивного отщепа со следами желвачной корки (рис. 22 — 8)] и концевой, комбинированный с угловым резцом на пластинке

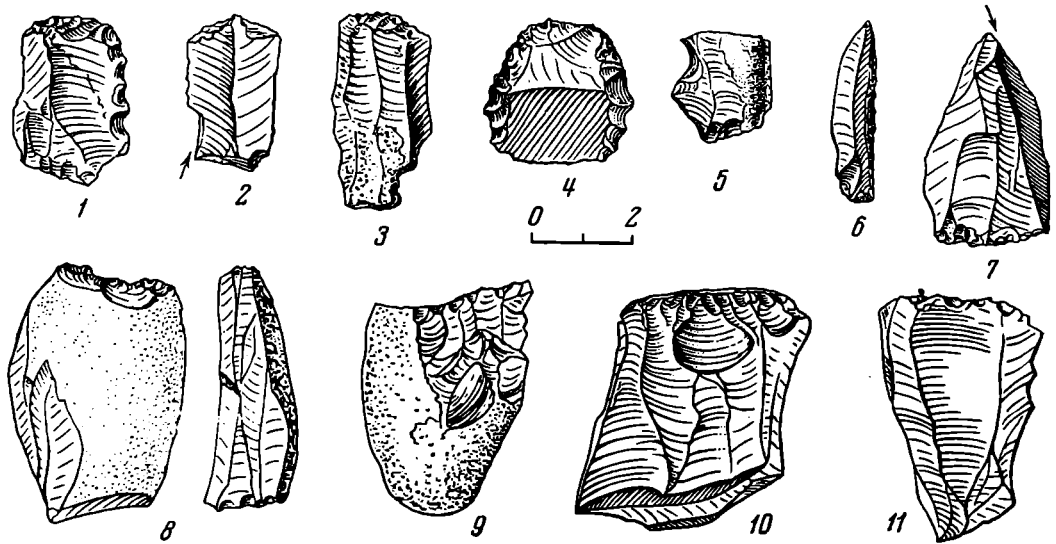

Рис. 22. Кремневые изделия.

1, 3 — концевые скребки; 2 — скребок-резец; 4 — двойной скребок; 5, 8 — выемчатые скребки; 6 — пластинка с затупленной спинкой (острие); 7 — срединный резец; 9—11 — нуклеусы.

(рис. 22 — 2). Резец всего один, срединный, на массивной пластине (рис. 22 — 7).

Из других кремневых изделий следует отметить хорошо обработанную небольшую ножевидную пластинку из прозрачного светложелтого кремня (типа остря) с затупленной спинкой (рис. 22 — 6).

Костей животных собрано на стоянке 319 экземпляров. Они принадлежат двум видам — мамонту (256 костей от 11 особей) и дикой лошади (63 кости от 5 особей). Преобладают молодые особи; взрослых — всего 4 (2 мамонта и 2 лошади)¹. Такой состав свидетельствует о преднамеренном отборе животных первобытными охотниками.

Подобное преобладание молодых особей среди остатков убитых животных наблюдается на многих позднепалеолитических стоянках СССР (например, в Добраничевке, Гонцах, Мезине и др.).

Разбор кострищ показал, что никаких специально устроенных углублений под ними не было. Очаги, очевидно, временные и были устроены непосредственно на древней дневной поверхности.

Для характеристики стоянки важен и тот факт, что никаких следов жилищ при раскопках обнаружить не удалось. Видимо, их на стоянке не было, так как она представляла собой лишь временный, сезонный лагерь,

¹ Определение костей произведено И. Г. Пидопличко.

стойбище первобытных охотников на мамонта и дикую лошадь. Лагерь, вероятно, существовал лишь в теплые летние месяцы, когда необходимости в жилищах не было и жизнь первобытных охотников протекала на открытом месте у горящих костров. Подтверждением отсутствия жилищ может служить также расположение мест обработки кремня в непосредственной близости от кострищ (очагов). Обработка кремня требовала большого количества света и, безусловно, производилась на открытом воздухе.

О кратковременном характере Фастовской стоянки свидетельствуют также чрезвычайно малое количество находок орудий труда и полное отсутствие изделий из кости. Это объясняется тем, что люди на стоянке жили недолго и оставили ее намеренно, не спеша, забрав с собой все, что представляло для них хоть какую-нибудь ценность.

По типу кремневых орудий (двойные скребки и пластинки с затупленной спинкой типа острия), составу фауны, наличию скоплений костного угля и золы стоянку можно поставить в один ряд с такими позднепалеолитическими стоянками, как Гонцы, Боршево 2, Добраничевка, Бугорок, Чулатово 2 и другими, относящимися ко второй половине мадленской эпохи¹.

Открытие Фастовской позднепалеолитической стоянки имеет важное научное значение как свидетельство довольно раннего заселения первобытным человеком северной полесской части Правобережья Украинской ССР. До сих пор на этой территории были известны лишь Кирилловская стоянка в Киеве², Довгиничская³ близ г. Овруча и группа стоянок у с. Городок⁴ возле г. Ровно. Список этих немногих полесских позднепалеолитических стоянок пополнился теперь еще одним ценным памятником.

¹ І. Ф. Левицький. Гонцівська палеолітична стоянка. Палеоліт і неоліт України, т. 1, Київ, 1949; П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево 2. МИА, № 2, 1941; П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево 2. МИА, № 39, 1953; И. Г. Шовкопляс. Добраничевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, 59, 1955; М. Д. Гвоздовер. Палеолитическая стоянка Бугорок. КСИИМК, XV, 1947; Д. З. Галич. Палеолітична стоянка Чулатів 2. Палеоліт і неоліт України, т. 1, Київ, 1949.

² В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена, 1913; П. И. Борисковский. Кирилловская палеолитическая стоянка. МИА, № 2, 1941.

³ І. Левицький. Довгиничська палеолітична стація. «Антропологія», т. III, Київ, 1930, стр. 153—160.

⁴ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 145—147.

Д. Я. ТЕЛЕГИН

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ КИЕВА

Весной 1954 г. автором были проведены полевые работы на двух мезолитических стоянках, расположенных на правом берегу Днепра вблизи Киева. Одна из них находится на северной окраине города, другая — южнее Киева, около с. Вита-Литовская, Киево-Святошинского района, в урочище Перетичек.

Стоянка у северной окраины города обнаружена на краю песчаной террасы, возвышающейся на 25 м над уровнем поймы Днепра. Здесь в выдуве на площади около 100 кв. м собран значительный кремневый инвентарь.

В шурфах, зачистке и небольшом раскопе (35 кв. м) нами было установлено, что развевающийся культурный слой залегает в средней и верхней частях желтобурого песка (подпочве) на глубине более 1 м от современной поверхности. В лежащем выше гумированном песке (почве), как и в подстилающем подпочву светлом материковом песке, находок не обнаружено.

В культурном слое стоянки, кроме кремневых поделок, отмечено некоторое число кальцинированных косточек и много кусков пережженного гранита. Находки сосредоточивались, главным образом, около остатков небольшого кострища. По всей видимости, в раскопе нами исследован лишь край скопления культурных остатков, часть которого уничтожена при развевании поверхности террасы.

Всего на стоянке собрано около 1000 обработанных кремней, в том числе несколько десятков орудий. Они изготовлены преимущественно из галечного кремня плохого качества, что отразилось и на характере изделий.

Среди нуклеусов полностью сформированных экземпляров нет. Собрано 4 нуклеидных обломка со следами снятых пластин. Пластин в коллекции — около 100, но большей частью фрагментированных. Они более или менее правильных очертаний (рис. 23 — 1, 2). Самую многочисленную группу орудий составляют скребки (23 экземпляра), третья часть которых изготовлена из небольших пластин (рис. 23 — 4). Остальные сформованы из отщепов, иногда довольно крупных (рис. 23 — 3). Часть округлых отщепов с подретушковкой по краю использовалась в качестве режущих орудий. Хороших резцов в коллекции не выделено; встречены лишь 2 массивных отщепа с резцовыми сколами (рис. 23 — 5).

Геометрические формы в комплексе представлены трапециями (4 экземпляра) и пластинками со скошенным краем (4 экземпляра). Трапеции двух типов — высокие, изготовленные из отщепов (рис. 23 — 11), и продолговатые (рис. 23 — 10). Боковые стороны обиты крутой ретушью. У всех экземпляров пластин со скошенным краем скошен правый угол (рис. 23 — 8), причем подретуширован не весь скос; конец орудия обычно не имеет под-

правки, что, очевидно, связано с техникой изготовления. Возможно, что пластины со скошенным краем изготавливались по способу, установленному С. Круковским при рассмотрении техники изготовления так называемых треугольных орудий¹. «Микрорезцы», которые получаются при подобном

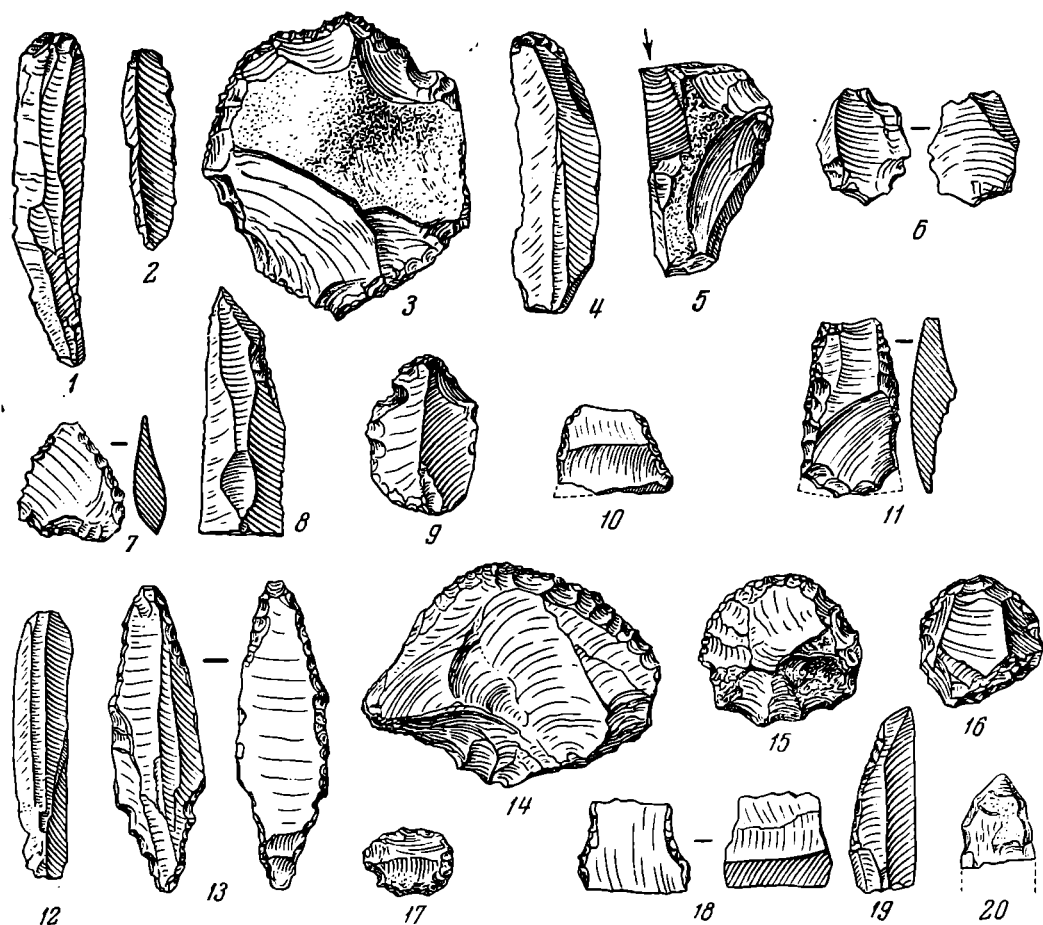

Рис. 23. Кремневые орудия со стоянок у северной окраины Киева (1—11) и в урочище Перетичек (12—20).

1, 2, 12 — пластины; 3, 4, 9, 14—17 — скребки; 5 — резец; 6 — микрорезец; 7 — наконечник стрелы; 8, 19 — пластины со скошенным концом; 10, 11, 18 — трапеции; 13 — наконечник стрелы свидерского типа; 20 — обломок ретушера.

процессе в качестве отходов производства, имеются и в рассматриваемом нами комплексе (7 экземпляров). Все они миниатюрных размеров и имеют у «рабочего» края со стороны спинки заретушированную выемку, а со стороны брюшка — излом (рис. 23—6).

Некоторой особенностью кремневого инвентаря стоянки является наличие двух подтреугольных по форме наконечников стрел. Оба они изготовлены из небольших отщепов. Формующая ретушь плоская. Мелкие сколы покрывают лишь край орудия (рис. 22—7).

Двусторонне обработанных орудий нет. Некоторые крупные обломки кремня, возможно, использовались в качестве рубящих орудий. Об этом свидетельствуют следы сработанности по краю.

В выдуве среди кремневого инвентаря поднят так называемый челнок удлиненно-овальной формы с поперечным желобком. Он изготовлен из мягкой породы сланца; поверхность тщательно отшлифована; на лицевой стороне нанесены какие-то знаки в виде прямых, пунктирных и дугообразных

¹ St. Krukowski. Nowy odpadek mikrolitu neolitycznego. Sprawozd. z posiedz. tow. nauk. Warszawskiego. Warszawa, 1914. VII, z. 1, str. 1.

линий. Учитывая отсутствие на месте стоянки находок, относящихся к иным культурам, можно предположить принадлежность «челнока» к комплексу собранных материалов. Подобные изделия широко известны на ранненеолитических стоянках степной части УССР.

Аналогичные материалы обнаружены и на стоянке в урочище Перетичек. Находки собраны на довольно большой площади на разветвленных «Белых буграх» — песчаных всхолмлениях, окруженных со всех сторон заболоченной долиной р. Виты. Культурного слоя, относящегося к неолитическому времени, обнаружить не удалось. Собранные орудия изготовлены из разноцветного галечного кремня. Среди них укажем наконечник стрелы свидерского типа, трапецию, скребки разных размеров, в том числе миниатюрные, пластинку со скошенным краем, обломок ретушера и т. п. (рис. 23—12—20).

По общему облику материалы обеих исследованных нами стоянок находят аналогию среди свидеро-тарденуазских памятников более западных областей, в частности долины Западного Буга¹. По всей вероятности, исследованные комплексы могут датироваться мезолитическим временем.

¹ Н. Ф. Беляшевский. Дюнные стоянки неолитической эпохи на берегах реки Западного Буга в среднем его течении. Тр. XI АС, т. I, М., 1901. См. также Z. Szmit. Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu. Wiadom. arch., t. X, Warszawa, 1929, табл. III—V.

Н. Я. МЕРПЕРТ и А. П. СМИРНОВ

КУЙБЫШЕВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1954 г.

Археологические исследования 1954 г. в зоне Куйбышевской гидроэлектростанции открыли новые страницы ранних этапов истории народов Поволжья. Пять отрядов¹ экспедиции произвели раскопки 45 памятников разных эпох, начиная от верхнего палеолита и кончая XVII—XVIII вв.

Были возобновлены работы по изучению памятников древнейших эпох истории народов Поволжья успешно начатые нашей экспедицией в 1951 г. Получены новые доказательства заселенности района Волги в период нижнего палеолита. Специально выделенная палеолитическая группа обследовала оба берега реки от северной границы Ульяновской области вплоть до Куйбышева. В самой северной точке маршрута, на Ундорских островах, среди костей вымерших млекопитающих найдены орудия и отщепы нижнепалеолитического облика. находка в этом же районе миниатюрной ножевидной пластинки позволяет предполагать здесь наличие памятников, относящихся и к верхнему палеолиту. Южнее, на известном уже палеонтологическом костыше и местонахождении палеолитических орудий на полуострове Тунгуз, найдены 2 отщепа мелового кремня и несколько изделий из кремнистого сланца. Эти изделия могут быть отнесены к мустьерскому этапу нижнего палеолита.

Наиболее интересное открытие сделано напротив дер. Переволоки, несколько ниже Куйбышева. Здесь обнаружено новое палеолитическое местонахождение. Как и другие волжские местонахождения, оно сочеталось с большим «кладбищем» вымерших млекопитающих, синхронных древнему человеку. Среди находок — кость со следами преднамеренной обработки человеком. Это эпифиз трубчатой кости крупного животного, тщательно отделенный распилом от диафиза. Кремневые орудия представлены достаточно характерными типами: тщательно обработанный скребок округлой формы, ножевидная призматическая пластина с правильным ограничением, краевой отщеп резца. Эти орудия можно с уверенностью отнести к верхнему палеолиту. Таким образом, наши сведения о каменном веке на Волге обогатились и расширились. Работы 1951—1952 гг. положили начало исследованию здесь нижнего палеолита, в 1953 г. был открыт первый неолитический памятник; открытие в 1954 г. местонахождения в Переволоках заполнило еще один пробел, доказав наличие на средней Волге верхнепалеолитических стоянок.

¹ Начальник экспедиции — А. П. Смирнов; начальники отрядов: 1-го — О. С. Хованская и А. М. Ефимова, 2-го — заместитель начальника экспедиции Н. Я. Мерперт, 3-го — А. Е. Алихова, 4-го — А. В. Збруева, 5-го — Н. Ф. Калинин; руководитель палеолитической группы — Э. А. Абрамова; художник — Д. И. Архангельский.

Новые данные получены и для характеристики неолита. Неолитический слой открыт и исследован на многослойной стоянке «Сумская 1» в Юдинском районе Татарской АССР. Здесь собран большой керамический и кремневый материал, позволяющий отнести стоянку к самому концу неолита в этих районах — к рубежу III и II тысячелетий до н. э. Керамика лепная, орнаментированная гребенчатым штампом, близкая открытой в 1953 г. на стоянке «Обсерватория». Орудия представлены кремневыми наконечниками стрел, ножами, скребками, теслами, долотами. Прослежены остатки четырехугольной землянки размером 4 × 6 м. Неолитический слой был перекрыт слоем приказанской культуры эпохи бронзы; соотношение и связь этих двух горизонтов представляют несомненный интерес.

В районе с. Болгары, на юге Татарской АССР, на берегу Степного озера, раскопана стоянка эпохи бронзы. Собранные материалы близки материалам приказанской культуры. Стоянка была открыта еще разведками 1938 г. Здесь вскрыта площадь в 372 кв. м. Культурный слой залегал до глубины 1,05 м. Он был насыщен керамикой приказанского типа, причем отмечен и ряд элементов, характерных для срубной культуры. Найдены отдельные кремневые орудия. Интересна четырехугольная землянка 5 × 6 м с двумя входными коридорами шириной 2 м, соединявшими ее, возможно, с другими помещениями, как это было неоднократно прослежено на приказанских стоянках. Для характеристики хозяйства поселка большую ценность представляет остеологический материал; 70% собранных костей принадлежит домашним животным, что позволяет отнести развитие скотоводства в этом районе к значительно более раннему времени.

Продолжалось исследование левобережья Волги в пределах Ульяновской области. Основные работы были сосредоточены в районе с. Кайбелы. Многочисленность археологических памятников различных эпох на этой территории отмечалась уже издавна. Начиная с конца XIX в., здесь, — на дюнах, на краю второй надпойменной террасы и на поле у южного окончания села, — были зафиксированы десятки случайных находок разновременных вещей. Среди них следует отметить золотую цепь, относящуюся, очевидно, к раннесредневековому времени; найдены также каменные и бронзовые орудия, многочисленные обломки керамики. В результате систематических исследований, начатых у Кайбел в 1953 г., зафиксированы курганы эпохи бронзы, раннесредневековый могильник, относящийся ко времени появления на Волге болгарских племен, остатки болгарской деревни X—XII вв. и бескурганый могильник, — вероятно, мокшанский, — XII—XIV вв. Древнейшие из этих памятников — курганы эпохи бронзы — составляют довольно большую группу, причем каждая насыпь покрывала десятки погребений (например, в одном из курганов обнаружено 102 погребения). Такая курганная группа могла быть оставлена большим коллективом, длительное время жившим в этом районе. Но где именно? Сохранились ли следы поселений? На эти вопросы после работ 1953 г. ответ не был получен.

Возобновленные в 1954 г. поиски были успешнее. Следы культурного слоя отмечены на склоне второй надпойменной террасы, над самым курганным полем. Край террасы, высота которого достигает нескольких десятков метров, резко поворачивает здесь на северо-восток, образуя выступ, с двух сторон ограниченный крутыми обрывами, а с третьей — глубоким оврагом с почти отвесными склонами. Лишь сравнительно узкий проход соединяет площадку выступа с остальным участком террасы.

Здесь, на месте, где самой природой созданы превосходные условия для обороны, и было расположено поселение эпохи поздней бронзы. Местоположение его очень характерно. Мы до сих пор не знали в Поволжье укрепленных поселений; не было известно и каких-либо свидетельств о серьезной военной опасности. Такая опасность возникла в конце эпохи бронзы. К этому

времени в жизни местных племен произошли большие социально-экономические сдвиги. Развитие скотоводства, распространение металлических орудий, возросшие связи с очагами металлургического производства на юге и на востоке изменили структуру общества, создали возможность концентрации богатств (скота, металла) в руках отдельных племен и родов. А это в свою очередь было стимулом грабительских военных набегов; столкновения между племенами участились, начали образовываться союзы племен, способные к выполнению больших и дальних военных операций. Один из таких союзов на юге нашей страны — Киммерийский — был хорошо известен уже древним историкам. Такие союзы существовали, несомненно, и в Поволжье; с их образованием резко возросли военная опасность и необходимость специальных оборонных мероприятий. Это не могло не отразиться на планировке и расположении поселений.

В 1952 г. при исследовании поселения эпохи поздней бронзы на р. Сушкан мы отметили наличие заплывших рвов, связанных в свое время с валами и частоколами и составлявших вместе с ними простейшую оборонительную систему. С еще более ярким случаем мы встречаемся у Кайбел. Исследованное поселение резко отличается от открытых поселков более раннего времени, расположенных на берегах небольших рек и плохо приспособленных к обороне. Жители Кайбельского поселения в значительной мере пожертвовали удобством расположения ради безопасности.

Раскопки поселения были возможны лишь на очень ограниченных участках. Центр его полностью размыт внешними водами. Культурный слой был совершенно разрушен. Лишь у краев поселения сохранились небольшие участки его, занесенные толщей песка.

Четкая стратиграфия и ряд удачных находок позволили с достаточной полнотой судить о характере культурного слоя и времени существования поселения. Слой (мощностью 0,8 м) однороден и не нарушен позднейшими включениями. В числе находок — многочисленные обломки сосудов, а также целые сосуды, раздавленные землей, костяной наконечник стрелы, кремневые вкладыши, часть сверленого каменного молота. Особенно характерна керамика — сосуды с хорошо выраженной шейкой, отогнутыми венчиками, покатыми плечиками, украшенные налепными валиками, чеканной насечкой, резным геометрическим орнаментом.

Такая керамика типична для последнего этапа срубной культуры, т. е. для начала I тысячелетия до н. э. Ряд форм тождественен сосудам, найденным в погребениях кайбельского курганного поля, которые, несомненно, были оставлены обитателями поселения. Этот вывод особенно важен: материалы поселения и погребений заметно дополняют друг друга и составляют достаточно полный и интересный археологический комплекс. Следует отметить, в частности, что состав керамики в культурном слое поселения значительно разнообразнее, чем в погребениях, однако в погребениях, как правило, керамика лучшей сохранности, чаще восстанавливаются формы сосудов.

Исследование курганов Кайбельской группы продолжено в 1954 г. В двух курганах открыто 37 погребений, полностью подтвердивших специфику этой группы, определенную еще в 1953 г. Все погребения совершены в неглубоких ямах — в почвенном слое или на поверхности материка; ни срубов, ни бревенчатых накатников не было. Захоронения сопровождалось сосудами большей частью простой баночной формы, лишенными орнамента или с орнаментом простым и небрежным.

Курганные насыпи выражены очень нечетко, а иногда высота их столь мала, что мы можем, по сути дела, говорить об исчезновении курганной насыпи, о бескурганном кладбище, отмеченном лишь едва заметными всхолмлениями, образовавшимися, возможно, в результате слияния отдельных могильных холмиков. Эти особенности Кайбельских курганов мы еще ранее пытались объяснить сравнительно поздней их датой по сравнению с класси-

ческими памятниками срубной культуры¹. Предположение это полностью подтверждено находками на связанном с курганами Кайбельском поселении.

Таким образом, конец эпохи бронзы в этом районе распространения срубной культуры, т. е. рубеж II и I тысячелетий до н. э. и первые века I тысячелетия до н. э., характеризуется поселками, либо естественно защищенными, либо окруженными оборонительными сооружениями; в хозяйстве абсолютно преобладало пастушеское скотоводство; в керамике характерны сосуды, украшенные налепными валиками; в погребальных памятниках исследуемого района одной из наиболее ярких черт следует считать постепенное исчезновение курганной насыпи, совершившееся под явным влиянием бескурганного погребального ритуала, свойственного соседней — более северной — группе племен этой эпохи.

Для исследованного могильника характерны неглубокие ямы, прорезающие лишь почвенный слой и не спускающиеся ниже поверхности материка, отсутствие деревянных сооружений, огрубение сопровождавшей захоронения керамики. В это время преобладают простые баночные формы, приближающиеся к раннесавроматским сосудам. Можно отметить заметные различия между этими памятниками и более ранними курганами, относящимися ко времени расцвета срубной культуры в Поволжье, т. е. ко 2-й половине II тысячелетия до н. э., и открытыми в 1953 г. невдалеке от Кайбел — у с. Красная Звезда. Уже тогда выявились некоторые особые черты этой группы памятников: наличие деревянных сооружений, глубокие ямы, остро-реберные сосуды в могильном инвентаре и пр.

В 1954 г. у с. Красная Звезда раскопан еще один небольшой, но насыщенный находками курган, полностью подтвердивший изложенные выше заключения. Более интересные результаты дало исследование большого кургана, относящегося к той же хронологической группе, расположенного между Кайбелами и с. Красная Звезда, в непосредственной близости от Кайбельских курганов (эта территориальная близость еще более подчеркивает различия между ними). Диаметр кургана достигал 36 м, насыпь, несмотря на деформацию ежегодной распашкой, выражена четко, и высота ее над уровнем поля достигает 1,5 м (первоначально она была значительно больше).

В кургане открыто 38 погребений, из них 37 — эпохи бронзы. В полах насыпи, — по кругу, что отмечалось нами уже для многих памятников, — концентрировалось большинство погребений. Они совершены в материковых ямах, иногда довольно глубоких и перекрытых в отдельных случаях небольшими бревенчатыми накатниками. Центр был занят двумя большими срубами. Один из них сохранился особенно хорошо. Он состоял из двух венцов дубовых бревен, сложенных в обло. Диаметр бревен превышал 0,4 м. Сочленение концов хорошо прослежено и поражает тщательностью и правильностью линий. Люди этой далекой эпохи превосходно владели техникой обработки дерева, а бронзовые топоры и тесла позволяли им умело использовать самые мощные стволы.

Сруб был перекрыт накатником из горбылей. Под ним найдены остатки обширного кострища и завал обломков горшков. Здесь, вероятнее всего, было совершено трупосожжение (ритуальное), очень редко встречающееся в срубных курганах. Под соседним срубом вскрыто мужское погребение, совершенное на подстилке из бересты и покрытое берестой; оно сопровождалось обычными для срубной культуры сосудами. Но выше него, под самым накатником, были открыты следы кострища, пережженные кости, в том числе человеческие (жертвенное сожжение), и сосуд, резко отличающийся от форм срубной керамики, не имеющий точных аналогий, но тяготеющий

¹ Вестник Академии наук СССР, 1954, № 4, стр. 63.

к абашевским формам (рис. 24 — 1). Характерно, что сосуд этот связан не с обычным погребением, а с жертвенником. Вспомним, что в 1951 г. столь же необычный сосуд найден в расчлененном (скорее всего, ритуальном) погребении в центре большого кургана у Хрящевки¹.

Последние исследования позволяют по-новому поставить вопрос и о значении деревянных сооружений — срубов и мощных накатников. Они встречаются довольно редко и долгое время считались не характерными для исследуемого района. Думаем, что редкость их объясняется тем, что они

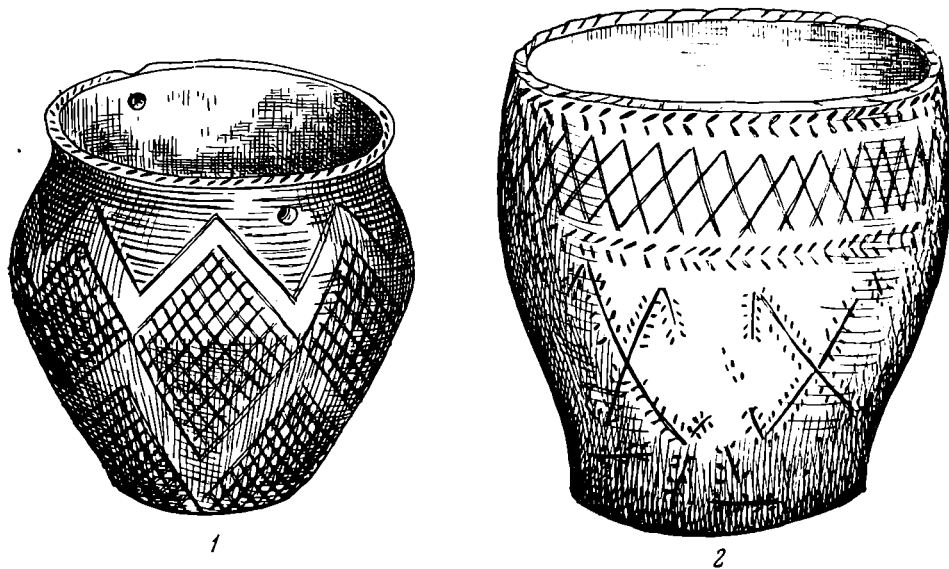

Рис. 24. Глиняные сосуды из погребений эпохи бронзы у с. Кайбел.

связаны с особыми погребениями, выделенными из числа остальных и принадлежавшими главам родов или больших патриархальных семей. Такое социальное значение сооружений подтверждается и расположением в курганах, и составом находок, что неоднократно отмечалось за последние годы².

Среди керамики в погребениях большого кургана представлены сосуды классических остроредерных форм, тщательно выполненные и украшенные богатым и разнообразным орнаментом, причем, как обычно, преобладал резной. Очень интересен один из сосудов, украшенный, помимо геометрических узоров, стилизованным растительным орнаментом, свободно покрывающим всю поверхность сосуда (рис. 24 — 2). Основу его составляет крестообразная фигура, обросшая листвою и превратившаяся в ряде вариантов в простые ветки. Наряду с обычными для срубных курганов погребениями встречено захоронение, где погребенный лежал на спине, головой на восток; руки находились в области таза, ноги резко подогнуты. Такой обряд характерен для абашевской культуры. В погребении найдены обрывки шерстяной ткани и совершенно необычайные браслеты, состоявшие из отдельных пластинчатых звеньев.

Таким образом, для 2-й половины II тысячелетия до н. э. — времени расцвета срубной культуры — в районе работ характерны хорошо выраженные курганные насыпи, глубокие могильные ямы, деревянные погребальные сооружения, остроредерные, богато орнаментированные сосуды.

¹ Н. Я. Мерперт. Археологические памятники у села Хрящевки. КСИИМК, Л., 1953, стр. 48, 49, рис. 20 — 11.

² В 1950 г. в с. Ягодном, под мощным накатником, найдены основные мужские погребения, одно из которых принадлежало племенному вождю и сопровождалось бронзовыми ножами. В 1953 г. у с. Красная Звезда мощные накатники перекрывали основное погребение и центральный кенотаф, где также найден бронзовый нож.

Очень интересны открытые у дер. Пальцыно бескурганые захоронения, где погребенные лежали в скорченном положении на боку. Керамика в этих погребениях близка срубной. Это переходный тип, сочетающий в себе элементы двух больших культурных областей — срубной культуры (скорченность, сосуды) и более северной (отсутствие насыпи).

Наиболее южной территорией, исследованной экспедицией, были берега р. Усы в Шигонском районе Куйбышевской области. Здесь работы велись на 3 стоянках эпохи бронзы. На стоянке «Моечное озеро 2» открыто жилище — квадратная полуземлянка (10 × 10 м) глубиной 1,2 м. Обнаружены следы столбов и ступени, ведущие к выходу. Найдена типичная для срубной культуры керамика конца II тысячелетия до н. э., кремневые наконечники стрел и пр. Слои того же времени открыты на стоянках «Моечное озеро 1» и «Уркина гора».

Плодотворными оказались раскопки памятников средневековья. Наиболее ранние из них — селища I тысячелетия н. э. — открыты по нижнему течению р. Майны, в районе дер. Грязнухи. На селищах собрана грубая лепная керамика позднего городецкого типа V—IX вв. н. э. На некоторых селищах эта керамика встречается наряду с раннеболгарской желтого и коричневого цвета. Особенно интересны раскопки, проведенные на поселениях близ деревень Большое и Малое Пальцыно. Первое из них расположено на берегу Воложки, рядом с городищем, известным с 1873 г. и в настоящее время смытым Волгой¹. По всей вероятности, исследованный нами поселок был пригородом какого-то небольшого города волжских болгар, имя которого не сохранилось, как не сохранился и самый город. Раскопками вскрыт жилой и хозяйственный комплекс, где собран многочисленный бытовой материал. Жилище полуразрушено и не дает оснований для реконструкции. Повидимому, это был сруб с подпольной ямой и глинобитной печью в углу, т. е. дом характерного для всех болгарских городов и селищ типа. Характерны и хозяйственные ямы боченкообразной и кувшинообразной форм; в этих ямах найдены зерна пшеницы, ржи и остатки соломы.

Интересен комплекс керамики обоих селищ. В его составе — 60% гончарной посуды и 40% лепной, причем лепная, несмотря на фактуру, сближающую ее с позднегородецкой, все же датируется более поздним временем на основании формы некоторых сосудов, повторяющей южные прототипы, несомненно, занесенные сюда пришельцами-болгарами. В этой группе заслуживают внимания сосуды с плоскими небольшими ручками, также южных форм. Среди собственно болгарской посуды преобладает ранняя. Встречается и высококачественная красная (около 30% всех находок). В числе бытового материала — шиферные пряслица, железные ножи, гвозди, различные украшения — красные пастовые бусы и желтые с белым крестообразным орнаментом, характерные для X в. Интересны железные гривны с обмоткой из бронзовой проволоки и с нанизанными бронзовыми бусинами — обычные украшения финно-угорских племен Поволжья с первых веков нашей эры до VII в. н. э. Большого внимания заслуживает шумящая привеска подтреугольной формы, украшенная проволочной спиралью и зернью, с цепочками, известными у археологов под названием щитковых. Этот тип привески изучен достаточно хорошо. Он встречается в памятниках Прикамья X в. и, главным образом, у древних удмуртов.

Полученные данные вносят поправку в выводы экспедиции 1938 г., когда оба селища были датированы золотоордынским временем²; в действительности же они относятся ко времени прихода приазовских болгар на Каму и сложения болгарского государства. Собраны материалы, свидетельствующие о появлении в это время городского ремесла, о проникновении

¹ Историко-археологический сборник. М., 1948, стр. 189.

² Там же, стр. 190.

продукции ремесленников в деревню, о связи с соседними областями — с Русью и Прикамьем. Эти связи, установившись в конце II тысячелетия до н. э. и особенно окрепнув в I тысячелетии до н. э., продолжали существовать значительно позднее. Во всяком случае найденная привеска свидетельствует о X в., и эта находка не единична. В собрании Моршанского музея хранится аналогичное украшение, происходящее из раскопок ныне покойного директора музея П. П. Иванова. Производившая раскопки Пальцынских селищ Т. А. Хлебникова (ГИМ) сделала ряд наблюдений, характеризующих физико-географические условия в конце I тысячелетия н. э. На берегу Воложки встречаются обширные площади чернозема и рядом пространства подзолистых почв. Чернозем и подзолы подстилали культурные слои исследованных селищ.

Здесь же, в деревне Б. Пальцыно, открыто болгарское мусульманское погребение без вещей.

Южнее, близ Кайбел, в Ульяновской области продолжались раскопки раннеболгарского могильника VII—IX вв., открытого в 1953 г. Погребения выделялись на поле небольшими всхолмлениями. Под одним из холмов открыта столбовая оградка, окружавшая две могилы, разделенные столбиками. Могилы были покрыты деревянными накатниками. Костяки лежали вытянуто, головой на юг. В захоронениях найдены вещи салтовского типа — золоченые бусы, поясная бляха, костяной псалий и узкогорлый кувшин. Часть погребений оказалась без вещей. Могильник перекрыт слоем болгарской деревни домонгольского времени.

На территории стоянки бронзовой эпохи на второй террасе Волги к югу от Кайбел в XII—XIV вв. существовало, повидимому, кладбище мордвы-мокши. Здесь вскрыто 20 погребений; костяки ориентированы головой на юг и лежали на спине или на боку, иногда скорченно. В некоторых могилах стояли грубые лепные сосуды типов, характерных для мордовских могильников. Повидимому, этим же племенам принадлежат более ранние селища близ Пальцына. Судя по занимаемой территории между болгарами и хазарами, эти племена у восточных писателей назывались буртасами. Идентификация мордвы-мокши с буртасами находит подтверждение в новом материале¹.

К этому же времени относятся Березовское селище и поселок «Уркина гора». Они напоминают Муранское селище, связываемое с древней мордвой, по всей вероятности, мокшей. На Березовском селище найдено большое количество типично болгарской гончарной посуды, среди которой встречены обломки славянской курганной посуды, датируемой XIII в. Очень интересно неожиданное открытие землянки прямоугольной формы (6 × 3 м), глубиной до 1,7 м. Вдоль одной из стен прослежены столбы, а у противоположной — очаг или глинобитная печь. Землянка весьма близка жилищам, обнаруженным в домонгольских слоях Суздаля и Киева. Находки типичной древнерусской посуды и открытие подобной землянки заставляют предполагать среди жителей поселка русов и вспомнить свидетельства русской летописи о бродниках². При описании событий 1216 г. бродники упоминаются вместе с жителями Мурома. Повидимому, русские крестьяне, уходя от феодального гнета, селились в лесах Правобережья Волги. Судя по материалам Березовского селища, они доходили до самой Волги и жили здесь среди мордвы. Это проникновение в чуждую этническую среду было облегчено тем, что и у мордвы, и у русов в то время родовые отношения были уже пройденным этапом и господствовала территориальная община. Это русское пришлое население нашло отражение в Пур-

¹ См. А. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952, стр. 161 и сл.; Е. И. Горюнова. Селище Полянки. КСИИМК, XV, 1947, стр. 110.

² ПСРЛ, т. 25. М., 1949, стр. 40, 112, 113, 120.

гасовой Руси, упоминаемое русской летописью. Следует вспомнить также типично русское погребение с обычным курганным горшком, раскопанное близ Сталинграда¹.

Новые материалы получены в итоге начатых еще в 1953 г. раскопок Именьковского городища в Лаишевском районе Татарской АССР. Вскрыта почти вся площадь городища. В культурном слое глубиной до 1 м обнаружено 80 хозяйственных ям. Отсутствие жилых построек при наличии стольких ям достаточно ясно указывает, что поселок относится к числу убежищ. Выяснена структура вала, окружавшего городище. Он представлял собой стену из двух рядов плетня, с засыпкой внутреннего пространства землей, песком и глиной. Ширина простенка — около 0,7 м. Вал был насыпан на слое погребенной почвы и слое, относящемся к ананьино-пьяноборскому времени, и подправлялся 5 раз. Собран материал, на основании которого можно точно датировать памятник и определить экономический строй общества. находка пряжки с изогнутым язычком и многогранных янтарных и золоченых бус позволяет установить дату VII—VIII вв. н. э. Об этом можно судить и по керамике, представленной двумя типами: первый — грубые, с примесью дресвы и крупнозернистого песка в тесте сосуды, характерные для племен Правобережья Волги, и второй — приготовленная из хорошо отмученной глины посуда со сглаженной поверхностью, восходящая к своему прототипу — пьяноборской керамике первых веков нашей эры. Смешанный характер керамики достаточно ясно свидетельствует о том, что пришельцы с правого берега Волги ассимилировались с местными племенами.

Существование городища-убежища вполне понятно. Это было время прихода кочевников-болгар из Приазовья. По всей вероятности, в результате столкновений жители принуждены были неоднократно подправлять стены своего убежища. О военных событиях свидетельствует и найденный здесь большой железный наконечник копья.

Находки на городище позволяют говорить о развитии земледелия. В числе орудий труда — серпы и жерновы. Найдено много костей домашних животных. Из других орудий упомянем костяные стрелы, тупички для обработки шкур, кольца от удил, топоры, льячки, пробойники, долота. Заслуживают упоминания глиняные фигурки животных, повидимому, «магические», и привески из зубов медведя.

Памятник характеризует культуру населения эпохи сложения феодальных отношений.

Близ городища исследован могильник X—XIV вв. Захоронения совершались почти без вещей, в прямоугольных ямах, обложенных деревом; костяки лежат на спине, вытянуто, головой на юго-запад, северо-запад и лицом на юг. В одном из погребений обнаружены перстень с печатью, остатки шерстяной ткани с металлическим шитьем и сердоликовая бусина. В засыпи могил встречены черепки болгарской посуды, заставляющие датировать памятник более поздним временем, чем городище.

Интересный материал дали раскопки в с. Балымера, Куйбышевского района, Татарской АССР. Экспедиция провела эти работы в связи с изучением вопроса о взаимоотношениях древней Руси с народами Поволжья.

В 1870 г. Стояновым здесь были вскрыты небольшие славянские курганы с остатками трупосожжения². Было важно проверить имевшиеся данные и получить более точный материал. К сожалению, от той группы памятников не осталось никаких следов, и экспедиция ограничилась раскопками возвышения, известного у местного населения под названием «Шо-

¹ См. Т. Минаева. Погребение Зацарицынского района г. Сталинграда. Сообщение ГАИМК, № 3—4, 1932, стр. 63.

² А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 161.

лом» и расположенного на краю высокого берега Волги. Этот памятник исследовался в последний раз в 1924 г. В. Ф. Смолиным. «Шолом» оказался языческим святилищем. Памятник очень ценен; он освещает один из мало исследованных вопросов идеологии местного населения в период, предшествующий сложению болгарского государства и первым этапам его истории, в период становления классового общества.

Как выяснилось, возвышение — искусственное, насыпное. Новые овраги, образовавшиеся за последние 60—70 лет, в значительной мере уничтожили этот исключительный памятник. Группа Б. Б. Жиромского, производившая раскопки «Шолома», установила следующую стратиграфию. Сверху залегал слой современной деревни; отмечены следы земляных работ 1913 г. (проведенных земством) по укреплению берега и борьбе с оврагами. Ниже вскрыт слой XVIII—XIX вв. Его подстилал болгарский слой, содержащий раннеболгарскую керамику, а ниже — слой супеси с примесью золы, с включением участков каменных вымосток, залегающих на погребенном черноземе. В верхнем горизонте чернозема найден обломок стенки сосуда с отпечатком рожки. В северной части на слое чернозема открыто сооружение из ряда срубов, засыпанных супесью и сверху покрытых прокаленной глиной. С трех сторон оно окружено жертвенниками в виде каменных вымосток. В сооружении собрано большое количество обломков грубой лепной посуды с примесью крупнозернистого песка в тесте.

В слое жертвенников встречены обгорелые желуди, льняное семя (?), просо, пшеница, кости домашних животных и рыб. Найдены костяные стрелы, глиняные пряслица, многогранные и мелкие стеклянные желтые и синие бусы, бронзовые и костяные пронизки. Интересны небольшое железное долото, мелкие ритуальные сосудики и одна бронзовая штампованная бляшка в виде дуги, характерная для VI—VIII вв. н. э. Встречены глиняные «магические» фигурки животных и людей, аналогичные по назначению фигурам, обычным для жертвенных мест Прикамья.

К слою, залегающему над святилищем, относится ряд жертвенных ям, достаточно точно датируемых ранней болгарской керамикой X—XII вв. Там найден железный топор. Эти ямы относятся ко времени распространения мусульманства.

Такого же характера святилище было открыто в урочище Ага-Базар. Оно представляет круг неправильной формы; в центре — остатки какого-то идола, от которого уцелело только основание. Ямы неправильной формы содержали линзы глины, разделенные мощными прослойками угля и золы. Они напоминают ямы «Шолома». В одном кругу с ямами находилась глинобитная площадка, сохранившая следы действия огня. Ямы и остатки идола залегают в одном слое. Святилище у Ага-Базара в соответствии с находками монет датируется золотоордынским временем.

Следует отметить, что святилище «Шолом», устроенное на открытом берегу на огромном постаменте, существовало только в домусульманский период. Позднее, с распространением мусульманства, здесь были одни только кострища в ямах. Сравнительно скромный облик имело святилище Ага-Базара, расположенное в лесу. Эти памятники достаточно ясно показывают, что не только в кочевых районах Золотой Орды, но и в старых земледельческих районах — таких, как Волжская Болгария, — язычество сосуществовало с мусульманством и мусульманство у волжских болгар не смогло вытеснить языческие верования. Не случайно в прикладном искусстве болгар изображения животных существовали в X в. и XIV—XV вв.

* * *

Продолжены были исследования и подгорной части городища «Великие Болгары». Раскопками охвачено около 1000 кв. м. Открыты напластования русского села Успенского XVII—XIX вв. с остатками домов, хозяй-

ственных построек; получен обильный материал, характеризующий культуру русской деревни того времени. Слои города Болгара исследовались в двух местах: в заречной части, где в 1953 г. были открыты русский квартал и кузнечные мастерские, и в районе болгарской общественной бани, вскрытой в 1951 г. В заречной части обнаружены дома ремесленников, полуземлянки, со стенами в виде плетня, обмазанного глиной. Раскопки на месте древнерусского квартала захватили окраину с бедным культурным слоем. Из вещей, найденных здесь, отметим шиферный крест XII—XIII вв. и шумящую привеску мерянского типа.

Рис. 25. Золотой перстень с печатью XIV в. Из раскопок городища «Великие Болгары».

В раскопках, заложенных в районе бани, встречен древнейший догородской слой VII—VIII вв., содержащий некоторое число южных вещей. Среди них — керамика салтовского типа и бронзовая пряжка с изогнутым язычком, обычная для Крыма и Северного Кавказа того времени. Этот материал необходимо связать с пришельцами-болгарами, поселившимися среди местного угро-финского населения.

Открыты болгарские дома обычного типа, хорошо известные по археологическим данным и сведениям восточных писателей; две печи для обжига извести, оставшиеся от времени постройки бани и позднее заброшенные. Исследованы колодезь, снабжавший первоначально баню водой и засыпанный вскоре после проведения водопровода, а к северу от бани — погреб в виде ямы размером 2 × 2 м и глубиной около 6 м.

Исключительной находкой можно считать скорченное погребение, открытое в болгарском слое и датируемое тем же временем. Скорченные погребения X—XIV вв. широко известны у мордвы; женщины хоронились на боку, со слегка согнутыми ногами. Найденный в Болгарах костяк лежал в сильно скорченном положении, колени были подтянуты к самому подбородку. Необычное положение костяка в культурном слое, вдали от кладбища, близ центра города заставляет предполагать какую-то трагедию, может быть, уголовное преступление, совершенное в XIV в.

В культурном слое найдено большое количество самых разнообразных вещей, характеризующих ремесло, быт горожан и широкие международные связи. В числе находок — набор крупных фрагментов разноцветного венецианского стекла, бронзовая чаша, по форме восходящая к древним прототипам, может быть, ахеменидского времени, крупный фрагмент китайского зеркала XI—XII вв., различные украшения, в том числе бусы, фрагменты селадона, иранская и хорезмийская поливная посуда, штампованная средне-

азиатская и ряд образцов местной, свидетельствующей о высоком мастерстве болгарских гончаров. Собрано около 100 золотоордынских монет. В числе редких вещей отметим золотой перстень с печатью и резным орнаментом по бокам, относящийся к XIV в. (рис. 25), и обломок энколпиона XII—XIII вв. с изображением Николая Чудотворца и надписью¹. Крест украшен выемчатой эмалью белого и зеленого тона и представляет хороший образец русского ювелирного искусства (рис. 26). Эта находка происходит

Рис. 26. Крест XII—XIII вв. русской работы. Из раскопок городища «Великие Болгары».

с территории армянской колонии, где при наблюдениях за земляными работами собрано 12 черепов.

Очень интересны фрагмент сосуда с малоразборчивой надписью, нанесенной черной краской, и ряд других черепков с прочерченными знаками, аналогичными найденным на Маяцком городище. Это сходство лишний раз подчеркивает близость культуры волжских и приазовских болгар, с которыми можно связывать ряд памятников салтовской культуры.

Полученные материалы внесли много нового в изучение проблемы этногенеза народов Поволжья и истории их культуры.

¹ По мнению М. В. Щепкиной, надпись датируется XII в.

Н. В. АНФИМОВ

МОГИЛЬНИКИ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ДОЛИНЕ РЕКИ УРУПА

(По материалам экспедиции 1954 г.)

Река Уруп — один из крупных левобережных притоков р. Кубани — берет начало высоко в горах и около г. Армавира впадает в р. Кубань. Юго-западнее станицы Передовой, у хутора Ильича, Уруп выходит из ущелья в долину протяженностью около 150 км, ограниченную с обеих сторон высокими террасами. В археологическом отношении долина р. Урупа была обследована только в последние годы. В 1950 г. экспедицией Краснодарского историко-краеведческого музея проведены разведки по маршруту: станицы Советская—Бесскорбная—Попутная—Отрадная и обнаружено несколько городищ¹. В последующие годы по нашему заданию обследование продолжено преподавателем истории К. Е. Горбом. В результате проведенных работ к настоящему времени зарегистрировано свыше 20 городищ. Грунтовых же могильников — некрополей городищенского населения найти до последнего времени не удавалось.

В 1952 г. при добыче глины в станице Советской близ Урупского второго городища обнаружено несколько погребений. По словам местных жителей, в одной из могил, выложенной сырцовым кирпичом, было два скелета. Здесь найдены глиняные сосуды, бусы и бронзовое зеркальце с квадратной ручкой-петелькой и геометрическим орнаментом на обратной стороне². Подобные зеркальца с геометрическим орнаментом известны и из других грунтовых могильников Прикубанья: в Краснодарском на улице Тельмана (бывшей Почтовой) найдены в количестве 15 экземпляров; встречены они в Пашковском втором могильнике³ и Усть-Лабинском втором (погребение 20, 1931 г.), а также в Краснодаре в 1902 г. на территории бывшего кирпичного завода Трахова⁴. Попадались такие зеркальца также в кавказских могильниках⁵. Аналогичное зеркальце происходит из погребения 26 Ольвийского некрополя раскопок 1906 г.⁶; захоронение это датируется монетами II в. н. э. Находки зеркалец в перечисленных могильниках Прикубанья и Ольвийском некрополе дают право данный тип зеркал относить ко II—III вв. н. э., что

¹ Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 75—77.

² Сосуды и бусы не сохранились; зеркальце было доставлено в Краснодарский музей К. Е. Горбом, которым и были сообщены сведения о находке.

³ Труды Краснодарского педагогического института, т. VI, вып. 1, 1937, стр. 31, рис. 25.

⁴ ИАК, прибавление к вып. 5, стр. 41.

⁵ ОАК за 1898 г., стр. 160, 161; МАК, вып. VIII, табл. XXV, рис. 12.

⁶ Хранится в Государственном Эрмитаже, инв. № 11000.

в свою очередь определяет и дату погребений, обнаруженных в станице Советской.

В 1954 г. экспедиция, организованная Краснодарским музеем и Краснодарским педагогическим институтом¹, обследовала долину р. Урупа по маршруту: станицы Удобная—Передовая—хутор Ильич. В районе станицы Удобной обнаружено несколько городищ, три средневековых поселения и выявлены два грунтовых могильника сарматского времени, из которых один находится на левой высокой террасе р. Урупа к северу от станицы (на расстоянии 4 км от ее окраины), близ хутора Санькова. В отвесных обрывах на территории могильника весной 1954 г. местами выступили человеческие кости и глиняные сосуды, что привлекло внимание ученика В. Лазарева, жителя хутора Санькова. Им было разрыто более десяти могил. Скелеты лежали на границе чернозема и суглинка, на глубине около 2 м. Над ними обычно шел слой камня (гальки). В одной из могил, по словам В. Лазарева, находились 4 скелета. Обряд погребения (ориентировку, положение скелетов, расположение и количество инвентаря) установить не удалось. Найденные вещи В. Лазаревым были отнесены в школу и затем переданы экспедиции. В числе находок — предметы вооружения, глиняные сосуды, украшения, заркала.

Из оружия сохранились железный наконечник копья и два фрагментированных железных кинжала. Наконечник — довольно больших размеров (длина — 40 см), массивный, с вытянутым листовидным пером (рис. 27 — 1). Кинжалы — характерной формы, с кольцевым навершием и прямым перекрестием, — типичны для сарматской культуры (рис. 27 — 2). На Кубани они бытуют со 2-й половины I в. до н. э. по II в. н. э. и встречаются и в курганных погребениях, и в грунтовых могильниках. В числе сосудов — лепная чашечка, сделанная из нижней части кружки, и три одноручных сероглиняных кувшина. Два из них совершенно однотипны. У кувшинов сравнительно высокое цилиндрическое горло и слегка приземистое тулово, расширенное в средней части. Дно плоское. Ручка отходит под венчиком и прикрепляется к плечикам (рис. 27 — 3). Аналогичные кувшины встречены в погребениях I—II вв. н. э. Усть-Лабинских второго и четвертого могильников, Краснодарского могильника на улице Тельмана и могильника у станицы Казанской. Третий кувшин — с округлым туловом и низким горлом. Дно плоское. Ручка изображает животное с длинной мордой, упирающейся в край горла. Тело животного слегка изогнуто, ноги — в виде сплошного массива. На голове торчат небольшие уши (рога?) и две пары круглых налепов; одна пара расположена под ушами, вторая — на морде (рис. 28 — 1). Вид животного точному определению не поддается. Возможно, это сильно стилизованное изображение барана. Сосуды с ручками в форме животных, в особенности барана, характерны для сарматского времени и датируются в основном периодом с I в. до н. э. по I—II вв. н. э.²

Найденные в погребениях зеркала однотипны. Это маленькие зеркала из белого сплава (диаметром 4,5—6,5 см) с небольшой прямоугольной ручкой, в которой сделано сквозное отверстие. Край зеркала несколько приподнят в виде валика и скошен наружу. Обратная сторона гладкая, с конусовидным выступом в центре; только у одного зеркала вокруг центральной выпуклины идет концентрический пояс (рис. 29). По словам В. Лазарева, зеркала находились по одному в могиле и лежали в области груди костяка, близ руки. Аналогичные зеркала встречены в нескольких погребениях Усть-

¹ В экспедиции принимали участие Н. В. Анфимов (начальник экспедиции), М. В. Ложкин, Т. Анфимова и студенты Краснодарского педагогического института М. Белоконов, Э. Блинова, С. Савина, Р. Усиков и Б. Чеботарев.

² К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, т. I, Л., 1941, стр. 173 и сл.

Лабинского второго могильника¹. Они лежали у левой руки (близ плечевой кости или предплечья). В погребении 2 Тбилисского первого могильника зеркальце найдено на груди, близ левой плечевой кости², а в погребениях Усть-Лабинского третьего и в могильнике хутора Кубанского зеркала обнаружены в области пояса. Перечисленные погребения на основании всего комплекса

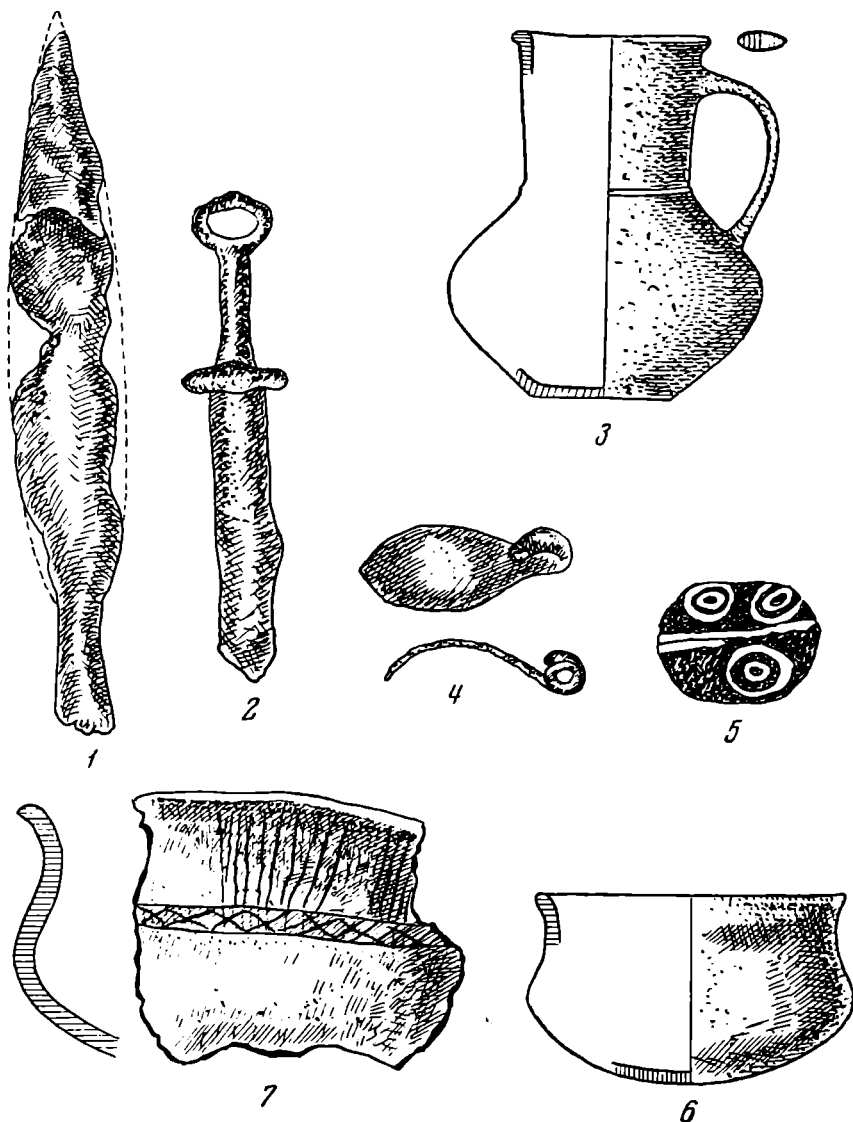

Рис. 27. Вещи из сарматских погребений на р. Урупе.

1 — наконечник копья; 2 — княжал; 3 — кувшин; 4 — бронзовая фибула; 5 — бузина; 6 — круглодонная чашечка; 7 — фрагмент чашечки.

инвентаря датируются I в. н. э. Такое же зеркальце, но с двумя concentрическими поясками вокруг центральной выпуклины, было найдено Н. И. Веселовским в 1902 г. в кургане № 6 у станицы Тбилисской вместе со стеклянной резной чашей и трехлопастным черешковым наконечником стрелы³. Наиболее ранней датой этого кургана может быть I в. до н. э.

¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 198, рис. 18, 6.

² Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 152.

³ ОАК за 1902 г., стр. 66. Хранится в ГИМ, инв. № 48478.

Такие же зеркальца с боковым прямоугольным ушком, ободком по краю и выпуклостью в центре найдены в Дагестане — в Таркинском могильнике, в погребениях I—II вв. н. э.¹

Из предметов украшений сохранились несколько бус, бронзовые фибула и перстенок. Фибула — небольшой величины, с широкой пластинчатой, несколько выпуклой дужкой овальной формы и с двухвитковой пружиной односоставной конструкции, причем приемник для иглы и сама игла отломаны (рис. 27 — 4). Наиболее близкой ей можно считать фибулу из погребения 7 (1936 г.) Усть-Лабинского второго могильника², которое датируется

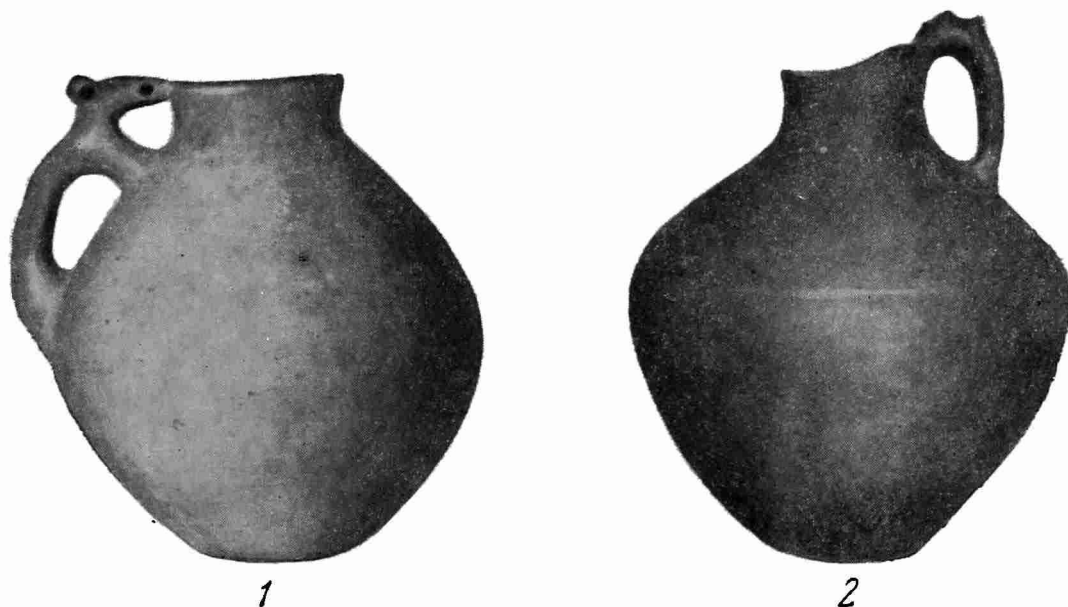

Рис. 28. Сероглиняные сосуды из сарматских погребений на р. Урупе.

I в. н. э. Перстень изготовлен из свернутой широкой, совершенно гладкой пластины; концы ее заходят друг на друга и ничем не скреплены. Аналогичные перстни известны из Краснодарских могильников (на улице Тельмана и за кожзаводами), где они найдены в погребениях I—III вв. н. э.

Среди находок, переданных В. Лазаревым, — несколько бус. Одна бусина — средней величины, стеклянная, рубчатая, темносинего цвета, довольно типичная для первых веков нашей эры, другая — круглая, кварцевая. Третья бусина массивная, тяжелая, круглой формы, из темносиней стеклообразной массы с красными глазками, обведенными белым широким ободком, и с таким же пояском, идущим по всей окружности (рис. 27 — 5). Отверстие бусины широкое и приспособлено, повидимому, для продевания ремешка. Бусина, вероятнее всего, служила украшением сбруи. Аналогии этому мы можем найти в Усть-Лабинском втором могильнике (погребение 55; I в. н. э.), где на лбу лошади была обнаружена большая глазчатая бочковидной формы бусина из стеклообразной массы³. Кроме бус, найден мелкий стеклянный и пастовый бисер белого, желтого и зеленого цвета, служивший для обшивки одежды.

Предметы из погребений могильника у хутора Санькова типичны для культуры меото-сарматских племен Прикубанья первых веков нашей эры.

¹ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 217, рис. 8, 7; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1949 г. МИА, № 23, 1951, стр. 261, рис. 17, 2.

² Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 199, рис. 18, 11.

³ Там же, рис. 18, 15.

Таким образом, могильник, на основании описанных выше находок, должен быть датирован 2-й половиной I в. до н. э.—I в. н. э.

Второй грунтовой могильник, зарегистрированный экспедицией в районе станицы Удобной, находится на правом берегу р. Урупа, у балки Мокрянки, которая тянется по южной окраине станицы в направлении с востока на запад и выходит в долину р. Урупа. С севера она ограничена невысокими горами, покрытыми лесом, с юга — холмами, образующими небольшие плато и имеющими относительно пологие склоны, местами прорезанные оврагами. При размывах стенок одного из таких оврагов (наиболее западного), выходящего к устью балки, учащимися средней школы станицы Удобной в 1951 г. обнаружены три погребения, которые и были ими раскопаны.

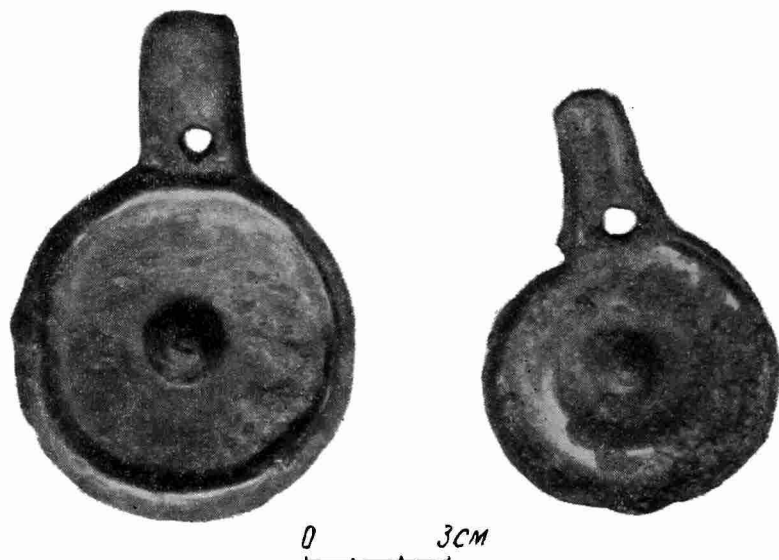

Рис. 29. Зеркала из белого сплава, найденные в могильнике у хутора Санькова.

При скелетах находились глиняные сосуды, железный меч и небольшой круглый железный «щит», который рассыпался на мелкие куски. Один из найденных сосудов передан экспедиции. Это сероглиняный кувшин с невысоким горлом, выпуклым в верхней части туловом, сужающимся к плоскому дну (рис. 28—2). Ручка двуствельная, с горизонтальным налетом в верхней части. По форме кувшин типичен для сарматской эпохи и должен быть датирован I—II вв. н. э.

При обследовании экспедицией территории могильника погребений обнаружить не удалось. В осыпях найдена только небольшая лепная круглодонная чашечка серовато-красичневой глины (рис. 27—6), а на краю оврага — фрагмент лепной лощеной чашечки со слегка отогнутым наружу венчиком и закругляющимся дном. Под венчиком нанесен резной орнамент, состоящий из пучков грубо прочерченных вертикальных линий и пояса с перекрещивающимися линиями, идущего по окружности на месте перехода плечиков в тулово (рис. 27—7). По форме, характеру выработки и орнаменту чашечка относится к раннескифскому времени.

На левой высокой террасе р. Урупа, против станицы Удобной, экспедицией обследованы два небольших укрепления и два городища. Укрепления расположены на вершинах отдельных возвышенностей и с напольной стороны защищены рвом и валом. Культурный слой на них почти не прослеживается и только на поверхности встречаются мелкие фрагменты керамики I—II вв. н. э. Первое из обнаруженных городищ находится близ хутора Лазарчук, на расстоянии 1 км к северу. Площадь городища возвышена, но не имеет четко

выраженных границ. В отвесных обрывах террасы местами обнажается культурный слой, достигающий толщины 2—2,4 м.

Собранный керамический материал в основном датируется первыми веками нашей эры, но встречаются также фрагменты лепных лощеных сосудов, которые должны быть отнесены к более раннему времени. Второе городище, зарегистрированное еще К. Е. Горбом, расположено на окраине хутора Романчук, у места впадения в р. Уруп речки Воровской. Наиболее ранний слой на нем характеризуется наличием лепной лощеной керамики раннескифского типа и должен быть датирован VI—V вв. до н. э. Верхние слои относятся к сарматскому времени. Таким образом, обнаруженные в районе станицы Удобной городища и грунтовые могильники с ранее зарегистрированными городищами по течению р. Урупа позволяют говорить о том, что вся долина р. Урупа в скифо-сарматское время была заселена оседлыми земледельческими племенами. Собранные здесь материалы типичны для меотосарматской культуры Прикубанья.

С. Н. ОРЛОВ

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ РАННЕСЛАВЯНСКИЙ
ГРУНТОВОЙ МОГИЛЬНИК В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

В 1950 г. при рытье котлована под овощехранилище в северной части поселка Старая Ладога, около южной стены ограды бывшего Успенского монастыря, в грунте были обнаружены человеческие кости и древние вещи. Земляные работы были взяты нами под наблюдение; в результате зафиксировано 11 погребений (10 труположений и 1 трупосожжение), составлявших 2 группы; в северной части котлована открыто 6 погребений и около юго-восточной стенки котлована — 5.

Общие размеры котлована составляли $12 \times 32,5$ м, глубина его — 1,5 м. Постоянные наблюдения дали возможность зафиксировать все встреченные на этой площади захоронения и собрать относящиеся к ним вещи.

Погребения находились в грунтовых ямах на глубине 0,8—1,2 м от современной поверхности. Могильные пятна сверху проследить было невозможно, так как они были перекрыты культурным слоем более позднего поселения, которое, судя по находкам, возникло здесь не позднее XII в.¹

Ориентация костяков различна: пять из них были положены головой на запад, один — на юго-запад, один — на юг, один — на юго-восток и два — на северо-восток. Пять погребений детских, остальные — взрослых; два из них, судя по вещам, — женские.

Культурный слой поселения, перекрывающего могильник, состоит из темносерой земли, насыщенной пережженным колотым камнем и осколками кирпичей. Встречались отдельные прослойки золы и угля. В среднем толщина культурного слоя — 0,4—0,5 м, но в южном конце котлована наблюдалось понижение материка, и культурный слой достигал здесь 1,2 м. Все погребения залегали на глубине 0,5—0,6 м от поверхности материка; на его фоне хорошо прослеживались контуры могильных ям. Предположить, что над могилами могли быть курганные насыпи, невозможно, так как никаких следов насыпей или ровиков, окружавших курганы, не наблюдалось. Ниже приводим описание погребений в отдельности.

Погребение 1 расположено в северо-западном углу котлована на глубине 0,55 м от поверхности материка и 0,80 м от современной поверхности. Костяк ориентирован головой на запад. На дне ямы и по бокам отмечены остатки гроба в виде коричневой трухи сгнивших досок, а от углов гроба уцелели кованые четырехгранные железные гвозди с широкой шляпкой.

¹ В культурном слое поселения собрано большое количество обломков глиняных горшков, сделанных на гончарном круге, и ряд мелких железных изделий. Интересно отметить находку глиняной обожженной игрушки в виде яйца. Внутренняя часть ее пустая и там помещен шаркунок. Снаружи игрушка украшена прорезным орнаментом, а в широком конце — 5 отверстий.

Около ног скелета стояли пустой глиняный горшочек, сделанный на ручном гончарном круге и украшенный линейными бороздками по тулову (рис. 30—3). Высота горшка — 9,2 см, наружный диаметр горла — 11,5 см, дна — 6,5 см. Снаружи на дне хорошо заметно круглое вдавление от кружка-подставки ручного гончарного круга. В области грудной клетки найдена бронзовая подковообразная фибула со спиральными завитками на концах¹. Диаметр фибулы — 2,9 см. Игла подвижная, длиной 3,8 см. Фибула изготовлена из бронзового стержня (толщиной 2,5 мм), уплощенного с нижней стороны (рис. 31—1). Тут же обнаружены два бронзовых бубенчика

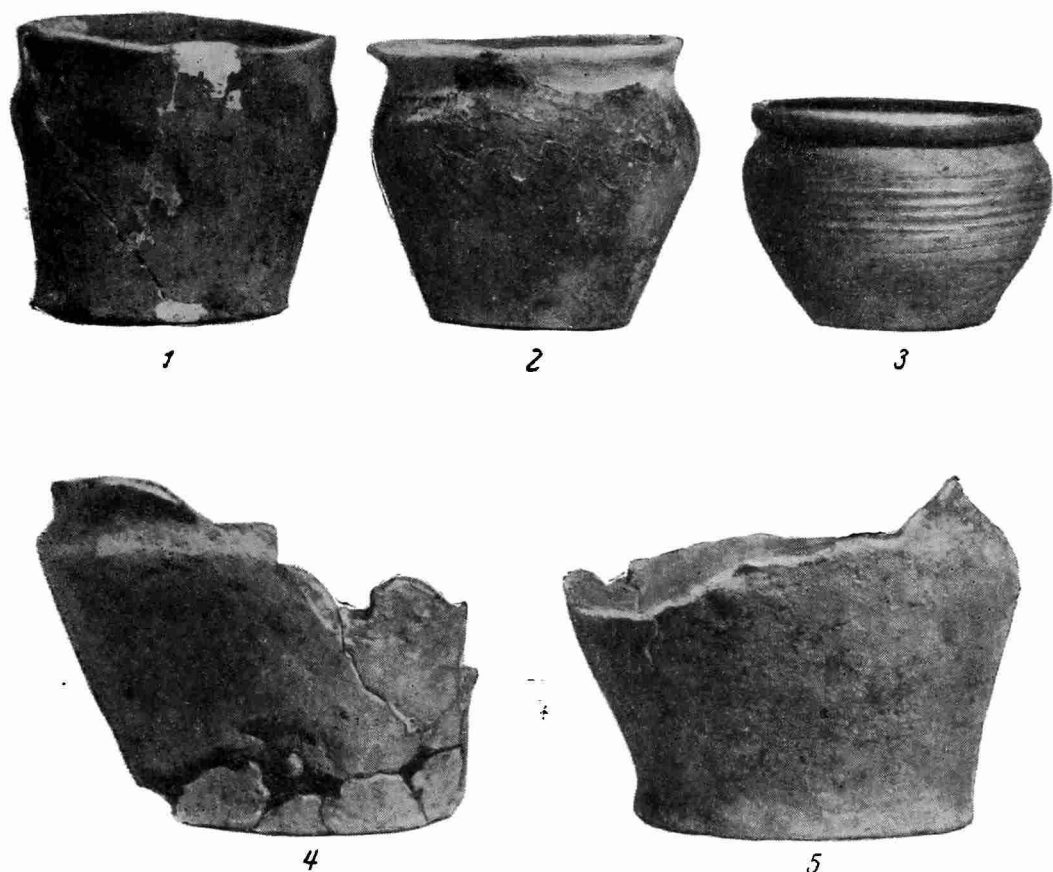

Рис. 30. Глиняные горшки из грунтового могильника в Старой Ладоге.
1 — из погребения 6; 2 — из погребения 8; 3 — из погребения 1; 4 — из погребения 7;
5 — из погребения 3.

с крестовидной прорезью и рубчатым орнаментом в нижней части. Высота бубенчика — около 2 см, ширина — 1,8 см. Один бубенчик целый и внутри него укреплен шаркунок (рис. 31—3, 4).

Погребение 2 обнаружено к югу от первого, на расстоянии 1,5 м. Костяк, ориентированный головой на запад, находился на глубине 0,50 м от поверхности материка и 0,75 м — от современной. Судя по костям, погребен взрослый человек. Отмечены следы гроба. Могила была потревожена до организации надзора, и вещей никаких не найдено.

Погребение 3 — детское (3—5 лет) — находилось на глубине 0,55 м от поверхности материка и 0,80 м — от современной. Кости скелета, ориентированного на запад, сохранились плохо. Остатки гроба не прослеживались. Около ног найден раздавленный лепной глиняный горшок. Стенки его глад-

¹ Весь описанный в настоящей статье материал из могильника передан на хранение Новгородскому музею в 1954 г.

кие, без орнамента (рис. 30 — 5). Высота горшка — 10 см. В горшке лежала костяная лопаточка, сделанная из лопаточной кости некрупного животного. Длина лопаточки — 5 см, ширина — 3,5 см.

Погребение 4 обнаружено на глубине 0,65 м от поверхности материка и 0,95 м от современной. Костяк ориентирован головой на запад. Погребение женское, хорошей сохранности, но череп был сбит при земляных работах, а ступни ног и часть берцовых костей срезаны траншеей военного времени. Остальная часть скелета находилась на месте; костяк лежал на спине, руки сложены на бедрах и скрещены. На шее найдены 6 бус, из них

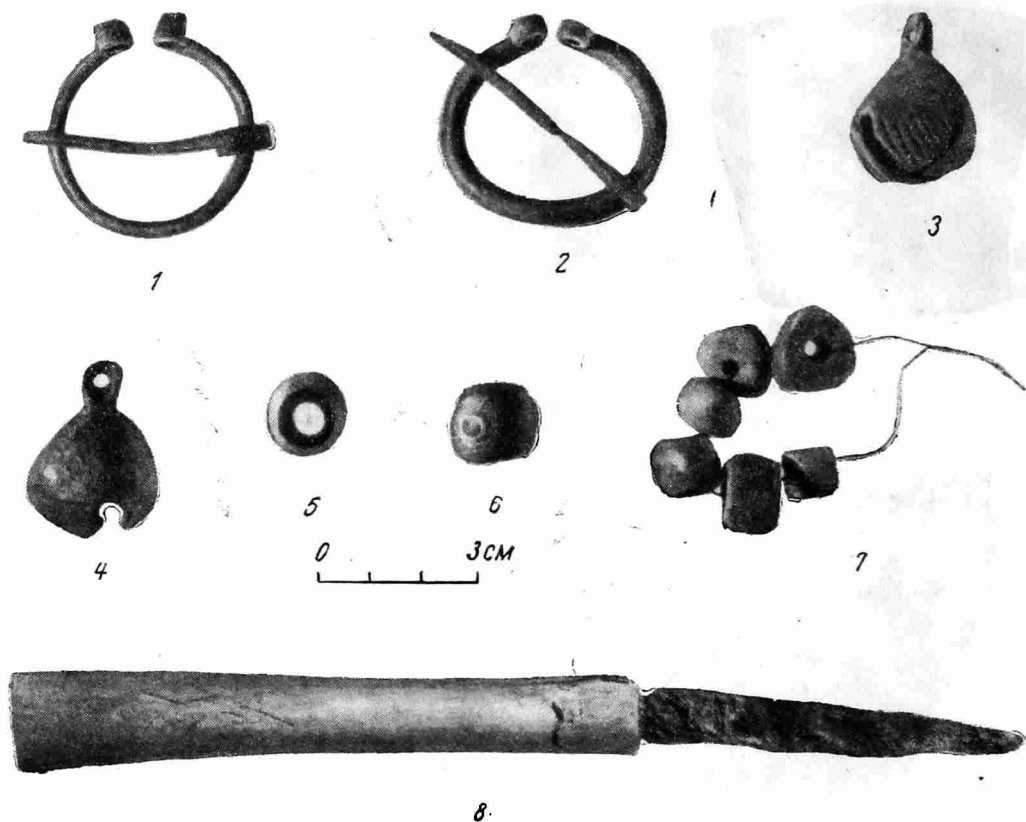

Рис. 31. Вещи из грунтового могильника в Старой Ладогe.

1, 2 — бронзовые фибулы из погребений 1 и 4; 3, 4 — бронзовые бубенчики из погребения 1; 5 — синяя стеклянная бусина из погребения 9; 6 — пастовая бусина с глазками из погребения 7; 7, 8 — бусы и железный нож с костяной рукояткой из погребения 4.

три — из кирпично-красной пасты с тремя желтыми вставками, две — бочкообразные и обломок цилиндрической бусины из серой пасты (рис. 31 — 7). У левой ключицы обнаружена бронзовая подковообразная фибула, аналогичная предыдущей, со спиральными завитками на концах. Внешний диаметр фибулы — 3,8 см, длина подвижной иглы — 3,5 см. Фибула изготовлена из бронзовой круглой проволоки диаметром 2 мм (рис. 31 — 2). На фаланге среднего пальца левой руки сохранилось бронзовое разомкнутое кольцо диаметром 2,5 см. Кольцо изготовлено из пластинки, по наружной стороне которой идет утолщение типа ребра. На груди, в области лучевой кости, найден железный нож с костяной ручкой. На одной стороне ручки нанесена гравировка в виде отдельных косых линий (рис. 31 — 8). Глиняный горшок не обнаружен; очевидно, он стоял в ногах, в разрушенной траншеей части могилы.

Погребение 5 (трупосожжение) находилось в овальной яме длиной около 1,5 м, шириной 0,95 м, глубиной 0,60 м от поверхности материка и 1 м — от современной. Дно ямы было заполнено углистой массой, переме-

шанной с пережженными костями человека и лошади. Некоторые кости лошади не сгорели полностью, лежали в полуобугленном состоянии и были вполне определимы. Слой углистой массы с костями достигал 0,3 м. Погребение наполовину было срезано земляными работами; удалось расчистить только половину ямы. При разборке в углистой массе найдено 6 серебряных бляшек от поясного набора, три из них квадратные, две — в форме сердечка и одна — продолговатая (от наконечника). Все бляшки с обратной стороны имеют по 3 или 4 шпенька для прикрепления к ремню. С наружной стороны бляшки украшены типичным для них растительным орнаментом, нанесенным гравировкой (рис. 32 — 1—4). Кроме целых (но попорченных огнем), собрано 15 фрагментов от расплавленных бляшек подобных же типов. Обнаружены железный шип и остатки перегоревшей кольчуги в виде небольших слитков сплавившихся и скислившихся колец. Внешний диаметр кольчужных

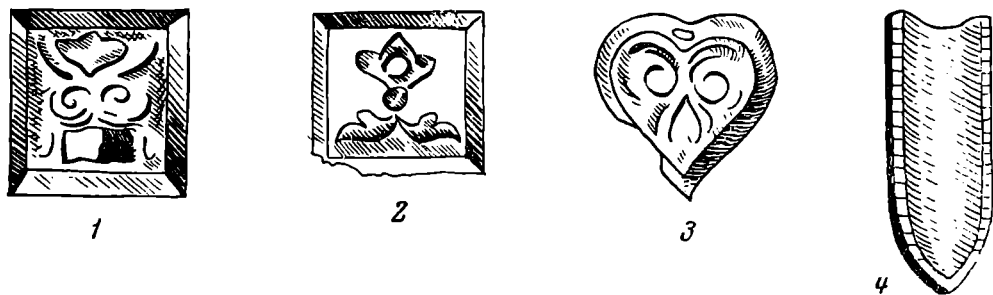

Рис. 32. Прорисовка орнамента на бляшках из погребения 5 грунтового могильника в Старой Ладогe.

колец — 1 см, толщина проволоки, из которой сделаны кольца, — 1,5 мм. Всего найдено 14 колец и их остатков.

Как удалось установить, сожжение было совершено на стороне, а пережженные кости с углистой массой и некоторой частью вещей, попавших, вероятно, случайно, были похоронены в грунтовой яме на кладбище. Судя по вещам (остаткам кольчуги, набору поясных бляшек, железному шипу) и наличию костей сожженной вместе с человеком лошади, можно заключить, что здесь был погребен воин — дружинник X в.

Погребение 6 расположено на глубине 0,7 м от поверхности материка и 1,1 м — от современной. Скелет грудного ребенка сохранился очень плохо. В ногах у скелета (ориентированного на юг) стоял глиняный лепной горшок, высота которого — 11 см, внешний диаметр тулова — 11 см, дна — 10 см. Стенки гладкие, без орнамента (рис. 30 — 1). По форме, обжигу и составу глины горшок совершенно идентичен лепным горшкам из нижних слоев VII—IX вв. Земляного городища Старой Ладogi¹. Вещей не найдено.

Погребение 7 (детское) обнаружено на глубине 0,5 м от поверхности материка и 0,8 м — от современной. Костяк ориентирован головой на юго-запад. Ступни ног и берцовые кости разрушены при земляных работах, череп раздавлен. Около черепа лежал вверх дном раздавленный лепной глиняный горшок. Высота его — 10 см; стенки гладкие, без орнамента (рис. 30 — 4). Около шеи найдена пастовая светлозеленая бусина с 3 темными глазками, обведенными полоской кирпичного цвета, перевитой белым жгутиком. Диаметр бусины — 1 см, форма цилиндрическая; высота — 1 см (рис. 31 — 6).

Погребение 8 (0,4 м от поверхности материка и 1,2 м — от современной) — детское, ориентировано головой на северо-восток. В головах стоял глиняный горшок, сделанный от руки с подправкой на гончарном круге. По

¹ Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi. СА, XIV, 1950, стр. 187—201.

тулову нанесен густой волнистый орнамент. Высота горшка — 12 см, внешний диаметр тулова — 12 см, дна — 8 см (рис. 30 — 2). Вещей при погребении не найдено.

Погребение 9 (0,6 м от поверхности материка и 1,1 м — от современной) — детское, ориентировано на северо-восток. Сохранность костей очень плохая. Около шейных позвонков найдена синяя стеклянная бусина биконической формы (рис. 31 — 5).

Погребение 10 (0,6 м от поверхности материка и 1,1 м — от современной) разрушено траншеей военного времени. Уцелели только берцовые кости и кости ступни взрослого человека. Вещей не найдено.

Погребение 11 вскрыто частично. Расчищены только кости ступни, вся остальная часть погребения уходит под западную стенку котлована.

Кроме описанных погребений, в этом же районе при различных земляных работах неоднократно встречались черепа и кости скелетов.

Нет сомнений, что здесь находился грунтовой раннеславянский могильник. Подобные по обряду погребений и по вещам могильники хорошо известны на территории новгородских славян; это могильник, находящийся в 12 км от Старой Ладogi, на территории современного города Волховстроя, раскопанный Н. Е. Бранденбургом¹, Федоровский, материалы которого опубликованы А. А. Спицыным², и Нередицкий около Новгорода³.

Дата могильника определяется вещами, найденными в погребениях. Например, бронзовые подковообразные фибулы небольших размеров со спиральными завитками постоянно попадаются в славянских погребениях X—XI вв.⁴ Бронзовые бубенчики чаще всего встречаются также в погребениях X—XI вв. Бусы пастовые с глазками и синяя стеклянная бусина тоже датируются не позднее X—XI вв. Бляшки поясного набора относятся к наиболее ранним предметам и датируются не позднее X в., причем полную аналогию им по форме и орнаменту мы находим в поясном наборе из погребения, раскопанного С. В. Киселевым в районе Алтая и датированного VII—IX вв.⁵ Глиняные горшки из погребений, сделанные на гончарном круге, также относятся к ранним формам, не говоря уже о лепных сосудах (рис. 30).

Все это в целом дает основание датировать погребения с труположением не позднее конца X в.—XI в.

Погребение воина (трупосожжение вместе с конем), судя по бляшкам поясного набора, необходимо отнести ко времени не позднее X в.

Могильник, псевдимоу, занимает большую площадь. Значение его для освещения истории Ладogi и Южного Приладожья неоспоримо, и исследование этого памятника должно быть продолжено. Здесь необходимо организовать планомерные археологические раскопки.

¹ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895.

² А. А. Спицын. Старейший русский могильник в Новгородской области. ИАК, вып. 15, 1905.

³ Могильник был открыт при сооружении насыпи железной дорсги. Материал хранится в Русском музее. Среди вещей XI—XII вв. есть предметы XIV—XV вв.; очевидно, ранние комплексы перемешаны с более поздними. ИАК, вып. 6, 1904, стр. 158.

⁴ В. И. Си з о в. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб.; Н. Е. Бранденбург. Указ. соч.

⁵ С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. СА, I, 1936.

Э. А. СИМОНОВИЧ

ПОГРЕБЕНИЯ X—XII вв.
КАМЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В поселке Каменка, Запорожской области, в 1952—1953 гг. Скифская степная экспедиция (под руководством Б. Н. Гракова) предприняла раскопки могильника. Были обнаружены погребения двух эпох: II—III вв. н. э., черняховской культуры, и средневековые погребения X—XII вв. Могилы позднего времени составляли подавляющую часть захоронений; из 92 вскрытых могил 83 относятся к группе поздних. Интерес к ним обусловлен не только слабой изученностью памятников, принадлежавших населению поднепровских степей домонгольского времени. Самый факт существования грунтового бескурганного могильника обращает на себя внимание; подобные в поднепровской степи еще не встречались. Все погребения кочевников, насколько это известно из специальной литературы, происходят из курганов¹.

Могильник в поселке Каменка располагался на обрывистом берегу р. Конки — притока Днепра. С севера естественным рубежом могильника служил береговой срез, с запада — глубокая, впоследствии засыпанная, ложбина; могильник продолжается на восток и юго-восток от раскопанной площади.

Погребения размещены от обрыва берега к югу неправильными рядами, расстояния между которыми колеблются от 1 до 2,5 м. Следов насыпей, позволяющих предполагать существование распаханых или срытых курганов, — нет. Случаи повреждения или перекрытия одного погребения другим встречались как исключение (погребения 25 и 27, 63 и 64, 76 и 77)². Очевидно, каждое погребение было отмечено на поверхности каким-то надгробием или небольшой насыпью. Над некоторыми были навалы из крупных камней до 1 м длиной; они когда-то, видимо, лежали на уровне древней дневной поверхности, обозначая могилы (погребения 11, 13, 17, 44).

Типичная особенность обряда погребения — ориентировка: все костяки, за исключением трех (погребения 9, 65, 82), обращены головой на запад с сезонными отклонениями к югу и северу. Все они лежат на спине; ноги обычно вытянуты; положение рук неустойчиво: иногда они вытянуты вдоль боков, иногда положены на живот или таз или же скрещены на груди. Характерна незначительная глубина захоронений, в среднем около 1,2—1,6 м. Могильную яму кончали копать сразу же, как только начинался материковый песок. Детские захоронения зарыты еще мельче. Их находили на

¹ Например, см. авторефераты диссертационных работ: Л. П. Зяблин. Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы. М., 1952; С. А. Плетнева. Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. М., 1952; З. М. Шаропова. Половцы. М., 1951.

² Несколько погребений повреждено современными канавами и ямами или разрушено в результате размыва берега.

глубине 0,8—1 м. Около 60% погребений лишено инвентаря; остальные сопровождают небольшое количество вещей, причем керамика отсутствует.

Встречены, главным образом, мелкие вещи личного обихода: железные ножи разных размеров (рис. 33—10), пряжки (рис. 33—2, 3), кресала овальной формы (рис. 33—15, 16) и с загнутыми, несмкнутыми концами; украшения — бронзовые серьги в виде вопросительного знака или колечка (рис. 34—11—15), стеклянные и пастовые бусы (рис. 34—1—10). В могилах подростков находили астрагалы баранов, служившие для игры (в погребении 75 одна из 11 «бабок» была дважды просверлена; рис. 34—19). Кроме того, в некоторых могилах обнаружены железные скобки и обоймы, иногда, повидимому, скреплявшие какие-то крупные предметы (длина их — до 8,5 см; рис. 33—12—14). Дерево в песчанистой почве не сохранилось, поэтому трудно установить, что это были за вещи. В одном случае (погребение 14) железные скобки и обоймы лежали на прямой линии справа от костяка, в другом — под тазовыми костями (погребение 16), в третьем — концентрировались в ногах (погребение 18).

Обоймы и скобки нельзя считать за остатки от истлевших гробов. Расположение их в могиле асимметрично; к тому же для скрепления гробов обоймы непригодны, и ямы чаще всего были овальной формы, а не прямоугольные. Скорее эти обоймы и скобки можно считать остатками каких-то футляров или ножен.

Редкими вещами в погребениях являются бронзовый витой браслет и крестик¹ из детских погребений (рис. 34—17, 18).

Иногда в могилы клали орудия труда. В женском погребении 69, возле правого локтя, между рукой и ребрами, найдены железные шарнирные ножницы (рис. 33—20) и костяной игольник в виде трубочки с остатками железных игл (рис. 33—21).

В погребении 92, мужском, возле стопы правой ноги обнаружен рыболовный крючок крупного размера (рис. 33—18), у пояса — нож с остатками дерева от ножен (рис. 33—9) и кольцо для подвешивания их к поясу (рис. 33—4). Под кистью правой руки лежало кресало с согнутыми в кольца концами (рис. 33—19).

В мужском погребении 91 к орудиям труда, помимо ножа, можно отнести два массивных железных стержня с кольцами на концах (рис. 33—17). Интересна находка здесь же наколенника в виде четырехугольной бронзовой выпуклой пластинки, украшенной перекрещивающимися линиями, выполненными наколом (рис. 33—8). Под тазовыми костями среди обломков железных предметов (пряжка, нож) обнаружена свинцовая овальная подвеска (рис. 34—16).

О частых опасностях, которым, повидимому, подвергались жители, оставившие могильник в Каменке, свидетельствуют находки в могилах 80 и 90.

В женском погребении 80, под верхними ребрами скелета, в правой стороне груди, найден сильно окислившийся железный наконечник черешковой стрелы с остатками дровца. Инвентарь захоронения довольно обычен: слева у кисти лежали железный нож и две железные скобки (рис. 33—12), по обе стороны головы — серьги в виде бронзового колечка с прямым стержнем, обмотанным проволокой (рис. 34—14).

В мужском погребении 90 костяк лежал вытянуто, со сложенными на животе руками. Захоронение не содержало инвентаря. Найден лишь наконечник стрелы. Он застрял сзади в левой половине тазовой кости (рис. 33—11).

В обоих случаях стрелу, повидимому, не сумели извлечь. О форме наконечника стрелы, найденного в погребении 80, вследствие действия окислов су-

¹ См. сведения Рубрука о двоеверии у половцев — «Путешествие в восточные страны». СПб., 1911, стр. 212.

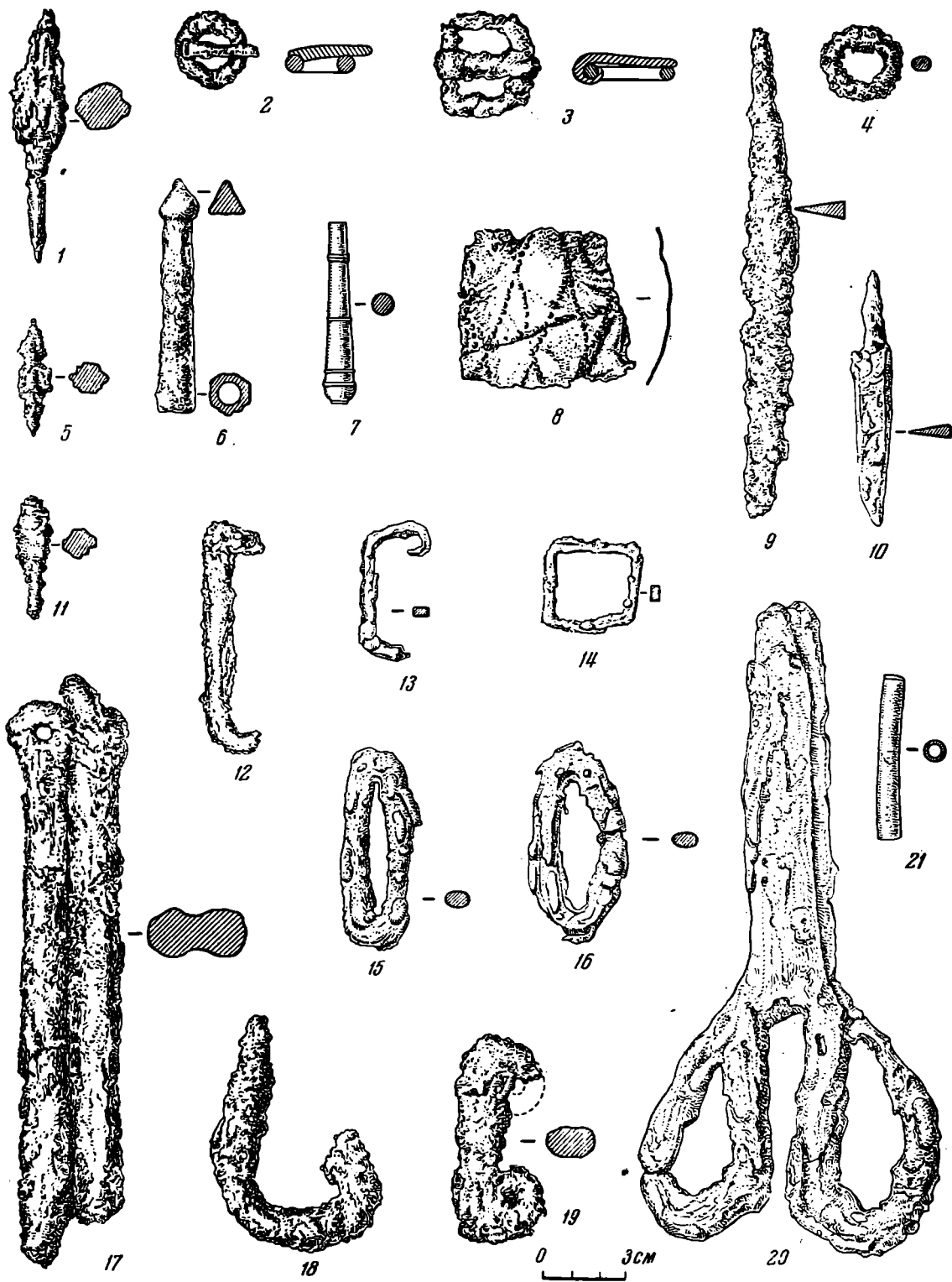

Рис. 33. Вещи из погребений Каменского могильника.

1, 5, 11 — наконечник стрелы; 2, 3 — железные пряжки; 4 — кольцо от ножен; 6 — наконечник дротика; 7 — костяная рукоятка; 8 — наколенник; 9 — нож с остатками ножен; 10 — железный нож; 12—14 — скобы, обоймы; 15, 16, 19 — кресала; 17 — железный стежень; 18 — рыболовный крючок; 20 — ножницы; 21 — игольник. (Распределение вещей по погребениям: 1, 3, 5—7 — из погребения 82; 2, 8, 17 — из погребения 91; 4, 9, 18, 19 — из погребения 92; 10 — из погребения 27; 11 — из погребения 90; 12 — из погребения 80; 13 — из погребения 14; 14 — из погребения 18; 15 — из погребения 27; 16 — из погребения 35; 20, 21 — из погребения 69).

дить трудно. В могиле 90 он сохранился лучше. Наконечник этот по своей массивности очень близок лежавшим в колчане (погребение 82).

Дату могильника помогают установить погребения 78 и 82, которые заслуживают подробного описания.

Погребение 78 — женское. Скелет ориентирован головой на запад, лежал вытянуто; кисти рук положены на таз. В тазовых костях найдены

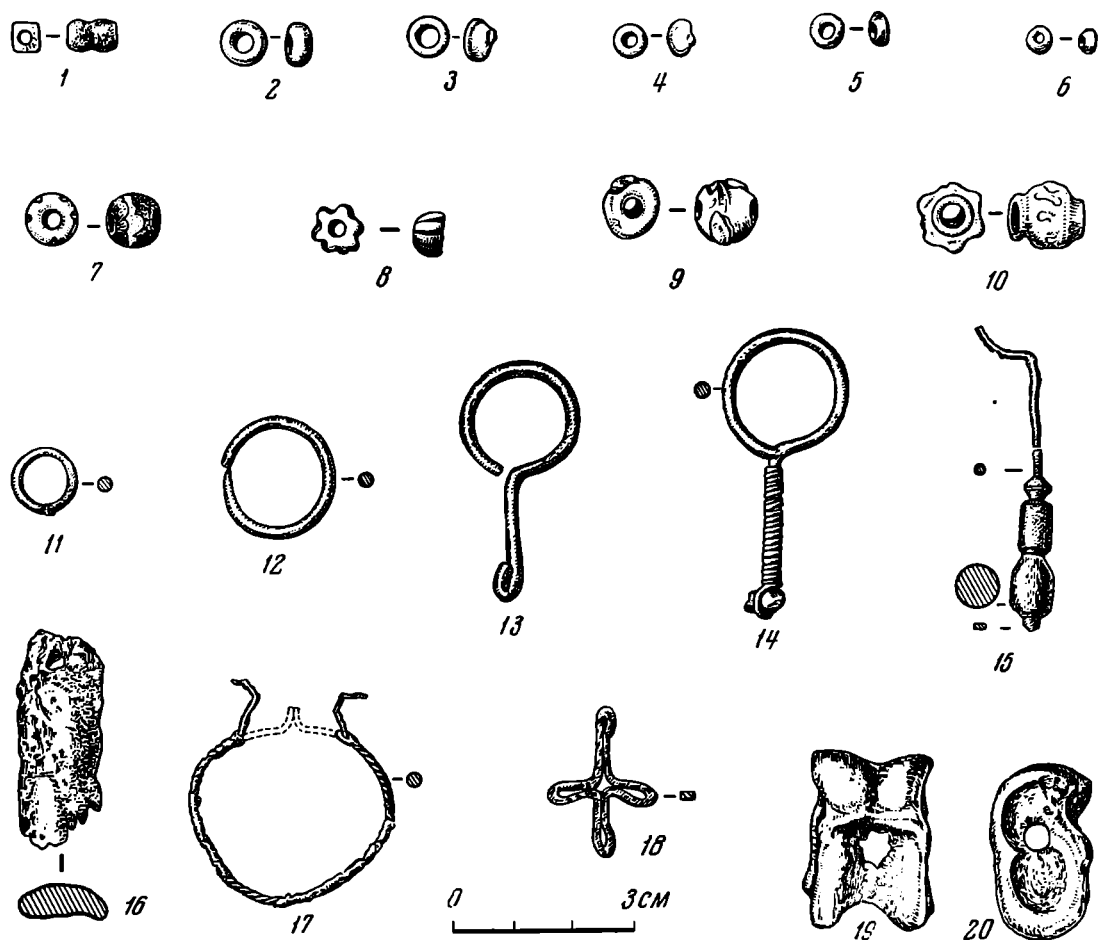

Рис. 34. Вещи из погребений Каменского могильника.

1—10 — бусы; 11—15 — бронзовые серьги; 16 — подвеска свинцовая; 17 — витой браслет; 18 — крестик; 19 — просверленный астрагал (бабка); 20 — тот же астрагал, вид сбоку. (Распределение вещей по погребениям: 1, 15 — из погребения 29; 2, 5, 6, 9, 11 — из погребения 37; 3, 4, 10 — из погребения 1; 7, 8, 18 — из погребения 58; 12, 16 — из погребения 91; 13 — из погребения 85; 14 — из погребения 80; 17 — из погребения 57; 19 — из погребения 75).

косточки младенца. Справа у локтя лежал железный нож. Под кистями лучевой и локтевой кости той же руки обнаружено бронзовое зеркало (рис. 35). Отражающей поверхностью оно было обращено кверху, может быть, для отпугивания от могилы злых духов — способ устрашения, применявшийся, например, в Китае с древнейших времен¹.

Зеркало круглое, диаметром 11 см. В центре тыльной стороны — шлемовидный выступ-ручка; кругом него размещен рельефный узор: по приподнятому выступающему краю диска шел ряд полусферических выступов; поверхность диска разделена валиком на два круга: внешний — с изображениями зверей и растений, среди которых видны виноградные лозы, и внутренний — с фигурами четырех животных, бегущих друг за другом.

¹ V. Reinecke. Chinese Art: bronzes, III (mirrors), Apollo, 1944, Sept., стр. 63, 65; F. Hirth. Chinese metallic mirrors. New York, 1906, стр. 229 и сл.

Полная аналогия находке обнаружена при просмотре древних зеркал из Китая. На Выставке китайского искусства в Берлине в 1929 г. было экспонировано бронзовое зеркало из собрания Х. Хардта. Диаметр зеркала — 12,7 см. На зеркале высоким рельефом изображены растительные завитки с гроздьями винограда и звери, бегущие вслед друг другу¹. Соответствие

Рис. 35. Бронзовое зеркало из погребения 78 Каменского могильника.

находке в Каменке прослеживается вплоть до деталей. Существование подобных зеркал относится ко времени Танской династии (618—906 гг. н. э.).

Следовательно, зеркало, найденное в Каменке, принадлежит к произведениям китайского искусства или, вероятнее, является копией одного из китайских зеркал. На нашей территории подобные зеркала могли, конечно, употребляться в более поздние времена, чем в Китае².

Погребение 82 — мужское. Скелет ориентирован головой на северо-восток—восток. Ноги вытянуты, кисти рук положены на таз. Вещей много. Все они сосредоточены в восточной стороне могильной ямы. Возле головы

¹ Ausstellung chinesischer Kunst. Berlin, 1929. Würzel-Verlag, 1929, стр. 184, № 454.

² Примеры долгого бытования зеркал приводит А. П. Окладников — см. СА, XIII, 1950, стр. 171.

Рис. 36. Костяная накладка от колчана из погребения 82 Каменского могильника.

и руки лежали длинная кость барана и астрагалы; у таза — железный нож и костяная рукоятка от шила, изготовленная, возможно, на токарном станке (рис. 33—7)¹.

Наиболее интересен расширяющийся книзу колчан половецкого типа. Длина колчана — 60 см, ширина сверху — 14 см, внизу — 20 см. К нему относятся пряжки (рис. 33—3), кольца и остатки железной цепи (?), на которой он подвешивался. В колчане, изготовленном из дерева или бересты и в верхней части украшенном орнаментированными костяными пластинками, которые покрывали площадь 35 × 12 см (рис. 36), лежали стрелы (рис. 33—1, 5) с массивными, сильно окисленными железными наконечниками, обращенные остриями вверх и вниз; среди стрел оказался наконечник стрелы арбалета с цилиндрической втулкой и трехгранным острием (рис. 33—6).

Узкие железные полоски скрепляли нижнюю, несохранившуюся часть колчана. Такими же полосками были соединены и костяные накладки. Толщина смонтированных накладок — около 2 мм. Наружная сторона их была орнаментирована врезными линиями, причем только там, где поверхность не закрывалась соседними пластинами. Таким образом, это был не случайный набор украшенных пластин, а вся поверхность накладок колчана была орнаментирована в соответствии с единым художественным замыслом.

Поверхность накладки разделена на три поперечных яруса. Наверху, под полосой

¹ В словаре половецкого языка (*Codex Sumanicus*), относящемся к домонгольскому времени, имеется слово *sigrigzi*, означающее «токарь»; указывающее на знакомство населения степи с токарным ремеслом.

стилизованного растительного орнамента и полосой из примыкающих друг к другу кружков, изображены фигуры трех оленей (стоя, в профиль, влево) с головами, повернутыми назад. Наиболее широкий центральный ярус, так же как и верхний, выделен параллельными полосками из примыкающих друг к другу кружков. На двух боковых пластинках вырезаны завитки растительного узора; на центральной изображены, в той же манере, что и наверху, лежащий олень и по продольной оси пластинки, мордой к оленю, — какое-то чудовище. У него длинная пасть, разной величины рога, кошачьи, плавно изгибающиеся лапы с когтями и раздвоенный, как у рыбы, хвост. В нижнем ярусе, заключенном в такое же обрамление, как и верхние, по бокам помещены фигуры осевших на круп оленей (?), посередине — зверь (стоя, в профиль, влево) с круглой мордой, рогами и загнутым хвостом, заканчивающимся над спиной трилистником.

Туловища зверей по краю или сплошь покрывают маленькие ямки, или группы ямок. Звери изображены на фоне сетчатой штриховки. Возле рогов и ног некоторых животных помещены циркульные кружки. Окаймляющие по бокам складку две узкие полоски также украшены врезанными линиями и кружками с углублением посередине.

Описанная находка является превосходным произведением костяного искусства.

В коллекциях Государственного Эрмитажа имеются орнаментированные костяные пластинки из раскопок П. П. Грекова и Н. Е. Макаренко у с. Гусевки, б. Саратовской губернии¹, и Ф. Д. Нефедова из кургана № 2 у поселка Мертвецкого (близ Лимана), б. Оренбургской губернии². Эти пластинки только по характеру врезанных орнаментальных завитков слегка напоминают находку в Каменском могильнике.

Больше сходных черт можно найти в костяных обкладках из кочевнических курганов, раскопанных в б. Екатеринославской губернии. В. А. Городцов, списывая результаты работ в Бахмутском уезде, опубликовал обломки накладки колчана со стилистически близкими изображениями зверей (оленей) и узоров³.

В Поднепровье найдены узорные костяные пластинки в кургане III у с. Воропая, вероятно, как предполагал Д. Я. Самоквасов, украшавшие седло⁴. Производивший раскопки на левобережье Днепра Д. И. Эварницкий упоминает берестяные или костяные колчаны с вырезанными на них фигурами⁵.

Во время подготовки настоящей работы к печати были опубликованы новые находки: обломки колчанов из курганных погребений поздних кочевников (погребения вскрыты в Сталинградской области у сел Политотдельского и Бережновки) близки по стилю и композиции накладкам из могильника в с. Каменке. В особенности велико сходство в изображении зверей на костяных пластинках обкладки колчана из кургана № 5 второго Бережновского могильника⁶.

Богато орнаментированные костяные пластинки на колчанах, по заключению Л. П. Зяблина и С. А. Плетневой, встречаются в поздних комплексах,

¹ Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, XI, 1899, стр. 312.

² Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях, произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГР, III, М., 1899, табл. 2; см. коллекции Государственного Эрмитажа № 847/1—3 и № 933/61.

³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1905 года. Труды XIII АС, 1907, т. I, стр. 272, рис. 71.

⁴ Д. Я. Самоквасов. Могила Русской земли. М., 1908, стр. 240.

⁵ Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии. Труды XIII АС, т. I, 1907, стр. 115.

⁶ К. Ф. Смирнов. Работы первого нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, 55, 1954, стр. 73, рис. 25—2; И. В. Синицын. Археологические исследования заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, 55, стр. 93, рис. 38.

которые связываются с половцами. Время существования памятников с подобными находками — 2-я половина XI в.—1-я четверть XIII в.¹ С. А. Плетнева, говоря о группе половецких погребений с восточной ориентировкой, считает, что в них встречаются вещи и более позднего времени, к которым она относит, например, «вопросообразные» серьги².

Таким образом, бронзовое зеркало и такая характерная находка, как костяная обкладка колчана, в совокупности с другими вещами из погребений как будто свидетельствуют о длительном существовании могильника — в течение двух-трех столетий, предшествовавших монгольскому завоеванию³.

После изучения материалов стало уже совершенно ясно, что сходство отдельных или даже многих вещей Каменского могильника с инвентарем погребений кочевников не позволяет полностью сблизить оба комплекса из-за существенных отличий. Эти отличия состоят прежде всего в том, что могильник в Каменке — бескурганый грунтовой, в котором нет погребений в гробах или колодах, и, главное, в могилах нет принадлежностей конской сбруи — остатков седел, стремян, удил и костей коня.

Антропологические материалы, по заключению Г. Ф. Дебеца и Т. С. Кондукторовой, находят аналогии в Зливкинском могильнике и погребениях Саркела. Следовательно, антропологический тип погребенных восходит к европеоидному сармато-аланскому населению степей⁴. Правда, в отдельных случаях у погребенных в Каменке прослежены монголоидные признаки, приобретенные, повидимому, в результате смешения древнего населения с кочевниками-монголоидами. Интересно, например, что погребение 19, необычно ориентированное головой на северо-восток, отмечено чертами монголоидности.

Приведенные антропологические параллели в какой-то мере подтверждаются археологическими материалами из погребений Зливкинского могильника, где костяки, так же как и в Каменке, ориентированы головой на запад. Лежали они на спине, с вытянутыми ногами и по-разному уложенными руками. Среди инвентаря — железные ножи, стрелы, кресала, бронзовые украшения, стеклянные и пастовые бусы⁵.

Некоторые особенности отличают могильник в Каменке. Там в погребениях, например, нет сосудов и почти нет костей домашних животных, что, может быть, объясняется разницей во времени существования обоих памятников.

Линия непрерывного развития, намечаемая по антропологическим данным и в какой-то степени подтвержденная археологически, требует объяснения. В степи, повидимому, сменялись только основные племена кочевников (хазары, печенеги, половцы). Поколения потомков древнего населения степей при этом оставались, подвергаясь ассимиляции пришлыми племенами и постепенно меняя свой культурный облик⁶. Видимо, именно это население в предмонгольский период переходит уже к оседлому или полuosедлому образу жизни (отгонное скотоводство). О внутренних предпосылках к такому переходу в среде потомков древнего населения степей свидетельствуют и находки из могильника в поселке Каменка, существовавшего длительное время.

¹ Л. П. Зяблин. Указ. соч.

² С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 11.

³ Аналогичные «вопросообразные» серьги и овальные кресала в комплексах XIII—XIV вв. из курганов в северных районах не могут служить опорой для датировки. На севере обычно те же культурные явления, что и на юге, появляются в более позднее время.

⁴ Г. Ф. Дебец. Черепи кочевников. «Антропология», III, Київ, 1929, стр. 91; его же. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 251—259.

⁵ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Труды XII АС, 1905, т. I, стр. 211.

⁶ В. А. Бабенко. Розповсюдження стародавньої Салтівської та схожих на неї культур в межах Східної Європи. Харків, 1926, стр. 6.

В. А. ОБОРИН

ПАМЯТНИКИ РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА ТАБОРЫ

(Из работ Камской археологической экспедиции)

Летом 1953 г. верхнекамским отрядом Камской экспедиции были исследованы у с. Таборы, Добрянского района, Молотовской области, три одновременных, но разных по типу археологических памятника — Лаврятское городище, Баяновское селище и Баяновский могильник, относящиеся к родановской культуре (IX—XV вв.) и находящиеся друг от друга не более чем в 1,5 км.

Нахождение одновременных разнотипных памятников на узкой территории дает возможность для более полной характеристики раннего этапа родановской культуры и для взаимного уточнения датировок этих памятников.

I

Лаврятское городище находится в 1,5 км к юго-востоку от с. Таборы, на левом берегу р. Вильвы, в 1 км к югу от бывшей дер. Лаврята. Оно расположено на «стрелке», образованной надпойменной террасой, на высоте 11 м над уровнем реки. Площадка его, занимающая около 3000 кв. м, ровная, с южной стороны защищена валом дугообразной формы длиной 45 м, шириной 9 м и высотой до 1,5 м. С напольной стороны вал достигает высоты до 5,5 м благодаря естественному поднятию террасы и искусственной подсыпке. К валу примыкает ров, почти заплывший, глубиной до 0,75 м.

Городище было обнаружено в 1879 г. Ф. А. Теплоуховым. Материал его небольших раскопок хранится в Молотовском областном музее. В 1938 г. М. В. Талицкий по этому материалу датировал Лаврятское городище X—XIII вв.¹ В 1951 г. оно было обследовано нами, собран подъемный материал, определены мощность и граница распространения культурного слоя, а в 1953 г. заложен раскоп (208 кв. м), примыкавший к юго-западному концу вала со стороны площадки².

Культурный слой (мощностью от 0,3 до 1,7 м) залегал под дерном и состоял в верхней части из темноокрашенной почвы с включением прослоек и пятен обожженной и необожженной глины. Нижняя часть (толщиной до 0,3 м) коричневатого цвета содержала углистые прослойки.

¹ И. А. Т а л и ц к а я. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы, МИА, № 27, 1952, стр. 132.

² В раскопках принимали участие студенты Молотовского университета.

Верхний и нижний слой различались не только по цвету, но и по характеру находок. В верхнем встречалась керамика, аналогичная керамике нижнего слоя Кыласова и Роданова городищ, которая датируется X в.¹ Это толстостенные, крупные сосуды с зашипами или насечками по венчику, с большой примесью крупно толченной раковины в глиняном тесте, с очень грубой обработкой поверхности и пальцевыми отпечатками на стенках сосудов (рис. 37—7). Кроме них, найдены сосуды другого типа — небольшие чаши с тонкими стенками, богато орнаментированные зубчатым и шнуровым орнаментом, с небольшой примесью раковины в тесте (рис. 37—8). В верхнем же слое обнаружены костяной гребень с головками двух коньков (рис. 37—1), орнаментированные кочедыки, шумящая арочная подвеска X—XI вв. (рис. 37—3) и другие вещи.

В числе находок из нижнего слоя — две круглые медные бляхи поздне-ломоватовского типа с изображениями животных, глиняная литейная форма для отливки колесовидной бляхи (рис. 37—6), а также фрагменты больших сосудов с малой примесью мелко толченной раковины, почти без орнамента, с зашипами по венчику и красноватым цветом наружной поверхности (рис. 37—9). Эта керамика находит ближайшие аналогии в позднеломоватовских памятниках VIII в. (Неволинский могильник², Бродовский могильник³, Зародятское селище⁴ и др.), но отличается почти полным отсутствием орнамента и преобладанием зашипов по венчику. Приблизительно ее можно датировать концом VIII в.—IX в. К этому же времени относятся и круглые бляхи-идолы⁵, а литейная форма для колесовидной бляхи датируется IX в. — не ранее⁶. На этом основании нижний слой городища мы датируем IX в., а верхний — X—XI вв. по аналогии с керамикой нижнего слоя Роданова и Кыласова городищ и по арочной шумящей подвеске⁷.

В западной части раскопа прослежено постепенное выклинивание нижнего культурного слоя, который вытеснялся слоем красной глины, смешанной с почвой. Этот слой шел ровной полосой параллельно склону городища. В нем расчищены столбовые ямы диаметром 6—8 см и глубиной до 25 см. Ряд столбовых ям завершался крупной ямой диаметром 30 см и глубиной 40 см. Очевидно, здесь вскрыты остатки искусственной подсыпки площадки с целью предохранения склонов городища от оползней и следы деревянных укреплений — частокола с плетнем. Этот тип укреплений аналогичен укреплениям Роданова городища.

В северной части раскопа на глубине 0,7 м от поверхности обнаружена большая хозяйственная яма — кладовка размером 2 × 2,8 м и глубиной 1 м. Стенки и дно ее были укреплены досками шириной 7—12 см и толщиной 2—3 см. На дне стояло несколько крупных раздавленных сосудов. Один из них был наполнен ячменем⁸, а в двух других находились глиняные обожженные шарики диаметром 2—3 см. Назначение последних неясно. Тут же лежали кости домашних животных и птиц. Яма сооружена в период накопления нижнего слоя, так как на дне ее найдена медная бляха-идол.

¹ М. В. Т а л и ц к и й. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, стр. 55.

² О. Н. Б а д е р. Камская археологическая экспедиция в 1950 г. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 101.

³ В. Ф. Г е н и н г. Бродовский могильник. КСИИМК, 52, 1953, стр. 96.

⁴ Коллекции кабинета археологии Молотовского университета из раскопок КАЭ 1952—1953 гг.

⁵ А. А. С п и ц ы н. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, СПб., 1902, т. V, рис. 15.

⁶ Там же, табл. IX, рис. 3.

⁷ А. П. С м и р н о в. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 217, табл. LIV, рис. 6.

⁸ Определение зерна произведено доцентом А. Н. Пономаревым (Молотовский университет).

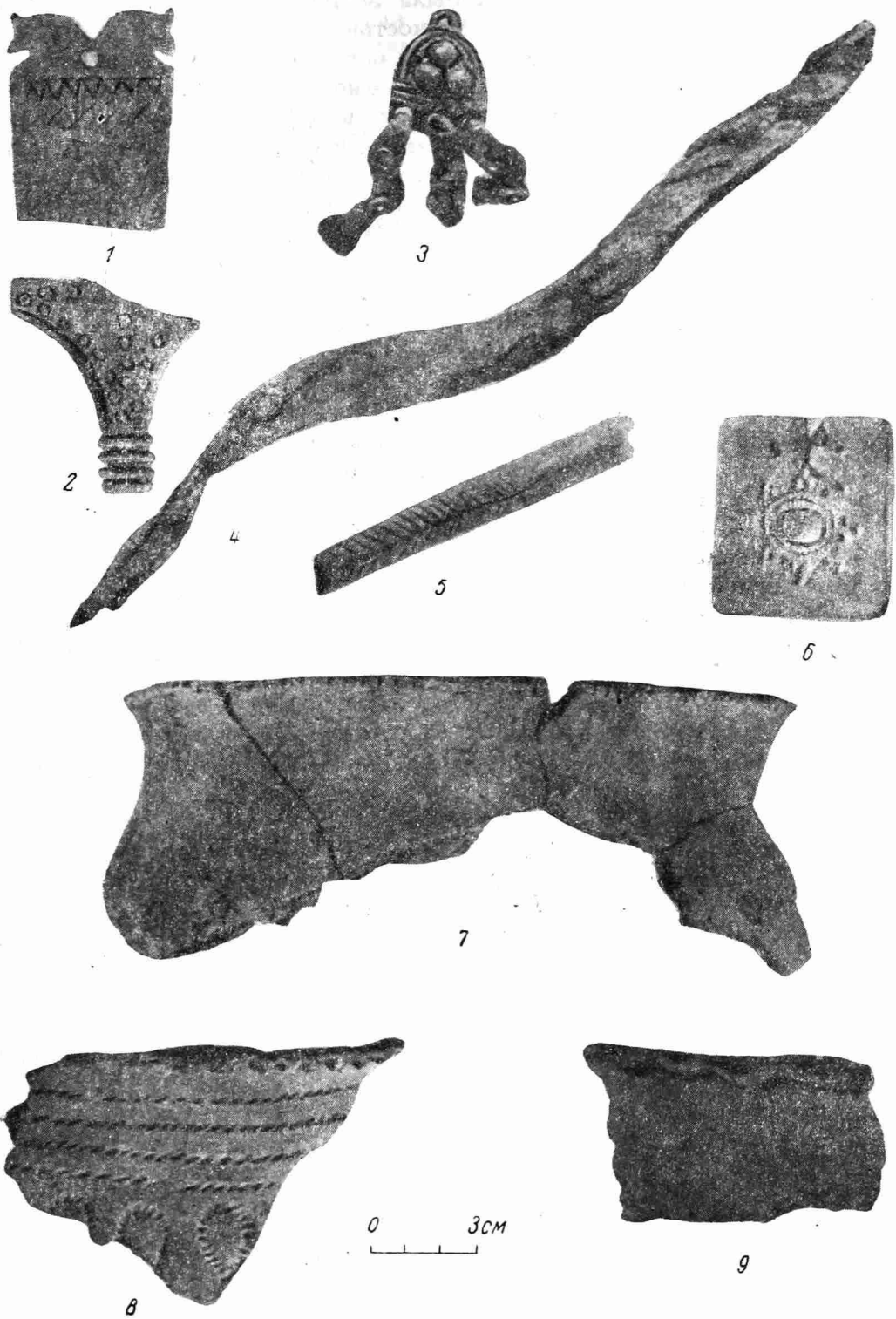

Рис. 37. Вещи из Лаврятского городища.

1 — костяной гребень; 2 — рукоятка шпала; 3 — шумящая подвеска; 4 — железный серп; 5 — обломок костяного коцедька; 6 — глиняная литая формочка; 7—9 — фрагменты керамики.

~ 1, 3, 7, 8 — вещи. слан. — X-XI в.

~ 6, 9 — вещи. слан. — IX в.

Яма использовалась и позднее, причем стенки ее в верхней части были укреплены глиной. В X в. кладовка была заброшена, и верхний культурный слой, заполнив ее, сравнял с поверхностью площадки.

В восточной части раскопа обнаружены остатки жилища, типичного для раннего этапа родановской культуры¹. Это — комплекс, состоявший из большого очага и ямы-кладовки, находившихся в центре. С запада жилище ограничено канавкой со столбовыми ямами. Очаг из прослоек золы и обожженной глины достигал 1 м толщины. Около него стояло 5 раздавленных крупных сосудов. В яме-кладовке (1,5 × 1,2 м) прослежены остатки деревянных стенок и столбовые ямы в углах. На дне лежали крупные плоские камни, на которых стояли сосуды. В одном из них сохранились обугленные зерна ячменя. Канавка шириной 30—35 см и длиной 4,7 м ограждала яму и очаг с северо-запада и уходила в северную стенку раскопа. В канавке отмечены 32 столбовые ямы (диаметром 5 см), которые располагались попарно.

Раскопками вскрыта большая часть жилища; северо-восточная его часть осталась нераскопанной. Судить о его полных размерах пока трудно.

В 1953 г. было обнаружено несколько очажных и зольных пятен, небольших по размерам и мощности, а также длинная канава шириной до 3,5 м, глубиной 0,5 м, идущая параллельно валу. Возможно, из этого углубления бралась глина для насыпки вала со стороны площадки.

На городище была заложена траншея (1 × 20 м), прорезавшая вал и ров. Профиль ее показал, что сооружение вала началось не ранее X в., так как он перекрывает нижний культурный слой; в IX в. до его сооружения здесь находилось селище. Вал высотой 2 м был насыпан с площадки и napольной стороны. В насыпке со стороны площадки встречаются фрагменты керамики из нижнего слоя. С этой стороны вал был укреплен от оползней крупными камнями; с napольной — вырыт ров глубиной 1 м и шириной 3,5 м.

На гребне вала рядом с траншеей нами заложен небольшой раскоп в 4 кв. м, в котором обнаружены остатки деревянных укреплений — 20 столбовых ям, идущих двумя параллельными рядами. Диаметр их — 7—10 см, глубина — 35—40 см. Расстояние между рядами — 0,5 м. Очевидно, вал был укреплен двумя рядами частокола с плетнем, а промежуток засыпан землей.

Жизнь на Лаврятском городище продолжалась не дольше XII в.; помимо приведенных выше фактов, об этом свидетельствует полное отсутствие красноглиняной болгарской керамики и других вещей, характерных для комплекса верхнего слоя Анюшкара (Кыласово городище)².

Второй пункт наших исследований — Баяновское селище — находится в 0,5 км к юго-западу от южной окраины с. Таборы — дер. Баяново, на правом берегу р. Вильвы. Оно расположено на ровной пойменной террасе. Культурный слой мощностью 0,3—0,6 м хорошо прослеживается по обнажениям берега. Площадь селища — около 6000 кв. м.

Селище обнаружено в 1951 г. местными жителями и обследовано нами. В 1953 г. здесь заложен раскоп в 140 кв. м. Культурный темный слой залегал под дерном и содержал большое количество пятен обожженной и необожженной глины.

В центре раскопа находилось овальное (4 × 1,7 м) очажное пятно прокаленной глины и песчаника; вокруг обнаружено скопление керамики, шлаков и обожженных костей.

¹ М. В. Талицкий. Указ. соч., стр. 40.

² В. А. Оборин. Отчет о раскопках верхнекамского отряда КАЭ в 1952 г. Рукопись. Архив ИИМК.

У северного края раскопа вскрыто большое зольно-угольное пятно правильной прямоугольной формы (6 × 5 м). Северная его граница уходит в стенку раскопа. У южного края раскопа расчищено углубление, на дне которого лежали фрагменты крупных сосудов, а у края обнаружена столбовая яма диаметром 15 см.

Основную массу находок составляет керамика. Это фрагменты больших сосудов с примесью мелко толченной раковины в тесте, с красноватой поверхностью, почти без орнамента, с зашипами по краю. Есть фрагменты стенок с просверленными отверстиями. По своему облику обломки сосудов аналогичны найденным в нижнем слое Лаврятского городища IX в.

Кроме керамики, медных и железных шлаков и костей, встречены обломки железных ножей и бусы. Одна из бус — круглая сердоликовая, типично позднеломатовская¹ другая — стеклянная, с глазками, того же типа², две — пастовые круглые и одна — позолоченная тройная, которые находят аналогии в раннеродановских могильниках — Баяновском, Редикарском и других.

Селище одновременно нижнему слою Лаврятского городища и датируется концом VIII в.—IX в.

Баяновский могильник, находящийся в 200 м к юго-западу от дер. Баяново на гребне пологого холма, на краю гравийного карьера, был обнаружен весной 1951 г. местными жителями, а затем обследован группой студентов Молотовского университета под нашим руководством. Осенью 1951 г. здесь были проведены охранные раскопки и вскрыто 7 погребений³.

В 1953 г. раскопки были продолжены, в результате чего найдено еще 10 погребений. Большинство из них залегало на глубине 0,3—0,5 см от поверхности, в плотной глине. Почти у всех прослежены очертания прямоугольных могильных ям (2 × 0,6 × 0,7 м). В засыпке ям и между ними обнаружены остатки тризны — глиняные сосуды, кости животных (преимущественно лошади), угольки.

Костяки лежали вытянуто на спине. Большая часть их (13 из 17) ориентирована головой на север и северо-восток, и только четыре — на запад. Погребения располагались двумя рядами, а в северной части раскопа 5 могильных ям размещены беспорядочно. Некоторые из могил соприкасались краями. В двух случаях прослежены парные погребения — мужское и женское (№ 13 и 14, № 15 и 16).

В нескольких могилах уцелели остатки деревянных долбленых колод и кусков коры и бересты, в которые заворачивался труп. Сохранность костей очень плохая. Нет ни одного черепа, пригодного для антропологического изучения.

Перечислим некоторые, наиболее интересные находки.

В погребении 8, помимо проушного железного топора, ножа, шумящих подвесок и бус, найдены 2 подвески с ушками, обложенные с обеих сторон кружками листового серебра с изображениями, подражающими лицевой стороне арабского диргема. Они выбиты одним штампом по типу омейядских диргемов, чеканенных в Васите в VIII в.⁴

В мужском погребении 9, кроме глиняного сосуда, боевого топора, ножа и кольца от удил, обнаружен железный меч длиной 85 см. Это однолезвийный клинок с изогнутой рукояткой и прямым перекрестием

¹ В. Ф. Генинг. Указ. соч., стр. 95, рис. 36 — 2.

² Там же, рис. 36 — 7.

³ В. А. Оборин. Баяновский могильник. Ученые записки Молотовского гос. университета, т. IX, вып. 3, 1953, стр. 145—161; О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, 51, 1953, стр. 90. За 1951 и 1953 гг. на могильнике вскрыто 145 кв. м.

⁴ Надписи на подвесках определены С. А. Яниной (ГИМ), за что приношу ей глубокую благодарность.

(рис. 38—5). Меч находился в деревянных ножнах, которые почти полностью истлели.

В детском погребении 10 (размером 0,7 × 0,3 м) находились глиняный сосуд, коньковые шумящие подвески, медный гребень, пластинчатый браслет, стеклянные бусы и другие украшения.

Погребение 11 принадлежало воину. Здесь лежали втульчатое железное копьё, серебряные височные кольца с напускной бусиной, железные удила, остатки кожаного пояса с медными бляшками, нож и боевой топор. В ногах были положены стремя и пряжка для пристегивания его к седлу.

Погребение 12 находилось глубже остальных (до 0,7 м). В нем обнаружены вещи позднеломоватовского типа — колоколовидная подвеска, втульчатый железный кельт, медная прорезная пронизка, сосуд, украшенный шнуровым орнаментом, и длинный железный кинжал в деревянных ножнах. По аналогии с находкой из захоронения Бродовского могильника его можно датировать концом VIII в.¹

В погребении 13 скелет лежал в деревянной колоде. Судя по обилию украшений, здесь похоронена богатая женщина. Среди находок — мелкий стеклянный бисер, нашивавшийся на головной убор, серебряные височные кольца, масса разных бус (на груди и на шее), медный браслет с кружковым орнаментом, арочные шумящие подвески, серебряный перстень с сердоликовой вставкой и целый набор (в виде кисти) медных украшений пояса (рис. 39—7).

Очень интересной находкой в погребениях 14 и 15 были серебряные маски, лежавшие на месте истлевших черепов. В погребении 14 одна полумаска, в виде прямоугольной тонкой серебряной пластинки (13 × 4 см) с перегибом для носа и двумя узкими прорезями для глаз, предназначалась для верхней части лица; вторая — овальной формы (8 × 4 см), с прорезью в центре, закрывала рот (рис. 39—1). Под масками обнаружены зубы и тлен сгнившей подкладки.

В обоих этих погребениях, принадлежавших мужчинам-воинам, найдены боевые топоры, копьё, кинжалы, стремяна, удила и остатки кожаных поясов с медными бляшками салтовского типа. Оба погребения находились рядом с женскими (№ 13 и 16). Одинаковый уровень расположения костяков и близкое расстояние между ними позволяют говорить об одновременном захоронении мужчины и женщины.

В богатом женском погребении 16, кроме большого числа медных украшений и бус, сохранились остатки меха и грубой холщевой ткани.

Погребение 17 — также женское. В нем найдены глиняный сосуд, нож в деревянных ножнах, обтянутых холщевой тканью, и украшения: височные кольца, бисер, шумящие подвески, остатки кожаного пояса с бляшками и серебряный перстень.

Материал могильника достаточен для определения датировки. Ранняя дата устанавливается по наличию вещей позднеломоватовского типа, найденных при наиболее глубоко залегавшем погребении (№ 12), и по подвескам, подражающим арабским диргемам VIII в.; она может быть определена как конец VIII—начало IX в.

Основная часть погребений относится к IX—X вв. и находит ближайшие аналогии в Верхне-Салтовском могильнике. Так, аналогичны втульчатые железные копьё с шипами, однолезвийные мечи и трехгранные наконечники стрел², боевые проушные топоры с высоким обушком³, стремяна с выгнутой

¹ В. Ф. Геннинг. Указ. соч., стр. 94, рис. 35—6.

² Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, рис. 2—81, 82, 83—85.

³ Труды XII АС, т. I, М., 1905, табл. XX рис. 3—4.

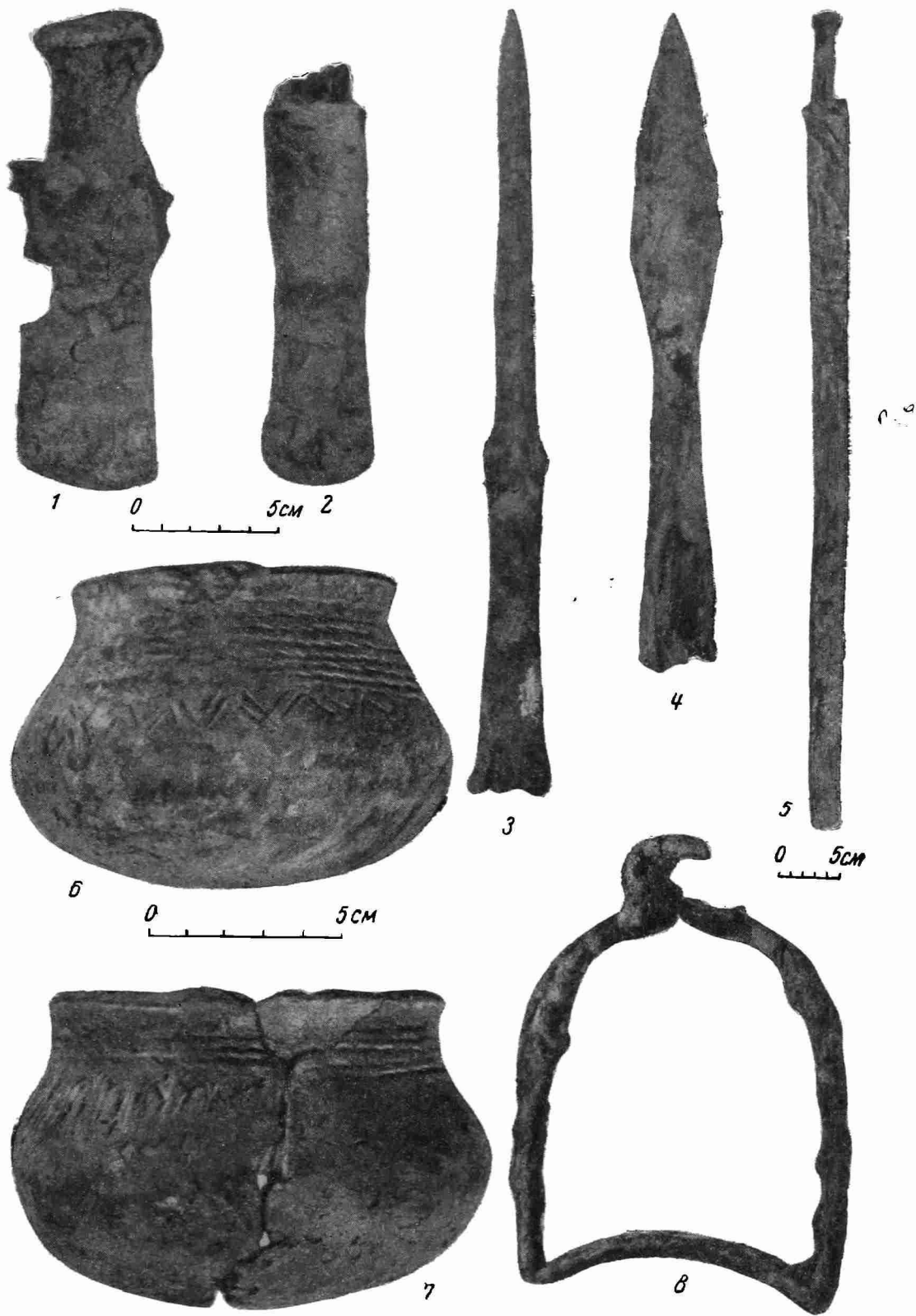

Рис. 38. Вещи из погребений Баяновского могильника.

1 — боевой топор; 2 — железный кельт; 3, 4 — наконечники копий; 5 — меч; 6, 7 — глиняные сосуды; 8 — стремя.

подножкой¹, бляшки с колечками, спиралевидные пронизки², граненые браслеты с кружковым орнаментом и другие вещи.

Многие бляшки-украшения находят также ближайшие аналогии в Лядинском и Томниковском могильниках IX—XI вв.³

Собранный нами материал в целом очень близок к материалу Кочергинского могильника X—XI вв.⁴ (спиралевидные пронизки, бляшки, подвески в виде медвежьего когтя, височные кольца, керамика и др.) и могильника Чем-Шай X—XI вв. на р. Чепце (бляшки, браслеты, височные кольца и т. д.)⁵.

В то же время в могильнике обнаружены вещи, наиболее близкие материалу одновременных могильников Прикамья и, главным образом, Загарского (X в.) на р. Иньве (шумящие подвески, форма и орнамент глиняных сосудов, браслеты и т. д.)⁶.

Общую дату Баяновского могильника можно определить как конец VIII в.—IX в., т. е. она полностью совпадает с датой Баяновского селища и Лаврятского городища. Эта дата подтверждается и керамикой Баяновского могильника; последняя аналогична сосудам второго типа из верхнего слоя Лаврятского городища.

Таким образом, Баяновское селище и ранние баяновские погребения можно отнести к концу VIII в.—началу IX в. В IX в. обитатели селища перешли на высокое, естественно защищенное место на левом берегу р. Вильвы. Здесь в X в. они укрепились, насыпали вал и обнесли его деревянным частоколом с плетнем. Хоронить же своих умерших они продолжали на Баяновском могильнике вплоть до XI в.

II

Раскопки археологических памятников у с. Таборы, а также материалы, полученные ранее, позволяют выявить некоторые характерные черты раннего этапа родановской культуры, который мы предлагаем называть лаврятским этапом.

Ранее принятый термин «загарский этап»⁷ неудобен, так как назван по имени могильника у с. Загарье, который хронологически охватывает только X в., а не весь ранний этап. Могильники того же времени, как и Загарский, не были исследованы путем раскопок; вещи из них представляют результаты случайных сборов.

В материале могильников отсутствует большая часть бытовых вещей, почти совершенно нет орудий труда. Поэтому удобнее в основу периодизации родановской культуры положить материалы не могильников, а поселения. Лаврятское городище как раз дает комплекс жилых хозяйственных сооружений и вещей IX—XI вв., охватывающих весь ранний этап. Полную аналогию ему находим в нижних слоях многослойных памятников (Кыласово, Кудымкарское и другие городища). В основном одновременен ему и комплекс Роданова городища, где известны лишь единичные находки вещей XIII в., а в основном — IX—XII вв.⁸

¹ Труды XII АС, т. I, 1902 г. М., 1905, табл. XXII, рис. 101, 102.

² Там же, табл. XXI, рис. 51, 52; рис. 83.

³ В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, № 10, 1893, табл. VI, рис. 10, 11, 20; табл. VII, рис. 20; табл. VIII, рис. 10; табл. IX, рис. 1, 5.

⁴ М. В. Талицкий. Кочергинский могильник. МИА, № 1, 1940.

⁵ С. Г. Матвеев. Могильник Чем-Шай. Труды Научного общества по изучению Вотского края, вып. IV, Ижевск, 1928.

⁶ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XXIX, рис. 12; табл. XIV, рис. 11; табл. XVII, рис. 23 и др.

⁷ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв., стр. 43.

⁸ Там же, стр. 42.

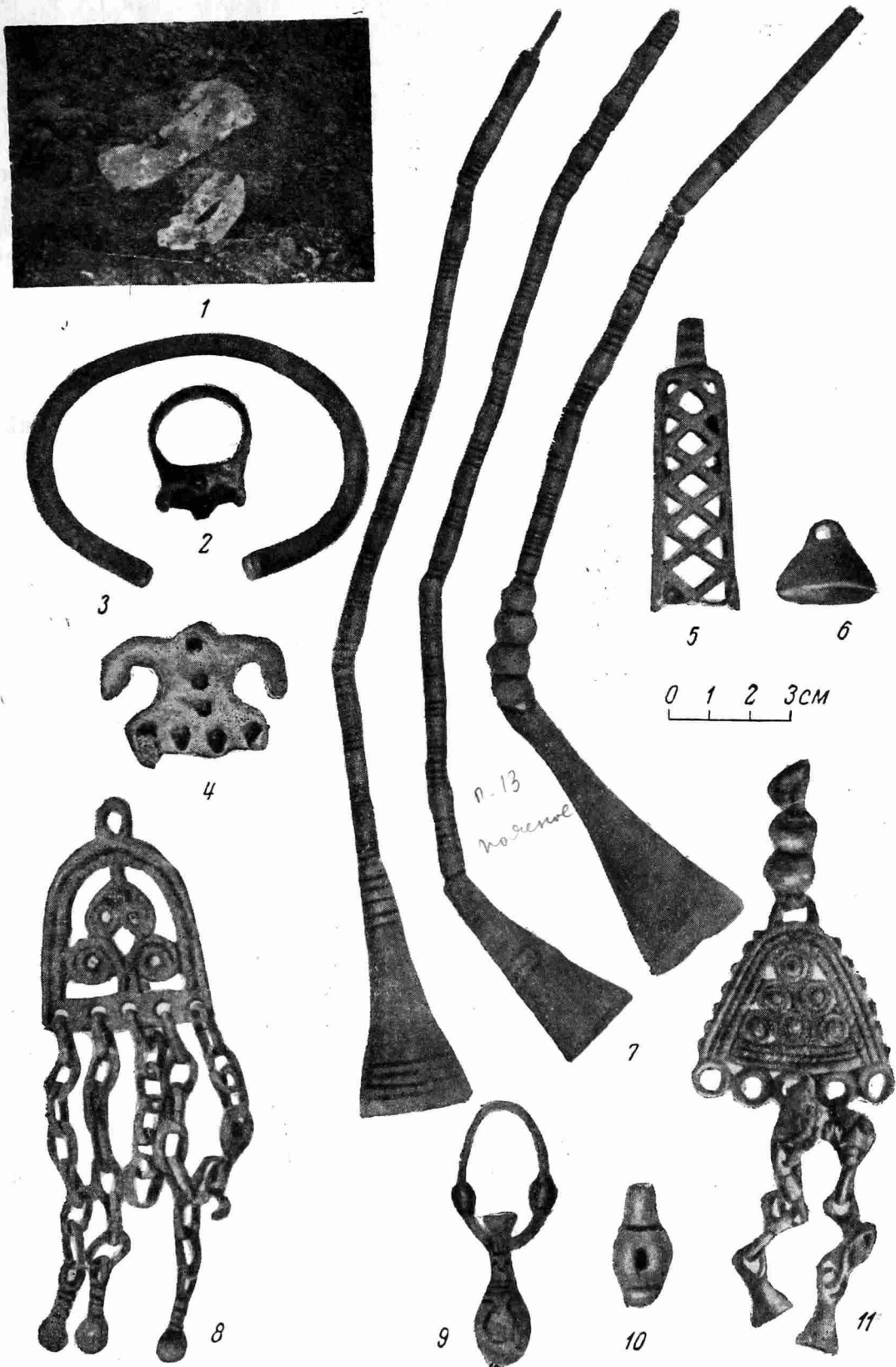

Рис. 39. Вещи из погребений Баяновского могильника.

1 — серебряные маска (погребение 14); 2 — серебряный перстень; 3 — медный браслет; 4 — основа шумящей подвески; 5 — решетчатая подвеска; 6 — колоколовидная подвеска; 7 — украшения пояса, собранные в кисть; 8, 11 — шумящие подвески; 9 — серебряное височное кольцо; 10 — пронызка.

Ранняя дата лаврятского этапа может быть установлена как IX в., что подтверждается результатами обследования раннеродановских городищ, проведенного КАЭ в 1949—1951 гг. (Плеховское, Эсперово, Городищенское, Шудья-Кар и др.). Это доказывается и тем, что в ломоватовских городищах и могильниках нет вещей, датирующихся позднее VIII в. н. э.¹ Поэтому гранью между ломоватовской и родановской культурами следует считать начало IX в. Эта дата подтверждается также тем, что вещи типа Верхне-Салтовского могильника, относящиеся к концу VIII в.—IX в., обнаружены в могильниках Прикамья, связанных с раннеродановскими, а не с ломоватовскими поселениями. Наиболее ярким примером этого могут служить описанные выше памятники у с. Таборы. В Баяновском могильнике найдены подражания арабским монетам VIII в., которые могли бытовать не ранее IX в.

Позднюю дату лаврятского этапа в настоящее время точно установить еще трудно; она может быть условно серединой XII в. Основанием для этого служит отсутствие на раннеродановских городищах красноглиняной болгарской керамики, крупных граненых сердоликовых и хрустальных бус, славянского типа керамики и вещей, характерных для поселений позднего — рождественского этапа. Ранняя дата красноглиняной болгарской керамики относится к XII в.² Таким образом, грань между лаврятским и рождественским этапами находится в XII в. Это подтверждается раскопками в 1951—1954 гг. двуслойного Кыласова городища (Анюшкар) IX—XIV вв.³ Жилище, хозяйственные постройки и вещественный материал нижнего слоя Анюшкара полностью аналогичны комплексу Лаврятского городища и датируются IX—XII вв.⁴

Лаврятский этап по многим признакам отличается от рождественского. Городища IX—XII вв. занимают, как правило, небольшую площадь, — не превышая 3500 кв. м, в отличие от позднеродановских XII—XV вв., достигающих 20 000 кв. м⁵. Жилища, хорошо изученные на Родановском, Кыласовом и Лаврятском городищах, представляют большие и легкие наземные прямоугольные сооружения площадью до 88 кв. м с очагом и ямой-кладовкой в центре. Они имели двускатную крышу на жердях, крытую корой или берестой⁶. М. В. Талицкий справедливо считал эти сооружения местом обитания большой патриархальной семьи. Они отличаются от жилищ, открытых в верхних слоях Роданова и Кыласова городищ; здесь жилища меньшего размера, имеют полный сруб с тамбуром и служат уже местом обитания индивидуальной семьи.

Размеры поселений, форма и размеры жилищ лаврятского этапа находят ближайšie аналогии в памятниках позднего этапа ломоватовской культуры (Зародятское селище VI—VIII вв.⁷ и др.).

На могильниках лаврятского этапа (Баяновский) прослеживается захоронение умерших правильными рядами, как на родовых могильниках ранних культур железного века. Имущественная дифференциация уже определяется достаточно четко. Наряду с бедными погребениями (№ 7) встречаются богатые (№ 16). Однако о полном разложении родового строя говорить еще рано. Основной хозяйственной ячейкой продолжала быть большая патриархальная семья. Это соответствует уровню развития производительных сил на данном этапе.

¹ В. Ф. Генинг. Указ. соч., стр. 97.

² А. П. Смирнов. Волжские булгары. Труды ГИМ, вып. XIX, М., 1951, стр. 199.

³ Раскопки КАЭ под руководством О. Н. Бадера в 1951 г. и под руководством автора настоящей статьи в 1952—1954 гг.

⁴ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция, стр. 90.

⁵ В. А. Оборин и А. Ф. Трефилов. Отчет о работе археологического отряда комплексной экспедиции Удмуртского научно-исследовательского института и Удмуртского музея. Записки УдНИИ, вып. 16, Ижевск, 1954, стр. 198.

⁶ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв., стр. 41, рис. 7—8.

⁷ Раскопки КАЭ 1952—1953 гг.

Основой хозяйства оставалось земледелие подсечного типа с мотыжной обработкой земли. Об этом можно судить по находкам зерна в ямах-кладовках, железного серпа, зернотерки и примитивного жернова — на Лаврятском, зернотерки — на Эсперовом¹, лесорубных топоров — на Родановом и Шудья-Карском городищах и в Баяновском могильнике. Железные мотыги найдены в нижнем слое Кыласова городища и на Леминском селище около г. Березники².

На этом этапе нет еще плужной обработки земли, так как все датированные ральники, найденные в Верхнем Прикамье, относятся не ранее чем к XII в. (Рождественское, Искорское городища, верхний слой Кыласова городища и др.). Не обнаружены они и при раскопках М. В. Талицкого на Родановом городище в слоях IX—XI вв.

Охота и рыбная ловля на лаврятском этапе продолжают развиваться, о чем можно судить по многочисленным находкам костяных и железных наконечников стрел самых разнообразных форм и находке рыболовных снастей (крючков, блесен, острог, грузил).

Таким образом, по развитию экономики и общественных форм лаврятский этап родановской культуры примыкает к позднему этапу ломоватовской культуры и служит его продолжением. В развитии земледелия наиболее прогрессивную роль в это время играет широкое распространение проушных лесорубных топоров, способствующих освоению большой площади земли для посева.

Керамика лаврятского этапа представлена, главным образом, двумя типами сосудов: первый — крупные толстостенные сосуды с грубой обработкой поверхности и примесью раковины в глиняном тесте, с защипами и насечками по венчику и отпечатками пальцев на стенках, с бедным орнаментом или вовсе без него; второй — небольшие чаши с округлым или уплощенным дном, тонкостенные, с примесью мелко толченой раковины в тесте, богато орнаментированные шнуровым и мелкозубчатым орнаментом. В основных чертах оба эти типа представлены в керамике позднеломоватовских поселений и могильников и отличаются лишь по форме, примесям к тесту (в ломоватовских сосудах — растительные примеси и мелко толченая раковина) и орнаменту (у ломоватовских — прямые, глубокие насечки на венчике).

На Баяновском могильнике ранние погребения залегают глубже остальных; в них отмечены остатки деревянных колод и собран комплекс вещей (бусы, бляшки, ножи, височные кольца), находящих свои прототипы в ломоватовских могильниках.

Все это дополняет и укрепляет положение М. В. Талицкого о местном автохтонном происхождении родановской культуры, сформировавшейся на базе ломоватовской.

Раскопки Баяновского могильника дают дополнительные доказательства принадлежности памятников родановской культуры древним коми-пермякам.

По материалам раскопок частично реконструируется одежда родановцев — нижняя холщевая рубаша, верхняя одежда из кожи мехом внутрь, подпоясанная узким ремнем с бляшками. С левой стороны к поясу пристегивался нож в деревянных ножнах. Меховая одежда иногда обшивалась сверху тканью. Головной убор мужчины обшивался по краю медными бляшками, у женщин — мелким стеклянным бисером синего и белого цвета. У локтей носили браслеты, на пальцах — перстни. К головному убору на ремешках привешивались височные кольца.

¹ Н. Н. Новокрещенных. Археологические исследования в западной части Пермской губернии. Труды Пермской учен. арх. комиссии, вып. IV, Пермь, 1901, стр. 108.

² Разведки В. П. Денисова в 1953 г.

Женщины носили ожерелья из стеклянных и пастовых бус. В концы кос вплетали на ремешках шумящие подвески. С пояса спускались кисти, составленные из медных украшений (пронизок, подвесок), нанизанных на тонкие ремешки, что очень напоминает кисти ломоватовского поясного набора (Неволинский могильник)¹. В косы же вплетали на ремнях медные копоушки и амулеты из медвежьих когтей.

Одежда очень близка одежде коми-пермяков, известной по эпосу² и этнографическим данным³. До недавнего времени у коми-пермяков сохранялся обычай тризны на могилах умерших. Остатки тризны обнаружены и на Баяновском могильнике. В XIX в. зюздинские коми-пермяки хоронили умерших очень неглубоко. Труп обертывался берестой и спускался в яму без гроба⁴, т. е. так же, как было прослежено на Баяновском могильнике. Обычай класть бересту в могилу, которую считали посмертным жилищем (му-горт — «земляной дом»), бытовал у коми-пермяков до конца XIX в. Это находит свое объяснение в конструкции жилищ носителей родановской культуры — берестой крыли крышу жилища.

Старики у коми-пермяков помнят, что в старину усопших клали в могилу головой на север, а не на запад, т. е. так же, как и в погребениях Баяновского могильника.

Украшение головного убора бисером до недавнего времени сохранялось на коми-пермяцкой шамшуре.

Племена — носители родановской культуры на лаврятском этапе поддерживали тесные культурные связи с обитателями чепецких городищ — предками удмуртов. Об этих связях свидетельствует находка на Лаврятском городище костяного гребня с головками коньков. Этот тип гребня характерен для чепецких городищ и в Верхнем Прикамье встречается редко. Единичные находки чепецкой керамики с треугольным чеканным орнаментом обнаружены на нескольких городищах IX—XII вв.; на одном из них найдена также шумящая подвеска чепецкого типа⁵.

На Лаврятском городище встречены два фрагмента сосуда, изготовленного из глины с примесью талька и украшенного скобочным орнаментом. Такая посуда находит аналогии в керамике Барсова городка IX—XI вв.⁶ Эта керамика, очевидно, была привезена из Зауралья.

Видимо, сибирского происхождения и погребальные маски. В Сибири они появляются еще в таштыкской культуре⁷, а металлические маски в качестве изображения шаманских двойников бытовали еще совсем недавно⁸.

Наличие большого количества вещей салтовского типа в Баяновском и других раннеродановских могильниках позволяет говорить о том, что приход болгарских племен в Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье наложил отпечаток не только на культуру близлежащих местных племен⁹, но и на культуру поселений Верхнего Прикамья.

Таким образом, раскопки памятников родановской культуры у с. Таборы дали интересный материал, позволяющий полнее охарактеризовать ранний этап этой культуры и поставить вопрос о ее происхождении.

¹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 г., рис. 32.

² Рунноэз о Кудым-Оше и сыне его Пере. Сб. «Народы Северного Урала», Свердловск, 1937, стр. 204.

³ Н. Рогов. Материалы для описания быта пермяков. М., 1860, стр. 6, 7.

⁴ И. Н. Смирнов. Пермяки. Изв. ОАИЭ, т. IX, вып. 2, Казань, 1891.

⁵ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XIV, рис. 3.

⁶ Т. J. Агне. Varsoff gorodok. Stockholm, 1935, стр. 111, рис. 75.

⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949.

⁸ А. П. Окладников. Древние шаманские изображения Восточной Сибири. СА, X, 1948, стр. 224.

⁹ А. П. Смирнов. Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар. КСИИМК, XL, 1951, стр. 27.

А. Ф. ДУБЫНИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАРЯДЬЕ (МОСКВА)

Московской экспедицией ИИМК в 1954 г. были продолжены археологические работы по изучению остатков древнего Московского посада в районе Зарядья, в Китай-городе. Зарядье — один из наиболее интересных в археологическом отношении районов Москвы. Здесь, как и в Новгороде, благодаря влажности почвы хорошо сохраняются остатки деревянных построек и отдельные предметы из дерева, бересты, кости, кожи и т. д., что обычно бесследно исчезает на территории других древнерусских городов.

Археологические исследования на территории Зарядья проводятся уже в течение ряда лет, однако работы каждого года открывают все новые и новые страницы славной многовековой истории Москвы¹.

В целях дальнейшего изучения планировки древнего Московского посада и стратиграфии культурного слоя в различных частях Зарядья в 1954 г. были заложены 3 раскопа общей площадью около 270 кв. м. Велась также наблюдения за земляными работами строительства на территории в 2000 кв. м².

Наиболее интересен раскоп (140 кв. м) на участке № 5, примерно в районе пересечения Елецкого и Максимовского переулков, заложенный еще в 1953 г. и расширенный в 1954 г. Культурный слой здесь — мощностью до 5,2 м. Нижний пласт его (на глубине 4,6—5,2 м) выделялся темнобурой окраской, характерной для наиболее ранних слоев Зарядья, и довольно большим количеством находок, относящихся к домонгольскому периоду. Здесь, как и в расположенном рядом раскопе № 6 1953 г., в нижних слоях собрано много фрагментов стеклянных браслетов.

Как уже отмечалось³, при раскопках 1949—1951 гг. на площади в 1300 кв. м в районе бывшего Мокринского переулка было найдено 7 фрагментов стеклянных браслетов, тогда как ранее они в Москве совершенно не были известны. Затем в 1953 г. на участке № 6, на площади всего в 60 кв. м, обнаружено до 30 фрагментов; в 1954 г. на раскопе участка № 5, на территории в 100 кв. м, найдено 123 фрагмента стеклянных брасле-

¹ См. КСИИМК, 57, 1955.

² Состав экспедиции 1954 г.: А. Ф. Дубынин (начальник), Р. Л. Розенфельдт (заместитель начальника), научные сотрудники Ж. И. Крис и И. Г. Розенфельдт, а также студенты заочного отделения МГУ, Ивановского педагогического института и Московского высшего художественно-промышленного училища. Работы велись на средства строительства. В успешном выполнении возложенных на экспедицию задач большую помощь оказал главный инженер 1-го Строительного управления Г. В. Чарквиани, за что экспедиция выражает ему искреннюю благодарность.

³ КСИИМК, 57, 1955, стр. 70.

тов разных цветов и оттенков. Фрагменты браслетов находились в слое на разных глубинах: на глубине 3,7 м найден 1 экземпляр, что составляет 0,8% от общего количества браслетов, обнаруженных в слоях раскопа; на глубине 4,4—4,6 м — 6 экземпляров (4,9%), на глубине 4,6—4,8 м — 18 экземпляров (14,8%), на глубине 4,8—5 м — 38 экземпляров (31,1%), на глубине 5—5,1 м — 37 экземпляров (30,4%) и на глубине 5,1—5,2 м — 22 экземпляра (18%); кроме того, один фрагмент браслета обнаружен в дренажном колодце № 2.

Таким образом, наиболее насыщенным был слой на глубине 4,8—5,1 м, т. е. на 0,1—0,4 м выше материка (здесь найдено до 61,5% всех браслетов) и ниже — предматериковый слой в 10 см, где собрано до 18% общего количества фрагментов.

Браслеты были крученые (64%), гладкие (24,6%) и гладкие, перевитые желтой линией (11,4%)¹.

Благодаря залегающей в западной части раскопа песчаной прослойке удалось установить, что гладкие тонкие стеклянные браслеты встречаются выше, чем крученые. На глубине 3,7; 4,4 и 4,6 м найдены только гладкие браслеты; на глубине 4,8 м гладких браслетов было 50%, крученых — 44,5% и гладких, перевитых желтой линией, — 5,5%. Ниже 4,8 м, т. е. в предматериковом слое толщиной 40 см, крученые браслеты преобладали.

Это наблюдение дает возможность утверждать, что в Москве в более поздний период бытования стеклянных браслетов были распространены только гладкие; они удерживались в быту дольше, чем крученые. Наряду с гладкими браслетами получают распространение и гладкие непрозрачные стеклянные перстни, фрагменты которых найдены в нижних слоях раскопа участка № 8.

Сам факт нахождения в древних слоях Московского посада большого количества стеклянных браслетов, являвшихся в XII—XIII вв. излюбленным украшением горожанок, дает неоспоримое подтверждение тому, что Москва уже в XII в. была поселением городского типа.

Кроме браслетов, в слоях на глубине 4,6—5,2 м обнаружены: части глиняных тиглей, медная проволока, глиняные грузила и пряслица (рис. 40—2), ножи и точильные бруски, ключи и замки, костяной гребень (рис. 41—7), медный перстень (рис. 40—4), стеклянные бусы (2 экземпляра), часть подвески (рис. 40—3), каменный крест (рис. 41—4). На глубине 4,5—4,6 м найдены глиняные детские игрушки — две птички и одна лошадка.

Керамика предматериковых слоев, украшенная линейным и волнистым орнаментом, аналогична керамике древнерусских городов и курганов XII—XIII вв. В нижних слоях этого участка каких-либо остатков построек не обнаружено.

На основании типов браслетов, керамики и других находок время нижнего пласта культурного слоя на участке № 5 определяется XII—XIII вв., т. е. датой, намеченной нами в 1953 г. Исследования 1954 г. также подтверждают предположение о том, что культурный слой домонгольского времени мощностью 0,4—0,6 м находится в северо-западной части Зарядья по откосу, идущему от улицы Разина к Москве-реке.

Территория участка № 5, повидимому, с XIV—XV вв. начинает застраиваться. Удалось выделить до 14 строительных периодов, сменявших друг друга, начиная с XIV—XV вв. вплоть до наших дней. Здесь были остатки усадеб с жилыми и хозяйственными постройками, части дворов и дворовых настилов, дренажные сооружения и т. д.

¹ Девять обломков из-за небольшого их размера определить не удалось.

К числу ранних построек, повидимому, принадлежат дренажные сооружения XV—XVI вв., от которых сохранились два колодца, соединенных деревянной трубой.

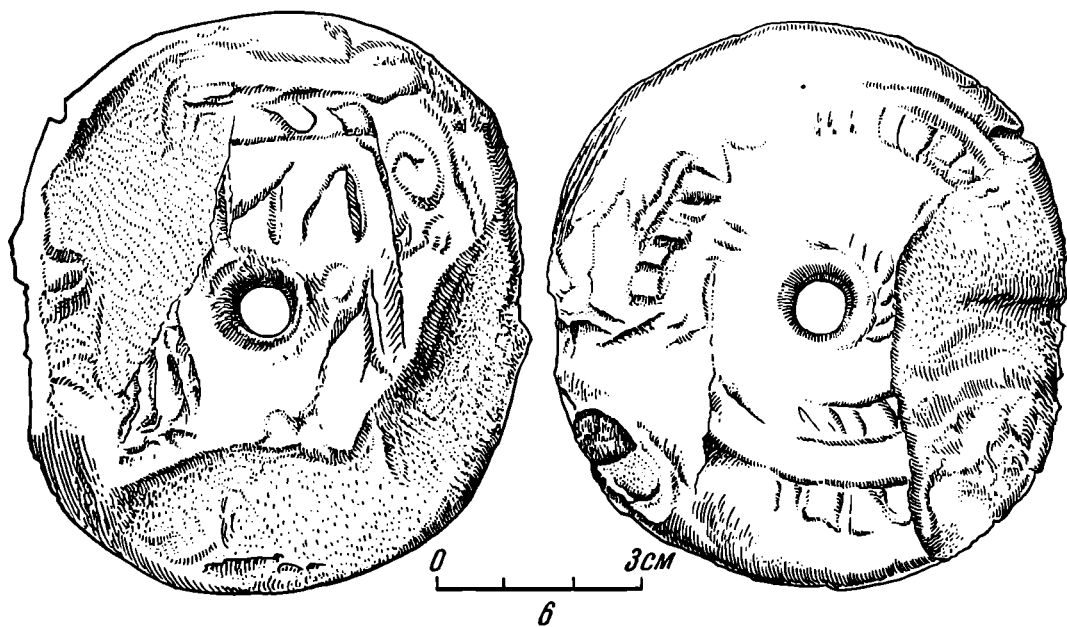
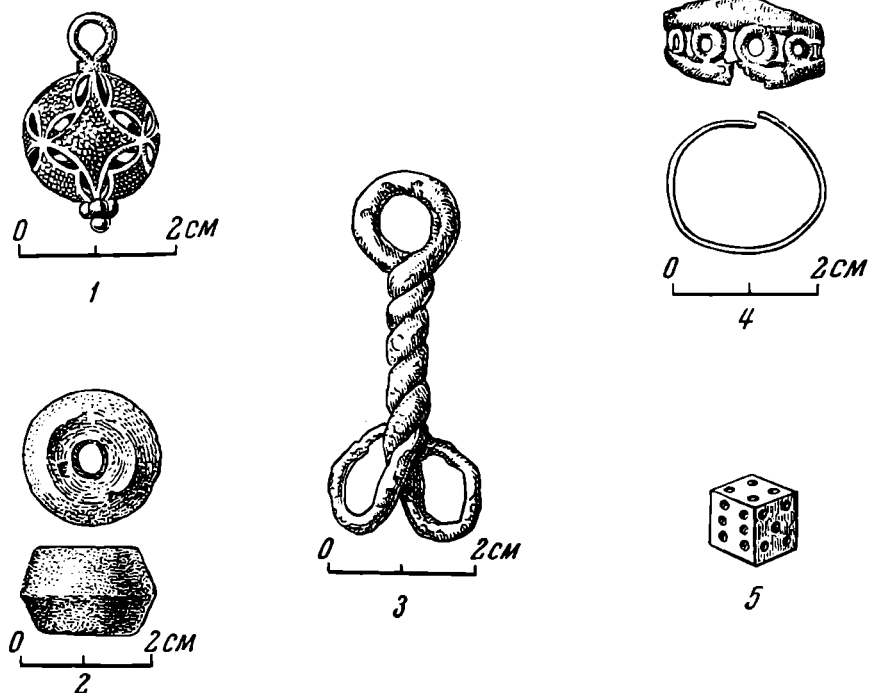

Рис. 40. Вещи из раскопок в Зарядье.

1 — серебряная пуговица; 2 — глиняное пряслице; 3 — часть подвески; 4 — перстень; 5 — игральная кость; 6 — каменное грузило (известняк).

Из отдельных находок примерно на той же глубине (3,4—4,4 м), что и колодцы, следует отметить: серебряный рублевый слиток (рис. 42 — 1, 2); нож с серебряной гравированной ручкой (рис. 43 — 6); наконечник железной стрелы (рис. 43 — 1); костяной предмет наподобие наконечника стрелы (рис. 41 — 3); деревянный предмет, повидимому, веретено с костяным напярсом, снабженным отверстием, вероятно, для продевания нитки (рис. 41 — 6); отдельное костяное напярсло от предмета того же

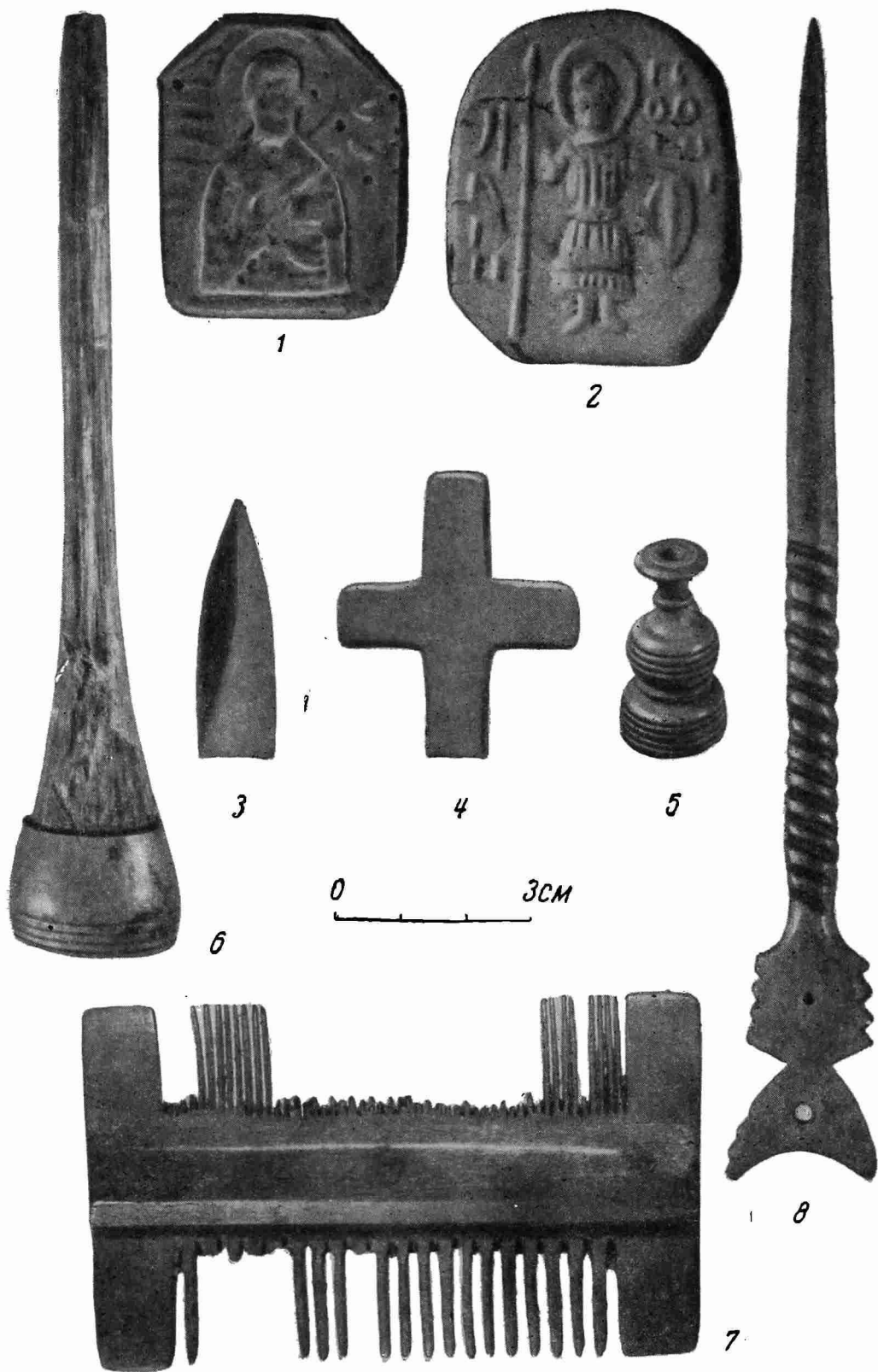

Рис. 41. Вещи из раскопок в Зарядье.

1 — стеклянная иконка с изображением св. Николая Мирликийского (2-я половина XIV в.);
 2 — стеклянная иконка с изображением св. Георгия (2-я половина XIV в.); 3 — костяной наконечник;
 4 — шиферный крестик; 5 — костяная шахматная фигура; 6 — деревянный предмет с костяным наконечником; 7 — костяной гребень; 8 — костяная шпилька.

типа; части глиняных детских игрушек — человеческой фигурки, лошадки и медведя — и игральную кость (рис. 40 — 5).

На рублевом слитке оттиснуты два клейма; он весит 86,78 г. Если учесть, что от времени слиток мог несколько утратить первоначальный вес на 2—3 г, то он точно соответствует весовой норме московского рубля конца правления Дмитрия Донского и первой половины правления его сына Василия (1380—1410 гг.). Клейма на слитке или московские великокняжеские, или московских удельных князей конца XIV в.—начала XV в.¹

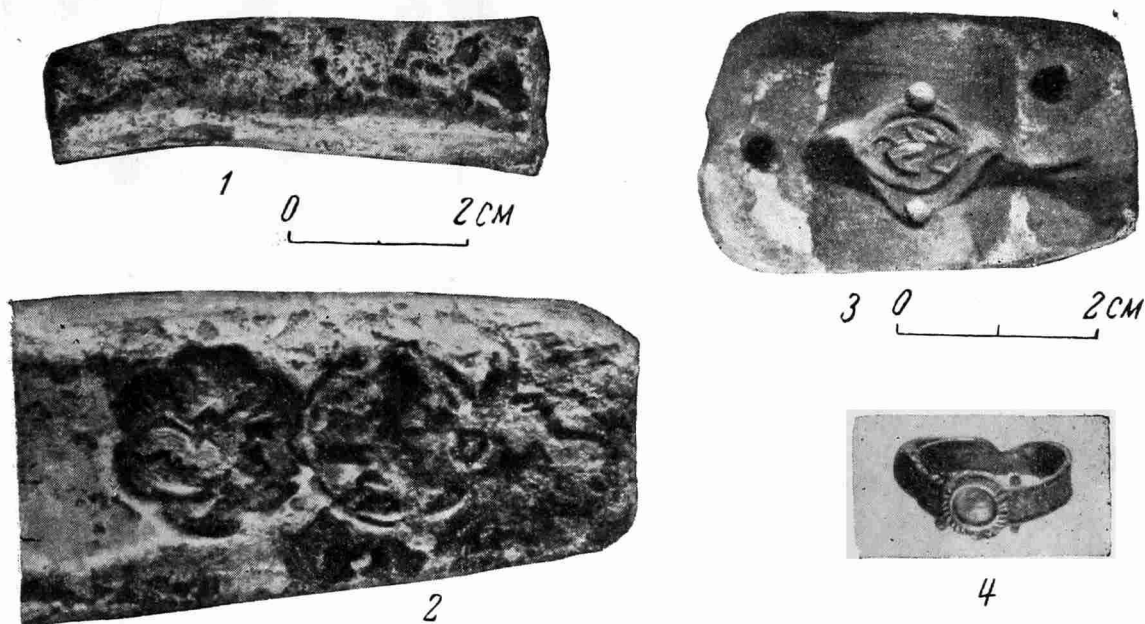

Рис. 42. Вещи из раскопок в Зарядье.

1 — серебряный рублевый слиток; 2 — два клейма на рублевом слитке; 3 — литейная форма; 4 — перстень.

Наиболее ярко в раскопе представлен 3-й строительный период; сохранились остатки дома, — повидимому, кожевника, — с прирубом и частично двор с плетнем (рис. 44 — 1).

От сруба дома, рубленного в обло, размером $3,9 \times 4,3$ м, уцелели 2 венца и частично настил пола из досок (рис. 45). Судя по этим остаткам, вход в дом был с западной стороны. Внутри помещения параллельно южной стене на расстоянии 1,6 м шла тонкая перегородка. За ней, в юго-восточном углу, находилась печь. Напротив нее, в северо-восточном углу, было место, где располагались нары. Около них, в восточной стене, вероятно, имелась дверь в помещение пристройки, прирубленной к основному срубу. Пристройка размером 3×3 м имела бревенчатый пол. Очевидно, это было хозяйственное помещение, где хранилось имущество.

Вдоль северной стороны дома был положен деревянный настил в виде дорожки. С той же стороны на расстоянии 1,6—2 м от дома встречены остатки забора — плетня из кольев и тонких прутьев.

По-видимому, на усадьбе того же владельца располагалось и сооружение в виде углубленного в землю чана диаметром около 3 м, стенки которого сложены в один кирпич ($8 \times 14 \times 30$ см). Внутренняя часть его покрыта водонепроницаемым слоем глины. Наличие вокруг чана большого количества кожи дает некоторое основание предполагать, что он использовался для кожевенного производства.

¹ Определение слитка, как и нижеописанных стеклянных иконок, произведено В. Л. Яниным.

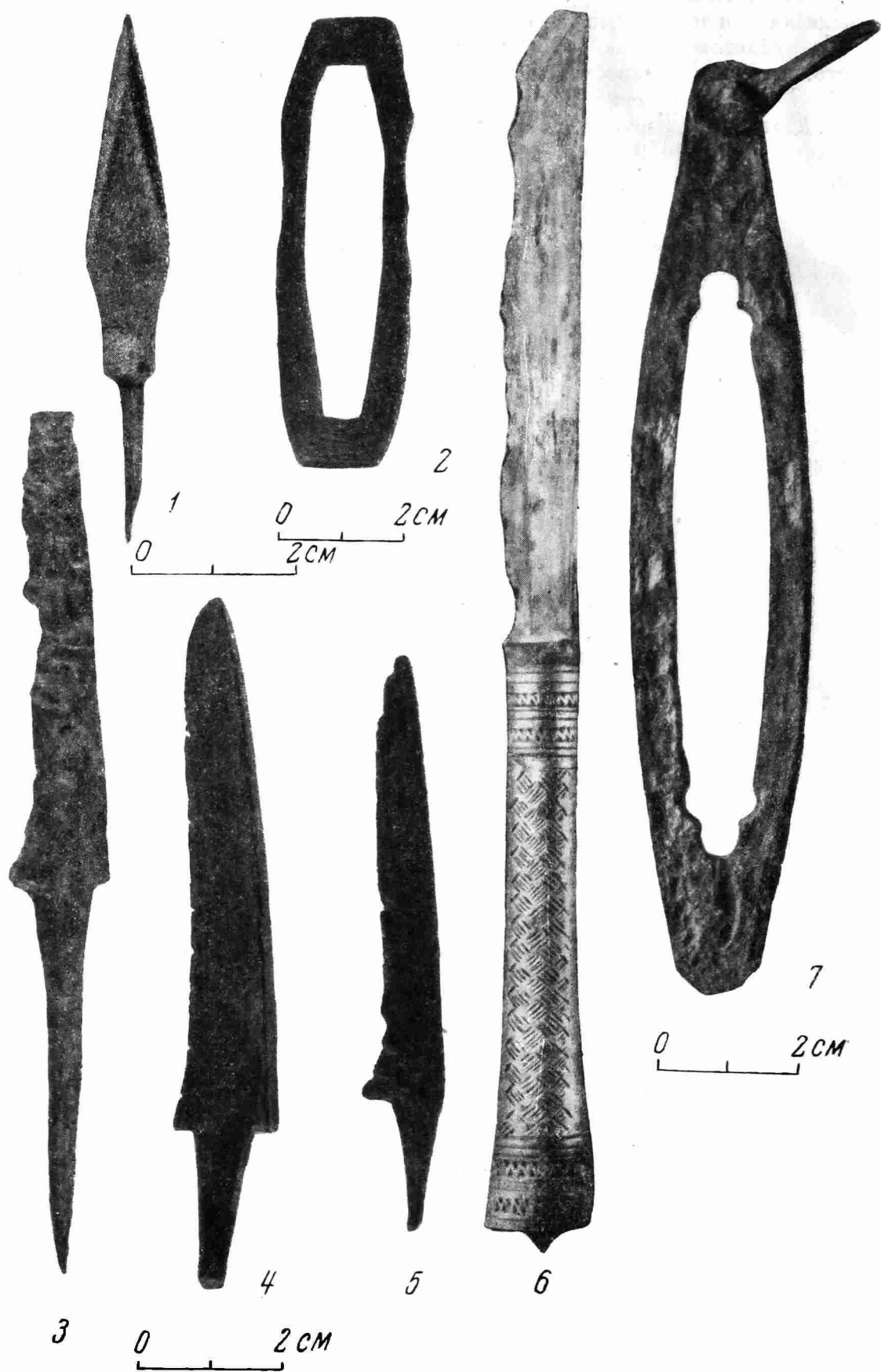

Рис. 43. Вещи из раскопок в Зарядье.

1 — наконечник стрелы; 2, 7 — кресала; 3—5 — ножи; 6 — нож с серебряной гравированной рукояткой-
 (1—5 — железо; 6 — железо и серебро).

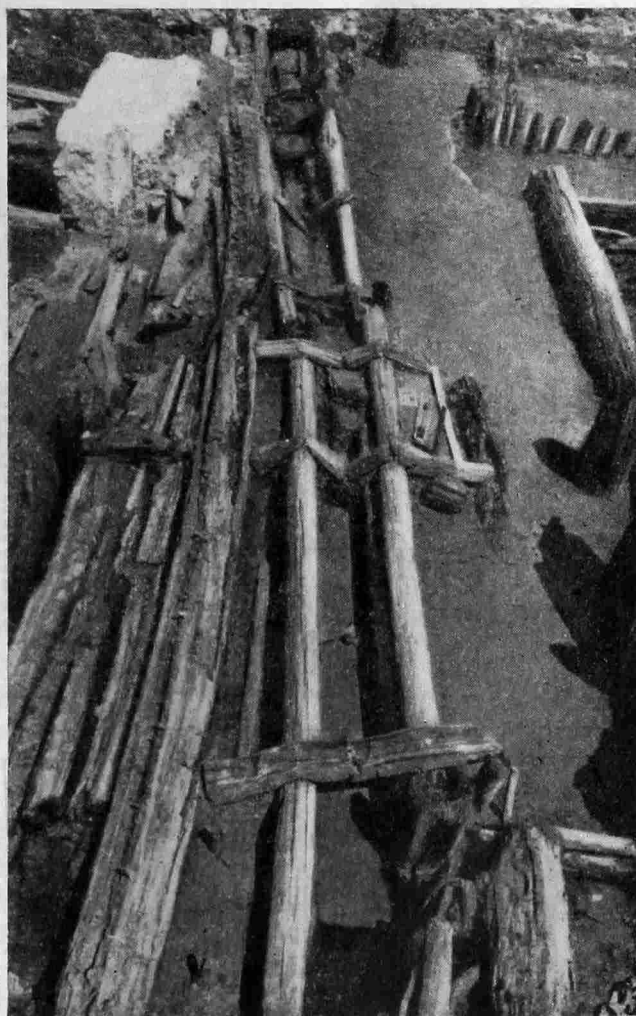
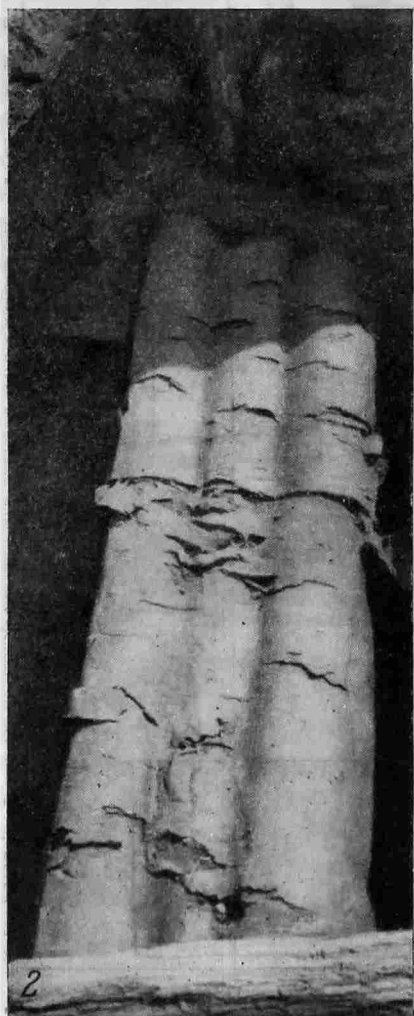
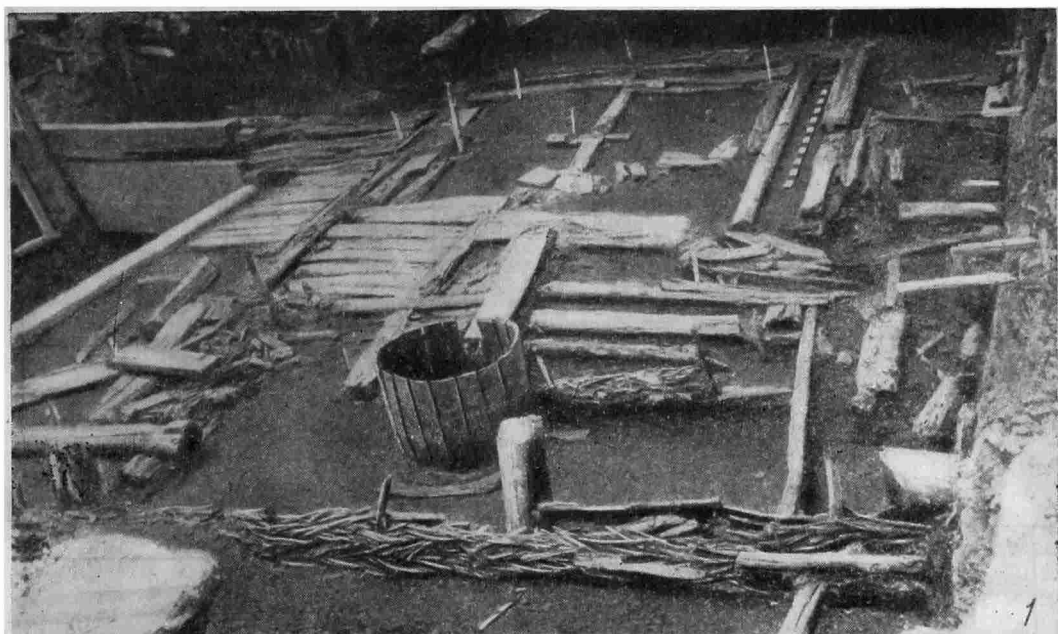

Рис. 44. Остатки деревянных сооружений на участке № 5.

1 — часть дома с прирубом и двора с плетнем на усадьбе XVI в.; 2 — покрытие дренажного водостока; 3 — остатки двух дренажных водостоков.

С описанным комплексом связаны находки: каменные (рис. 40 — 6) и глиняные грузила и пряслица, железные ножи (один из них с клеймом), кожаные ножны, кресало (рис. 43 — 7), ключи, восковая свеча, обломки

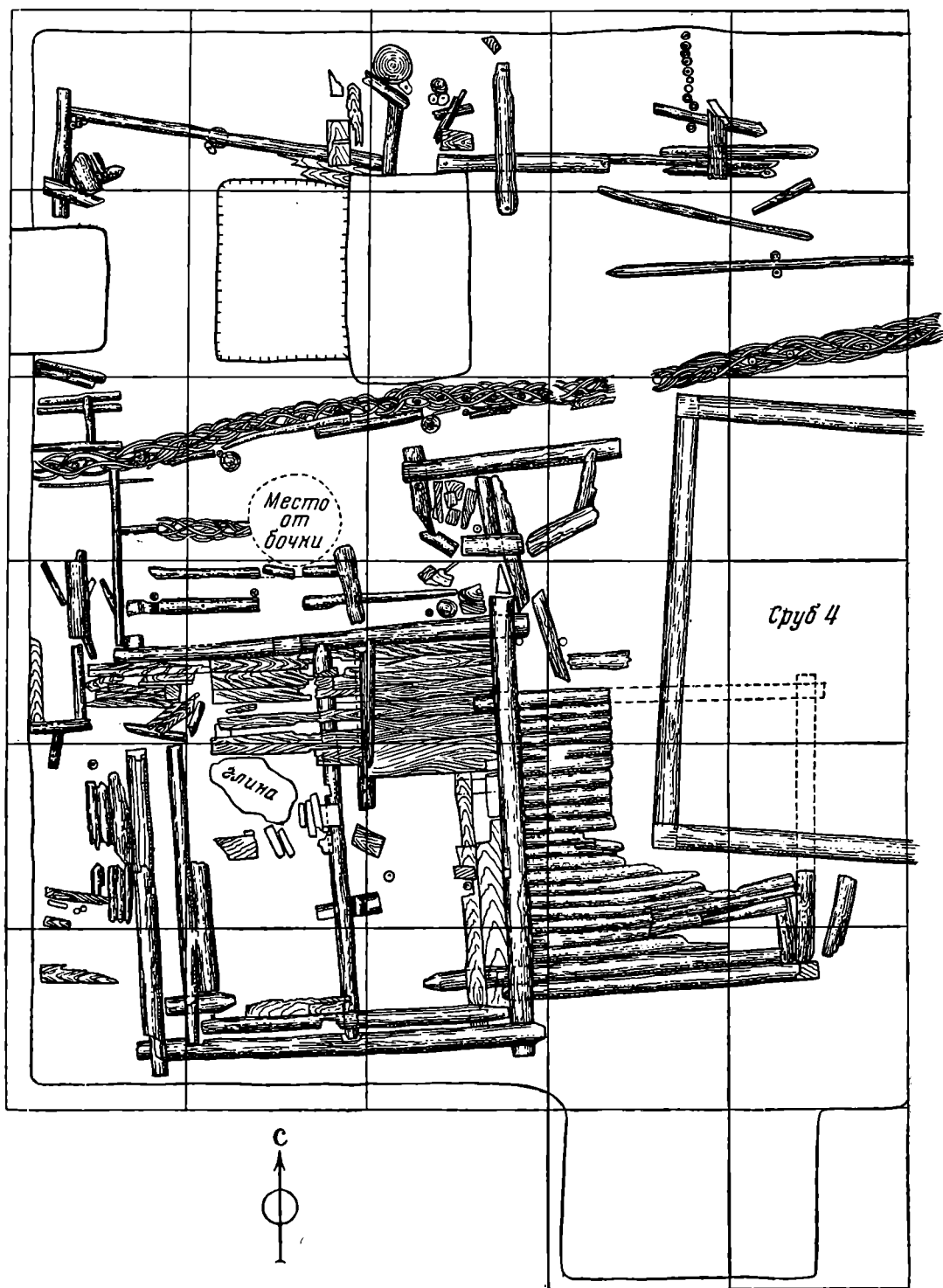

Рис. 45. План раскопок усадьбы XVI в.: дом с пристройкой, двор, плетень.

деревянных чаш и миски, костяной гребень, перстень (рис. 42 — 4), низка стеклянных бус, серебряная пуговица (рис. 40 — 1), детские глиняные игрушки, шахматная фигурка (рис. 41 — 5) и др.

Судя по отдельным находкам, керамике и стратиграфии слоя, исследованный комплекс может относиться к XVI в.

Следует отметить также 7-й строительный период. Здесь вскрыты остатки дома, водосточной канавы и хозяйственных построек, расположенных на одной усадьбе. Все они носили следы пожара.

От дома сохранились части нижнего венца сруба и пола из досок и вкопанная под пол дренажная бочка без дна. Дренажная бочка, присутствие остатков колышков, столбов-подпорок и настил в одной части пола дают некоторое основание считать обнаруженную часть постройки нижним помещением дома в виде подклети.

Восточнее проходила водосточная канава. Одна ее сторона была бревенчатой, другая — из ряда колышков. В северо-восточном углу раскопа обнаружены остатки хозяйственной постройки, стенки которой состояли из кольев, горбылей и столбов по углам.

Весь этот комплекс датируется концом XVI в.—началом XVII в.; по видимому, он погиб от пожара в период польской интервенции.

После пожара вместо водосточной канавы из кольев и бревен здесь был сооружен деревянный водосток, а когда от времени он разрушился, рядом с ним сделали новый, тоже деревянный. Дно его было выстлано досками, а лоток сверху прикрыт бревнами и поверх них — берестой в два слоя. Время сооружения этих водостоков — 1-я половина XVII в. (рис. 44 — 2, 3).

В итоге раскоп участка № 5 дал возможность вновь проследить довольно мощный, впервые за два последних года обнаруженный в Москве, домонгольский слой, богато насыщенный стеклянными браслетами и включавший обильный материал по последующим периодам истории Московского посада.

Второй раскоп 1954 г. был заложен на участке № 8 за зданием церкви св. Анны, в юго-восточной части Зарядья, которая раньше называлась «Вострый угол». В основании культурных напластований этого района Зарядья лежит культурный слой с вещами и керамикой XIII в.—начала XIV в. К этому же времени относятся и остатки литейной мастерской: яма с обломком тигля, гряда шлака, литейная форма для перстня (рис. 42 — 3), куски воска, горшок с воском на днище, наконец, тигель в срубе жилища; все это указывает на существование здесь меднолитейной мастерской в конце XIII в. или начале XIV в.

В раскопе участка № 8, не считая сооружений XIX—XX вв., прослежено до 6 строительных периодов. Сохранились остатки срубов жилых и хозяйственных построек, часть дренажной канавы, стенки которой были огорожены кольями и горбылями, часть настила из досок и т. д.; все это относилось к XIV—XVII вв.

Строения здесь часто горели, и, по видимому, дом с пристройкой, остатки которого обнаружены в нижнем слое, сгорел во время пожара при вторжении в Москву татар в XIII в. Внутри сруба найдено два обломка золотоордынской керамики с поливой бирюзового цвета конца XIII в.—начала XIV в.; один был на уровне пола дома, другой — от небольшой мисочки типа пиалы — лежал ниже. Третий обломок золотоордынского, того же времени, поливного сосуда типа миски с росписью под поливой в виде «павлиньего хвоста» обнаружен за пределами сруба на той же глубине, что и первый. Сосуд изготовлен из розоватого теста и, по видимому, в Сарая-Берке.

Из отдельных находок, обнаруженных в нижних слоях, следует отметить впервые найденные в Москве две иконки из стекла. На одной изображен св. Георгий (рис. 41 — 2), на другой — св. Николай Мирликийский (рис. 41 — 1). Эти иконки по находкам в раскопе и его стратиграфии могут быть датированы 2-й половиной XIV в.

Наиболее близкую аналогию иконке с изображением св. Георгия, по определению В. Л. Янина, дает печать московского великого князя Василия Васильевича Темного (1425—1462 гг.). По конфигурации щита эта иконка близка к печати 1372 г. новгородского боярина Ивана Еремьевича.

По трактовке изображение св. Николая на второй иконке не отличается от изображений святых на печатях Сильвестра 1372 г. и московского великого князя Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.).

На основании указанных аналогий В. Л. Янин датирует эти иконки 2-й половиной XIV в.—1-й половиной XV в.

Здесь же обнаружены: 4 фрагмента стеклянных перстней, относящихся к XIII—XIV вв., 2 стеклянные бусины, костяная шпилька с навершием в виде петушка, близкая к костяной поделке, найденной в Новгороде в слоях XIII в. (рис. 41—8), и кресало овальной формы (рис. 43—2).

Материалы из раскопа участка № 8 позволили, таким образом, не только установить время заселения этой части Зарядья, но и в значительной степени обогатили нас новыми данными по истории хозяйства, быта и культуры древнего Московского посада.

Третий раскоп 1954 г. был заложен на участке № 9 по Псковскому переулку. Получен обильный материал, позволяющий установить, что на данной территории культурный слой начал отлагаться с XIV в. и что эта часть Московского посада заселялась в XIV—XV вв. В это время здесь уже прокладывались водоотводные каналы и появились первые строения, которые имели несколько иную ориентировку, чем последующие постройки XVI—XVII вв. Нижний горизонт культурного слоя, как и на других участках, также содержал предметы ремесленного производства — литейного, кожевенного и др. В раскопе выделяется до 9 строительных периодов, включая и постройки XIX—XX вв.

В XVI—XVII вв. в этом районе посада появляются усадьбы более зажиточных горожан. В раскопе найдено большое количество красных изразцов с белой покраской, выброшенных после разрушения печи XVI в., которая могла находиться только в богатом доме. Это скопление красных изразцов исключительно интересно для изучения изразцового и печного дела на Руси.

В 1-й половине XVII в. на территории, охваченной раскопом, проходила деревянная мостовая, с южной стороны ее — частокол, отделявший двор соседней усадьбы. Следует отметить, что 60% находок, обнаруженных на мостовой и между мостовой и частоколом, относилось к частям обуви, утерянным, очевидно, прохожими, чего мы не наблюдали в других местах раскопа.

За линией частоккола располагались территория двора, вымощенная деревом, и остатки хозяйственной постройки. Позднее, — повидимому, во 2-й половине XVII в., — место, где находилась деревянная мостовая, было застроено домом сапожника, и граница усадьбы отодвинулась на 0,7 м вглубь ее участка, где и был построен новый бревенчатый забор, разделявший усадьбы.

В доме сапожника, так же как и у кожевника на участке № 5, имелись нары размером 1,4 × 1,8 м; напротив них, очевидно, стояла печь. С восточной стороны к дому была прирублена пристройка — мастерская сапожника. В ней на уровне пола обнаружен мощный слой из обрезков кожи, заготовок и частей обуви. Здесь найдены: кусок воска, топориче, кусок шерстяной ткани, разбитый водолей, гребень, пряслице из черепка, медный нательный крест 2-й половины XVII в. и другие предметы.

На соседней с владением сапожника усадьбе, на месте двора с настилом, в конце XVII в.—1-й половине XVIII в. был выстроен дом с примыкавшей к нему надворной постройкой. Остатки дома оказались за пределами раскопа; открыты были только части пристройки. Примерно

во 2-й половине XVIII в. на той же территории выстроен новый дом, принадлежавший костерезу, на что указывают находки костяных поделок. Постройка интересна тем, что она, вероятно, сгорела при пожаре Москвы 1812 г. Перед этим событием, очевидно, под полом дома было спрятано несколько вещей, более ценных для проживавших. Здесь найдены: костяная бусина, костяная отполированная пластинка, чернолощенная кубышка, глиняный горшок, поливной стаканчик и пара аккуратно сложенных женских шелковых чулок с узорными вставками.

Вскоре после пожара на том же месте был построен новый дом, но меньшего размера и с пристройкой. Владельцы его продолжали заниматься костерезным делом.

Следует заметить, что раскоп участка № 9 дал возможность не только установить время заселения этой части Зарядья и проследить постепенную смену ранних строительных периодов, но и изучить культурные напластования более позднего времени — XVIII—XIX вв., что обычно не удавалось в других раскопках из-за разрушенности верхних слоев.

Итак, на основании полученных материалов в 1954 г. можно сделать следующие общие выводы:

1. В основе культурного слоя древнего Московского посада на территории Зарядья лежит мощный пласт (до 0,6 м) XII—XIII вв., в котором собрано большое число обломков стеклянных браслетов и других вещей этого времени. Пласт, главным образом, сосредоточен в северо-западной части Зарядья и покрывает возвышенную часть по направлению к улице Разина; он не распространяется за линию бывшего Ершова переулка и лишь немного заходит восточнее границы Максимовского переулка.

2. Культурный слой домонгольского периода в Зарядье начинает отлагаться не ранее конца XI в. Ни в раскопах, ни при наблюдениях по бывшему Мокринскому переулку не обнаружено находок, определенно указывающих на X или XI в.

3. В районе так называемого «Вострого угла», около церкви св. Анны, культурный слой отлагается с середины XIII в., и уже в XIII—XIV вв. это место застраивается. В начале XIV в. здесь сосредоточивалось литейное производство. С XIV по XVII в. район занят наземными бревенчатыми жилыми постройками. Были возведены дренажные сооружения. Деревянные постройки этой части Московского посада довольно часто горели.

4. Если раньше существовало мнение, что древнейший Московский посад не простирался дальше линии современного Псковского переулка, то теперь есть основания считать, что территория за Псковским переулком заселялась в XIV—XV вв., а культурный слой начал здесь отлагаться с XIV в.

Нижний горизонт культурного слоя по Псковскому переулку, как и на других участках, также содержит предметы ремесленных производств (литейного, кожевенного и др.). Здесь жили ремесленники (сапожники, костерезы) и в XVII—XIX вв.

5. Постепенное расширение территории древнего Московского посада в основном происходило в связи с притоком в Москву нового населения после татаро-монгольского нашествия.

6. Подтверждается вывод, сделанный в 1953 г., о том, что планировка посада до XIV—XV вв. была несколько иной; позднее в ряде случаев изменились направление переулков и расположение домов.

7. На территории Московского посада в XVI—XVII вв. появились усадьбы зажиточных торговых и ремесленных людей, которые возводили дренажные сооружения и строили более обширные дома, иногда из 2—3 помещений, с надворными постройками.

Вполне возможно, что в XVII в. на территории Зарядья некоторые деревянные дома строились с подклетью. Жилые помещения находились выше уровня поверхности, а под ними были невысокие помещения для хозяйственных нужд, и здесь же устраивались осушительные дренажные сооружения.

Таковы предварительные итоги по проведенным в 1954 г. в Зарядье исследованиям.

Кроме раскопок и наблюдений в Зарядье, в том же году научным сотрудником Московской экспедиции Р. Л. Розенфельдом проводились работы по изучению гончарных горнов на Яузе и велись археологические обследования нижних частей зданий церквей св. Анны в Зарядье и Михаила Архангела в Овчинниках.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Э. А. СИМОНОВИЧ

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ПОСЕЛЕНИЙ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Работы в Причерноморье, на почти не изученных берегах Тилигульского лимана (в древности — Асиак), предприняты отрядом Буго-Днепровской экспедиции Института археологии Академии наук УССР¹. Цель работ отряда — исследование и сопоставление памятников первых веков нашей эры в Причерноморье с находками, относящимися к черняховской культуре лесостепной зоны Украины. Оба берега лимана обследованы на 35 км вглубь от моря до с. Калиновки (бывшей Поповки) (рис. 46).

Особый интерес вызвало поселение первых веков нашей эры возле с. Капустино. Оно расположено на левом берегу лимана, в 12 км от моря, на нераспахиваемом склоне балки². Древнее поселение не было укреплено; протяженность его не превышала 250 м при ширине 50 м. По одну сторону прибрежной дороги, ближе к лиману, заложен раскоп I, по другую, над местом выборки глины, — раскоп II. Оба раскопа дали две частично сохранившиеся постройки.

В раскопе I можно было проследить только северо-западный угол фундамента наземной постройки из неотесанных камней и вымостку у стены, обращенной на северо-запад.

В раскопе II раскрыта большая часть наземной постройки (рис. 47). Строение состояло из 3 помещений и было ориентировано с северо-запада на юго-восток. Основания стен местами сохранились на высоту 0,4 м. При строительстве употреблялись необработанные камни. Наиболее крупные укладывали преимущественно по краям, мелкими забутовывали пространство между ними.

Дом состоял из основного жилого помещения A и двух небольших хозяйственных помещений, примыкавших к нему с юго-востока.

В углу жилого помещения, повидимому, неподалеку от входа, помещалась печь. Подковообразно расположенные камни составляли основание небольшого свода, верхняя часть которого была вылеплена из глины. Под кусками обмазки обрушившегося свода открыт гладкий глиняный под. В него были вмазаны отдельные обломки сероглиняной, изготовленной на круге, посуды. Ниже пода выложен слой черепков глиняных сосудов, а по краям — плоские камни диаметром 0,10—0,15 м. Ниже залегала обожженная глина — остатки

¹ Начальником Буго-Днепровской экспедиции в 1950 г. был Л. М. Славин. Отряд возглавлял автор этих строк.

² О следах обитания в этих местах еще в эпоху бронзы говорит любопытная находка в с. Капустино могильной антропоморфной стелы киммерийского времени, залегавшей над скорченным погребением; см. КСИА, 3, 1954, стр. 81—85.

второго пода, который также имел подложе из камней и обломков керамики. При устройстве печи использовано около 240 обломков изготовленных на круге сосудов.

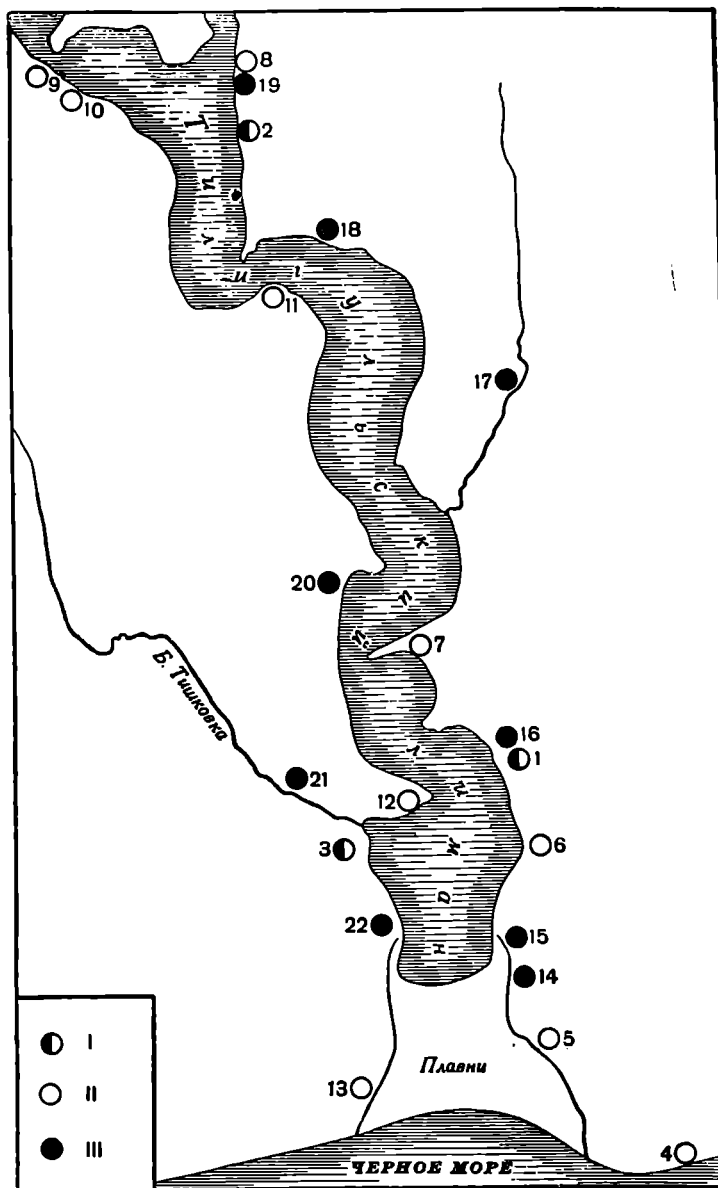

Рис. 46. Карта археологических памятников, обнаруженных на Тилигульском лимане (по данным разведки 1950 г.).

1 — Капустино, погребение; 2 — Ташино, поселение; 3 — Тишковка, поселение; 4 — Карабаш, поселение; 5 — Коблево — Перекрестная балка, поселение; 6 — Ленивка, поселение; 7 — Коса, поселение; 8 — Ташино, поселение (?); 9 — Калиновка, поселение; 10 — Калиновка — балка Марья Ивановна, поселение; 11 — Марьяновка, поселение (?); 12 — Тишковка, городище «На мысу»; 13 — Кошары, городище у лимана (в устье); 14 — Коблево 2; 15 — Коблево 1; 16 — Капустино; 17 — Атаманка; 18 — Атаманка; 19 — Ташино; 20 — Ранжевье; 21 — Тишковка; 22 — Кошары (14—22 — поселения).

I — памятники эпохи бронзы; II — памятники скифского времени; III — поселения первых веков нашей эры.

Жилая комната сообщалась с узким и длинным помещением В. В стене, разделявшей их, сохранились уступы дверного проема. Примерно посередине помещения, которое, видимо, было хозяйственным, в поперечном направлении лежала плита неправильной овальной формы с довольно ровной поверх-

ностью (1 × 0,60 м); около плиты обнаружены два крупных обломка амфор с рифлеными стенками.

К юго-восточной стене хозяйственного помещения и северо-восточной стене жилой комнаты примыкало помещение Б, служившее, видимо, кладовой.

Подавляющую массу находок на поселении составляют обломки керамики, причем преобладает посуда, изготовленная на гончарном круге. Единичные обломки лепной посуды принадлежали горшкам с резко отогнутым краем в виде раструба и с пологими плечиками. Сходство этой формы с лепными

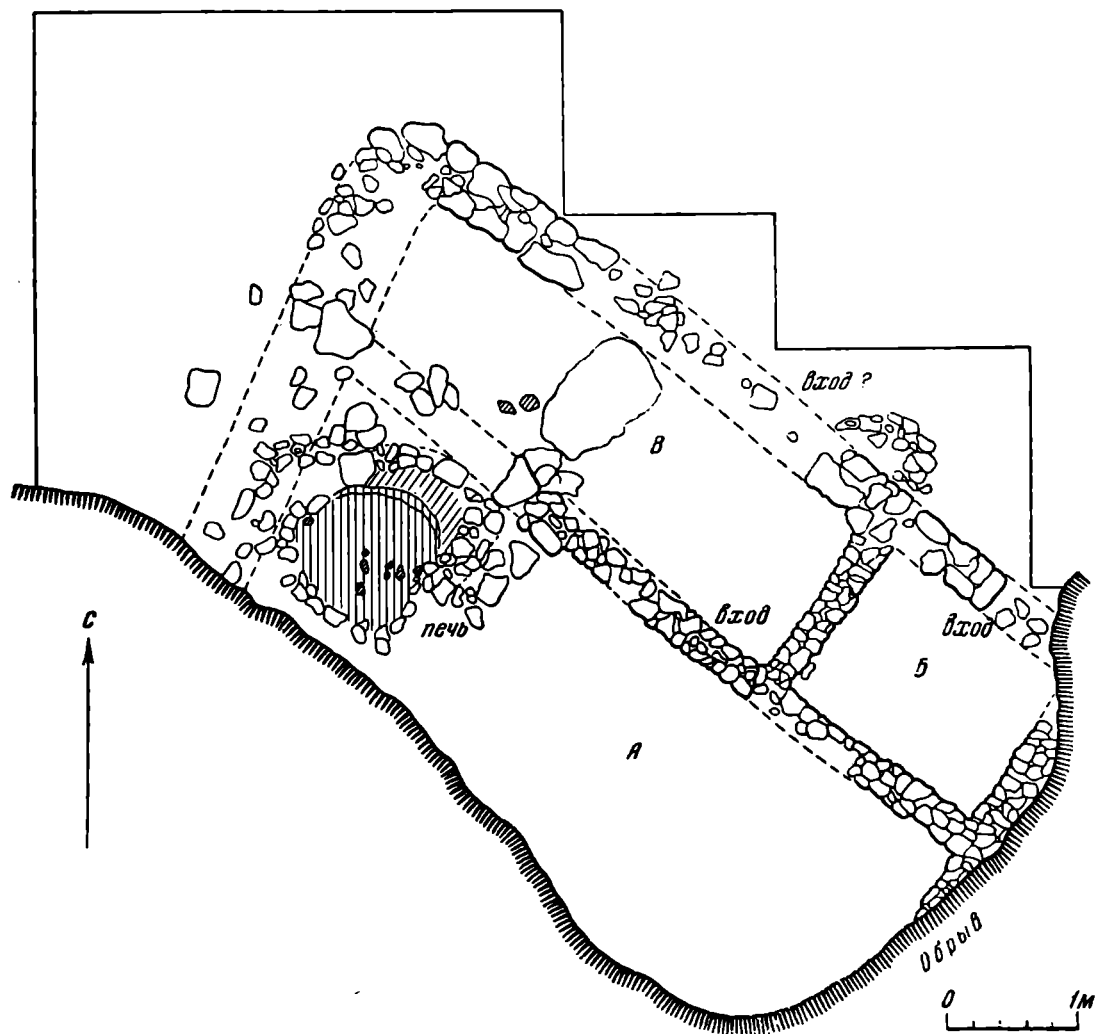

Рис. 47. План жилого комплекса, обнаруженного в раскопе II в с. Капустино.

горшками из причерноморских поселений эллинистического времени очевидно¹.

Местная гончарная посуда здесь представлена горшками, мисками, кувшинами, кубками и некоторыми иными, промежуточными формами. Наиболее распространены сероглиняные горшки с шероховатой поверхностью, отогнутым угловатым краем, пологими или крутыми плечиками, близкие по форме лепным горшкам, и лощеные миски.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в материале импортных вещей. В раскопе II обломки амфор составляют не более 5%.

¹ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Ольвия, I, Киев, 1940, табл. XXVI, 2, 3; ее же. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. Изв. ГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 168, рис. 45, 1.

Находки, собранные на других поселениях (у сел Коблево, Ташино и Кошары) первых веков нашей эры на Тилигульском лимане, помогают дополнить характеристику местной керамики этого времени. Так, по находкам на поселении Коблево 2 мы узнаем о существовании сосудов с широким горизонтальным краем, служивших для хранения запасов и биконических мисок с широким краем. Сосуды-хранилища украшали массивным валиком, какой мы видим на обломке толстостенного сосуда из с. Ташина. По обломкам мисок из пунктов у с. Кошары и Коблево 2 можно говорить о распространенной в этот период сетчатой лощеной орнаментации, об украшении сосудов заштрихованными треугольниками.

На основании изучения собранных материалов могут быть сделаны следующие выводы:

1. Ряд поселений на Тилигульском лимане относится ко II—IV вв. н. э. Датирующими находками служат обломки амфор, прежде всего узкогорлых и широкогорлых с угловатым профилем¹, обнаруженные в пунктах у сел Капустино, Кошары, Ташино и Коблево, и обломок гончарного краснолакового сосуда из поселения Коблево 2. Материалы, найденные на берегах Тилигульского лимана, свидетельствуют о том, что местные поселения в общем одновременно памятникам черняховской культуры лесостепи.

2. Для обследованных поселений характерно зафиксированное в пунктах у сел Капустино и Коблево 2 каменное домостроительство.

Таким образом, поселения у сел Капустино и Коблево 2 и, повидимому, некоторые другие, расположенные у Тилигульского лимана, дополняют число причерноморских поселений с каменным домостроительством, обнаруженных западнее и восточнее обследованного района (Киселево, Ильинка, Петуховка)². Для подобных поселений типичны обширные многочастные наземные дома, сложенные из камня, тогда как на поселениях, относимых к черняховской культуре в степи и лесостепи, — даже там, где имеется камень, — следов каменного домостроительства не обнаружено. Размеры жилищ, характерных для культуры «полей погребений» степи и лесостепи, как правило, невелики. Жилища обычно состоят из одного или, реже, двух помещений (Привольное, Никольское).

Однако, кроме этого типа, значительно отличающегося от черняховских поселений, в Причерноморье открыты поселения другого типа.

Раскопками М. Ф. Болтенко на Березанском лимане в Викторовке, на поселении первых веков нашей эры, вскрыты полуземлянки столбовой конструкции, прямоугольно-овальных очертаний, с очагом посередине³.

3. При раскопках памятников черняховской культуры встречались отдельные сосуды, близкие по форме сосудам из описываемых поселений. В группе гончарной посуды такое сходство, с большой долей вероятности, объясняется распространением в это время из причерноморских областей гончарного круга. В целом же облик керамики культуры «полей погребений» в лесостепи иной, чем в Причерноморье. В особенности ярко выступают отличия, если сравнить ведущие формы лепной посуды.

Между тем в материалах из Викторовки многие формы сосудов имеют прямые аналогии в массовых находках керамики из лесостепных поселений

¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1939 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 31, рис. 24, 2; его же. Раскопки в Мирмекии в 1935—1939 гг. МИА, № 25, стр. 206, рис. 123.

² М. Синицин. Дослідження скіфо-сарматських пам'яток під Одессою в 1946 р. Записки Одесского пед. института, № 7, 1949, стр. 153, 154; К. М. Раевский. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днестра—Днепра в I тысячелетии н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 250—276.

³ Хроника научно-исследовательской работы в области древней истории и археологии в университетах, педагогических институтах и музеях СССР (1950—1951 гг.). ВДИ, 1951, № 4, стр. 239.

первых веков нашей эры¹. Например, в Викторовке найдены сероглиняные пифосообразные корчаги, украшенные двумя параллельными валиками с вдавлениями, с противоположным наклоном в виде «елочки», — такими же, как на сосудах Среднего Побужья (Кринички², Синицивка-Сабатиновка³, Завалье, Глибочек), или орнаментированные наклепными массивными валиками с расплюснутыми участками (Кринички, Березовка). На основании сказанного нам кажется возможным пункты Капустино и Коблево 2 связать с поселениями типа Киселево и Петуховка и отделить другие поселения типа Викторовки. Последние, вполне вероятно, принадлежали населению, тесно связанному с лесостепью черняховского времени или, может быть, даже переселившемуся оттуда в первые века нашей эры⁴.

Отличия в домостроительстве и материальной культуре поселений у сел Капустино, Киселево и Коблево 2, с одной стороны, и Викторовки — с другой, при намечающейся у обеих групп одинаковой хозяйственной земледельческой базе⁵, становятся понятными, если допустить различное этническое происхождение населения, оставившего эти группы памятников. Ряд своеобразных черт культуры и быта мог сохраняться продолжительное время у двух, живших бок о бок, разноэтничных групп населения.

Очень важными моментами для определения этноса будут обнаружение и археологические исследования в Причерноморье могильников, оставленных сельским населением черняховского времени. Поиски их остаются насущной задачей. Подтвердить намечаемую группировку поселений первых веков нашей эры в этом районе Северного Причерноморья могут только систематические раскопки.

¹ См. фонды Одесского археологического музея. Пользуюсь случаем принести свою благодарность М. Ф. Болтенко и А. Э. Яровому, ознакомившим меня с основными находками раскопок 1949 и 1950 гг.

² Раскопки С. С. Гамченко. См. фонды Государственного Эрмитажа и рукопись архива ЛОИИМК.

³ Э. А. Симонович. Млинове спорудження перших століть н. е. на Південному Бузі. «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 100, рис. 2, 8 (в подписи под рисунком ошибочно указано происхождение сосудов из Луки-Врублевецкой).

⁴ Раскопки в степных районах Украины черняховских памятников — поселений в Куте и Грушевке (1951 г.) и могильников в Каменке и районе с. Гавриловка (1952—1953 гг.) в Приднепровье, а также поселения Красный хутор у г. Вознесенска на Южном Буге (1950 г.), — делают еще более вероятным проникновение в Причерноморье в сталь раннее время населения из лесостепи и степи.

⁵ Л. М. Славин. Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период. ВДИ, 1940, № 1, стр. 205.

В. Д. БАРАН

БРОНЗОВАЯ ПОДВЕСКА ИЗ СЕЛА ЧЕРЕПИНО

В 1954 г. во время раскопок на поселении культуры «полей погребений», расположенном у с. Черепино, Львовской области, в числе прочих находок найдена бронзовая подвеска, представляющая собой изображение льва¹. Длина подвески — 3,8 см, высота — 2 см, толщина — 0,25 см (рис. 48).

С лицевой стороны подвеска рельефная, с оборотной — гладкая, т. е. вылитая в односторонней форме. Подвеска покрыта нарезными черточками и миниатюрными треугольными углублениями, сделанными штампом после

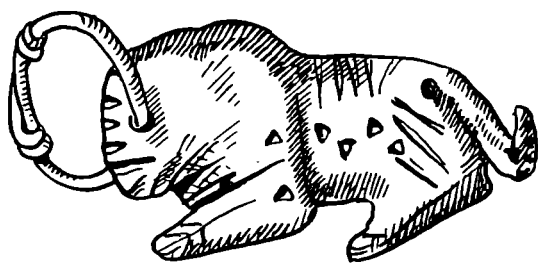

Рис. 48. Бронзовая подвеска из с. Черепино.

отливки предмета. При помощи черточек мастер подчеркивал характерные детали строения тела и мускулатуру; кроме того, черточки помогли ему убедительнее показать положение зверя, приготовившегося к прыжку, — особенно подчеркнуты голова и передняя часть туловища. Очевидно, этим приемом мастер хотел передать силу хищника. Треугольные углубления служат в качестве декоративного

украшения подвески. В целом фигура льва выполнена довольно реалистично и с большим мастерством.

В пасти хищника сделано небольшое круглое отверстие, через которое проходит бронзовое проволочное кольцо с аккуратно завязанным двойным узлом; оно служило для подвешивания украшения.

Подвеска обнаружена в развале каменной печи в одной из полуземлянок, которая по характеру фибул и керамики датируется III—IV вв. н. э. К этому же времени следует отнести и описываемую находку.

В материалах культуры «полей погребений» Поднепровья и Поднестровья аналогичные изображения неизвестны, поэтому подвеска заслуживает внимания как образец ювелирного ремесла 1-й половины I тысячелетия н. э.

Подвесок с изображением льва мы не встречаем и в более южных районах Молдавии, с которыми, как известно, связаны памятники Поднестровья первых веков нашей эры. Но в это время в римских провинциях и за их границами были распространены зооморфные фибулы. Такого типа фибулы

¹ Раскопки производила Черепинская археологическая экспедиция Института общественных наук Академии наук УССР под руководством М. Ю. Смишко.

известны из Южного Тироля¹, Подунавья², Причерноморья³ и других областей. Среди зооморфных фибул, хотя и довольно редко, встречаются изображения льва. Такие фибулы найдены в Нонсберге⁴ (Южный Тироль) и на территории римского лагеря в Грегочио⁵ (О-Шены возле г. Комарова) в Венгрии. Изображения животных на этих фибулах похожи на фигурку из с. Черепино, но они более схематичны и стилизованы.

В изображении льва на бронзовой фибуле из Нонсберга, как и на подвеске из с. Черепино, при помощи черточек условно передаются некоторые физические особенности животного. Но вместо треугольных углублений туловище животного на фибуле из Нонсберга покрыто выемчатой эмалью.

Фигурки львов чаще встречаются среди украшений и фибул предскифского и скифского времени⁶. Такие фибулы найдены и на территории Поднестровья (мы имеем в виду Михалковский клад⁷). Они сделаны из золотых пластинок и отличаются от нашей находки техникой изготовления, схематичностью изображения животного, характером орнаментации и другими особенностями.

Приведенные аналогии указывают на связи населения Поднестровья с населением римских провинций в 1-й половине I тысячелетия н. э. и свидетельствуют о сохранении им более древних местных традиций.

¹ A. Riegl. Die spätrömische Kunst-Industrie nach den Funden in Österreich-Ungarn, Wien, 1901, табл. VIII.

² V. Parvan. Getica Bucuresti. 1926, стр. 556, рис. 394.

³ А. І. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. «Археологія», VIII, Київ, 1953, стр. 87, табл. VI.

⁴ A. Riegl. Указ. соч., табл. VIII, № 3.

⁵ V. Parvan. Указ. соч.

⁶ Б. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 77; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, 1899, стр. 6, табл. XXIV, № 410.

⁷ Nadaszek. Złote skarby Michałkowskie. Kraków, 1904, стр. 10.

В. В. СЕДОВ

ЯЗЫЧЕСКАЯ БРАТЧИНА В ДРЕВНЕМ
НОВГОРОДЕ

Братчина — общинный праздничный пир. В этом смысле она не раз упоминается в древнерусских письменных источниках¹. Этнографами XVIII—начала XX в. братчина неоднократно наблюдалась и была описана в различных местностях России как у русского, так и у нерусских народов². Эти коллективные трапезы, судя по этнографическим описаниям, носили, как правило, религиозный оттенок. Обычно они устраивались в день какого-либо христианского святого, поэтому иногда их еще называли мольбами, а в Белоруссии — никольщинами, так как они совершались в Николин день. Между тем все исследователи единодушно признают, что братчины ведут свое начало от языческой эпохи, являются пережитками языческих пиров. Христианская религия приурочила общинные праздничные пиры к дням отдельных христианских святых. Об этом живо свидетельствуют письменные источники. В большей части грамот, где говорится о братчинах, непосредственно за словами об этих пирах идут описания плясок, игр, гаданий, скоморохов, которые сопровождали эти пиры³.

Судя по этнографическим сведениям, неотъемлемой частью каждой братчины являлись медовый напиток или пиво, приготовленные из продуктов, собранных со всей общины. Обрядовый братчинный напиток пили из специальных деревянных ковшей. Иногда употреблялся один общинный ковш, из которого все участники пили по очереди. В обиходе такими ковшами не пользовались; они хранились обычно до следующей братчины.

Повидимому, отражая давнее значение той или другой отрасли хозяйственной деятельности группы населения, братчины подразделялись на скотоводческие, земледельческие, пчеловодческие и охотничьи. У восточных славян этнографами отмечены только три первых вида, причем наиболее были распространены братчины, связанные с земледелием и пчеловодством.

Обязательной частью скотоводческой братчины являлось жертвенное животное (бык или баран), которое перед пиром откармливалось сообща всеми его участниками. Жертвенное животное убивалось, его варили и подавали торжественно, с особыми обрядами. Связь скотоводческой братчины

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, СПб., 1893, стр. 174, 175. Все данные письменных источников о братчинах собраны в статье А. Попова «Пир и братчины» — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Качаловым, кн. 2, пол. 2, М., 1854, стр. 19—41.

² Краткая сводка данных о братчине по этнографическим материалам приведена в статье Д. К. Зеленина «Древнерусская братчина, как обрядовый праздник сбора урожая», отд. оттиск, 1926.

³ А. Попов. Указ. соч.

с язычеством обнаруживается особо ярко. В ряде районов распространено поверие о магической силе костей жертвенного животного. После братчинного пира кости жертвенного животного закапывали в землю, считая, что они приносят богатство, а иногда их закапывали в хлев, чтобы не переводился скот.

Для братчины земледельческой обязательны обрядовые блюда — пиво и растительная пища. В южных и западных областях Восточной Европы лучше всего сохранились обряды, связанные с пчеловодческой братчиной. Для нее обрядовым блюдом был медовый напиток, жертвой — воск. Христианская церковь жертвенный воск превратила в жертвенную свечу (братская свеча)¹.

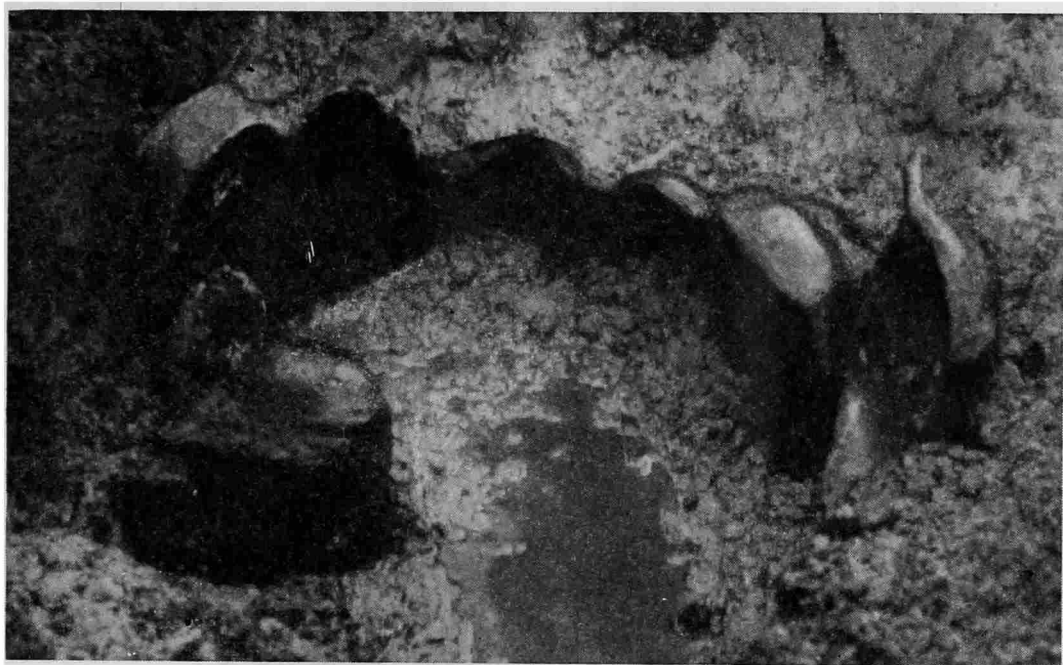

Рис. 49. Место находки жертвенных чаш (деревянных ковшей).

В ряде мест б. Смоленской и Калужской губерний братская свеча изготовлялась в виде человека. В отдельных местах до недавнего времени воск в обряде братчины был представлен в виде кусков «воскового хлеба»².

В последнее время для выяснения ряда важных вопросов языческой религии восточных славян большую роль сыграли археологические раскопки. При раскопках в Неревском конце Новгорода найдены некоторые предметы, связанные с язычеством; изучение их позволит осветить темные стороны древних верований славян. Около Новгорода, в Перыни, открыты и исследованы остатки древнерусского языческого святилища. В 1953 г. в Новгороде, при раскопках в Неревском конце слоя 1-й половины X в. (на глубине 6,2 см), недалеко от будущей Великой улицы было открыто жертвоприношение³, имеющее непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

После снятия нижнего пласта культурного слоя в материке открылась яма, круглая в плане (диаметром 0,6 м), с отвесными стенками (глубина 15 м) и горизонтальным дном. Яма была вырыта до того, как здесь начал образовываться культурный слой. В ней были расположены полукругом, вдоль

¹ И. Сцепуржинский. Братская свеча (этнографический очерк). «Странник», СПб., 1877, январь, стр. 150—153; В. Добровольский. Значение народного праздника «свечи». «Этнографическое обозрение», 1900, № 4, стр. 35—51.

² Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 135.

³ А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 111.

Рис. 50. Деревянные ковши.

западной стенки, 7 деревянных ковшей, поставленных на ребро и обращенных днищами к стенке. Как бы продолжая полуокружность, образованную ковшами, около южной стенки ямы были вертикально поставлены 2 куса воска, имевшие форму правильных полукругов (один диаметром 15,5 см и толщиной 5,5 см, второй имел 14 см в длину при ширине от 2,5 до 4,0 см). Кроме того, 2 ковша, опрокинутые вверх дном, лежали в середине ямы (рис. 49).

Перед нами — несомненное жертвоприношение языческой эпохи. Оно было совершено, нужно думать, первыми поселенцами этого района Новгорода. Деревянные ковши и куски жертвенного воска — неотъемлемая часть пчеловодческой братчины — позволяют считать, что это остатки такого языческого пира. Повидимому, 9 семей перед поселением в данном месте устроили братчинный пир. Совершая обряд, они принесли в жертву богам 9 ковшей (рис. 50) с обрядовым напитком и 2 восковых «хлеба», поместив их в специальную яму. Жертва была совершена для приобретения богатства на новом месте жительства. С той же целью при скотоводческой братчине помещались в землю кости жертвенного животного.

Следует обратить внимание на положение братчинных ковшей и кусков воска. Располагаясь по полуокружности, все 7 ковшей внутренней стороной были обращены на восток, навстречу лучам восходящего солнца. Такое положение, повидимому, типично для славянских языческих жертвенников.

С. Н. ОРЛОВ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕМ ПАШЕННОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ
СТАРОЙ ЛАДОГИ

Весной 1954 г. в отвале земли, выброшенной при проведении земляных работ в Старой Ладоге, найдено железное пашенное орудие типа наральника. Ввиду важности находки место работ было тщательно осмотрено, но яма была уже зарыта; характер и мощность культурного слоя на месте находки удалось установить лишь путем опроса.

Земляные работы велись на левом берегу р. Ладожки напротив каменной крепости, в 150—200 м от Земляного городища. Толщина культурного слоя здесь достигает 3 м; в большей части он состоит из темного перегноя со щепой и навозом; ниже залегает светлосерая материковая глина с примесью крупного галечника и валунов, что видно было и по наличию глины в отвале.

Подобная стратиграфия культурных отложений посада Старой Ладоги была выявлена также Невской археологической экспедицией ИИМК в 1951 г. (руководитель экспедиции — Н. Н. Гурина). Экспедицией была заложена траншея, при участии автора этих строк, в 30—40 м к юго-западу от места находки пашенного орудия.

Мощность культурного слоя здесь достигала приблизительно 4 м, причем в нижней его части (толщиной около 0,7 м) встречалась только лепная керамика. Форма горшков, глиняная масса, примеси в ней и обжиг полностью соответствовали лепной керамике из нижних слоев Земляного городища Старой Ладоги, которые, как известно, датируются VI—VII вв.¹ В основании культурного слоя траншеи, интенсивно насыщенного щепой, навозом и углистыми прослойками, четко прослеживалась темносерая прослойка супеси, соответствующая древней погребенной почве, ниже которой шла светлосерая материковая глина.

Найденное орудие, очевидно, залегало в предматериковом слое супеси, т. е. в основании всей толщи культурного слоя, о чем можно было судить по остаткам земли, прилипшей к орудию, и по зеленоватой окраске вивианита, который в Ладоге обычно покрывает железные предметы в нижней части культурных отложений.

По форме ладожский наральник является полной аналогией подобным орудиям, найденным в древнейших южных славянских поселениях эпохи «полей погребений»². Он сделан в форме клина с округлым рабочим краем. Общая длина орудия — 13,6 см, а наибольшая ширина в верхней части насада — 9,5 см. Ширина насада у основания — 8 см. О первоначальной

¹ Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 187—216.

² В. И. Довженко. Земледелие у восточных славян в I тысячелетии н. э. Материалы по истории земледелия СССР, М., 1952.

толщине орудия сейчас судить трудно, так как оно сильно подверглось коррозии; в сохранившемся виде толщина его — всего 0,4—0,5 см (рис. 51)¹.

Насад представляет собой плоскую поверхность и две боковые закраины длиной 8,5 см; глубина боковых закраин — 2 см. Форма насада и определяет предмет как наральник. Такое пашенное земледельческое орудие при использовании могло быть поставлено под очень небольшим углом к почве. Только в таком случае насад подобной формы — с небольшими закраинами и расширенной верхней частью — мог прочно сидеть на деревянной основе пашенного орудия типа белорусского рала².

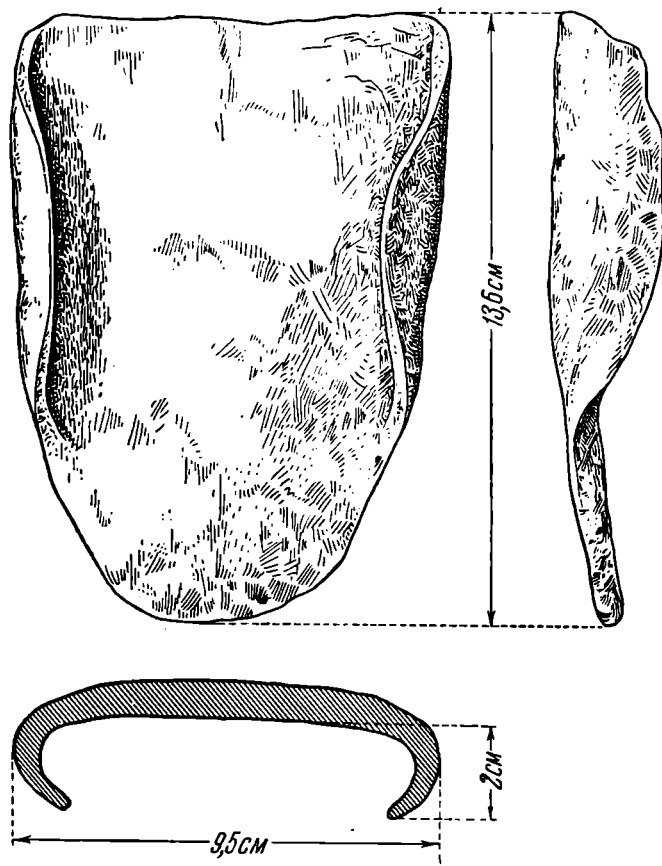

Рис. 51. Железный наральник из Старой Ладоги.

Если сравнить найденный наральник с известным древнейшим железным сошником из слоев VII в. Земляного городища Старой Ладоги³, то у обоих орудий найдутся общие черты в форме насада. У ладожского сошника также прямая плоскость насада и две узкие боковые закраины, что дало возможность В. И. Довженку отнести орудие к типу наральников⁴. Однако рабочий клин орудия из слоев Земляного городища в полтора раза длиннее насада, что характерно для сошников, а не для наральников. Кроме того, у ладожского сошника наибольшая ширина рабочего клина равна 6 см, а у наральника из «полей погребений» ширина — не менее 8—9 см. Отсюда очевидно, что более массивный наральник насаживался один на деревянную основу пашенного орудия, а сошники, как правило, — не менее двух.

¹ Орудие передано на хранение в Новгородский исторический музей в 1954 г. (инв. № 10064).

² А. К. Сер ж п у т о в с к и й. Земледельческие орудия Белорусского Полесья. Материалы по этнографии России, т. I. СПб., 1910, стр. 48, рис. 3.

³ В. И. Р а в д о н и к а с. Старая Ладога. СА, XII, 1950, стр. 40, рис. 38.

⁴ В. И. Д о в ж е н о к. Указ. соч., стр. 136.

Из сравнения обоих орудий нам представляется, что найденный наральник — древнейшее пашенное орудие Старой Ладogi, а в сошнике с Земляного городища следует видеть как бы переходную форму от наральника к развитому сошнику с длинной округлой трубицей для насада, которая уже обеспечивала устойчивость сошника на деревянной основе двузубой или многозубой сохи. Сошники с округлой развитой трубицей могли быть поставлены под большим углом к пашне, почти вертикально, что было абсолютно необходимо при обработке тяжелых глинистых и каменистых почв и при подсечном земледелии, игравшем еще значительную роль в северных лесных районах в тот период. Это положение лишний раз свидетельствует о том, что публикуемый наральник и ранее найденный на Земляном городище Старой Ладogi сошник — пашенные земледельческие орудия. Они не могли быть применены при подсечном земледелии, так как по форме насада не могли стоять под большим углом к пашне.

Как известно по этнографическим материалам, пашенное орудие типа наральника было характерно для южных степных и лесостепных районов. В северных лесных районах вплоть до появления плуга господствовала двузубая соха. Встает вопрос, не является ли найденный наральник древнейшей формой пашенного орудия, занесенного на берега Волхова из южных районов первыми славянскими поселенцами, осваивавшими эти земли?

Однако такое орудие не могло долго применяться на каменистых почвах, и при подсечном земледелии оно сравнительно быстро трансформировалось в сошник с хорошо развитой округлой трубицей для насада.

Такие сошники, как известно, уже широко представлены находками из слоя IX—X вв. Старой Ладogi¹ и Новгорода².

¹ Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладoge в 1949 г. СА, XIV, 1950, стр. 150; С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из нижних горизонтов Земляного городища Ладogi (по материалам Староладожской археологической экспедиции). СА, XXI, 1955, стр. 349, рис. 5.

² Сошники, найденные в Новгороде в слоях X в., еще не опубликованы, и нам они известны благодаря любезности начальника Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ДАК — Доклады Археографической комиссии
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КАЭ — Камская археологическая экспедиция Молотовского государственного университета
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАЭ — Музей антропологии и этнографии (Ленинград)
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО — Русское археологическое общество
СА — Советская археология
СГГид — Собрание государственных грамот и договоров
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук

СОДЕРЖАНИЕ

І. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Стр.

✓ <i>Е. И. Горюнова.</i> Об этнической принадлежности населения Березняковского городища	3
✓ <i>А. Е. Алихова.</i> К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова	31
<i>В. Л. Янин.</i> Печать Мстиславовой грамоты	42
<i>А. Д. Варганов.</i> Обжигательные печи XI—XII веков в Суздале	49
<i>Н. Д. Мец.</i> Монеты удельного княжества Кашинского. (К истории борьбы за Кашин в период сложения Русского централизованного государства)	55

ІІ. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И. Г. Шовкопляс.</i> Фастовская позднепалеолитическая стоянка. (Предварительное сообщение)	68
<i>Д. Я. Телегин.</i> Мезолитические стоянки в окрестностях Киева	74
✓ <i>Н. Я. Мерперт и А. П. Смирнов.</i> Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г.	77
<i>Н. В. Анфимов.</i> Могильники сарматского времени в долине реки Урупа. (По материалам экспедиции 1954 г.)	88
<i>С. Н. Орлов.</i> Вновь открытый раннеславянский грунтовой могильник в Старой Ладоге	94
✓ <i>Э. А. Сымонович.</i> Погребения X—XII вв. Каменского могильника	99
<i>В. А. Оборин.</i> Памятники родановской культуры у села Таборы. (Из работ Камской археологической экспедиции)	107
✓ <i>А. Ф. Дубынин.</i> Археологические исследования в Зарядье (Москва)	119

ІІІ. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

✓ <i>Э. А. Сымонович.</i> О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье.	131
<i>В. Д. Баран.</i> Бронзовая подвеска из села Черепино	136
✓ <i>В. В. Седов.</i> Языческая братчина в древнем Новгороде	138
<i>С. Н. Орлов.</i> К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги	142
Список сокращений	145

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Зограф А. Н. Античные монеты. (Материалы и исследования по археологии СССР № 16). 1951. 250 стр. с илл. Ц. 31 р. 50 к. в пер.

Материалы и исследования по археологии Москвы. Том I. Под ред. А. В. Арциховского [1147—1947. Сборник посвящается 800-летию Москвы]. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 7). 1947. 180 стр. с илл. Ц. 20 р. 70 к. в пер.

Материалы и исследования по археологии Москвы. Том II. Под ред. А. В. Арциховского. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 12). 1949. 310 стр. с илл. Ц. 31 р. 50 к. в пер.

Материалы и исследования по археологии Москвы. Том III. Под ред. Н. Н. Воронина. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 44). 1955. 363 стр. с илл. Ц. 26 р. 50 к. в пер.

Монгайт А. Л. Археология в СССР. 1955. 433 стр. с илл. Ц. 25 р. 20 к. в пер.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Часть I и II. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 18). 1950. 411 стр. с илл. Ц. 40 р. 95 к. в пер.

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры:

Вып. 20. 1948. 103 стр. с илл. Ц. 7 р. 20 к.

Вып. 21. 1948. 161 стр. с илл. Ц. 9 р. 90 к.

Вып. 22. 1948. 85 стр. с илл. Ц. 5 р. 40 к.

Вып. 23. 1948. 113 стр. с илл. Ц. 7 р. 20 к.

Вып. 25. 1949. 143 стр. с илл. Ц. 9 р.

Вып. 31. 1950. 200 стр. с илл. Ц. 11 р. 70 к.

Вып. 33. 1950. 174 стр. с илл. Ц. 11 р. 25 к.

Вып. 53. 1954. 149 стр. с илл. Ц. 7 р. 80 к.

Вып. 56. 1954. 137 стр. с илл. Ц. 7 р.

Вып. 57. 1955. 148 стр. с илл. 2 вкл. Ц. 8 р.

Вып. 59. 1955. 168 стр. с илл. Ц. 6 р.

Вып. 60. 1955. 158 стр. с илл. Ц. 8 р. 20 к.

Книги продаются в магазинах «Академкнига».

Иногородним заказчикам книги высылаются по почте наложенным платежом. Заказы направлять по адресу: Москва, ул. Куйбышева, 8, Контора «Академкнига».

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Т. В. Полякова*
Корректор *А. В. Утина*

*

РИСО АН СССР № 123—83В. Сдано в набор 10/III 1956 г.
Подп. в печать 25/VI 1956 г. формат бум. $70 \times 108\frac{1}{16}$.
Печ. л. $9,25 = 12,67 + 1$ вкл. Уч.-изд. лист. 12,3. Ти-
раж 1500. Т-05324. Изд. № 1384. Тип. зак. 583.
Цена 7 р. 40 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
3	15 сл.	культовые	культовое
43	10 сл.	Сфрагистический	Сфрагистический
57	8 сл.	в 1533 г.	с 1533 г.

Краткие сообщения ИИМК, вып. 65